

ХИВА

«Зимній походъ въ Хиву Перовскаго»
въ 1839 году, — и «Первое посольство
въ Хиву» въ 1842 году.

И. Н. Захарьина (Якунина).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание П. П. Соѣкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 мая 1898 г.

Типографія П. П. Софкина, Спб. Стрелецкая ул., № 12

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи, заключающіяся въ этой книгѣ, были напечатаны, предварительно, въ историческихъ журналахъ: „Зимній походъ въ Хиву“—въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1891 годъ, „Посольство въ Хиву“—въ ноябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1894 годъ. Обѣ статьи были замѣчены военными писателями спеціалистами, отнесшимися къ нимъ очень внимательно: такъ, напримѣръ, статья „Зимній походъ“ была привѣтствована въ журналѣ „Военный Сборникъ“ (февраль 1892 г.) и въ газетѣ „Новое Время“ (№ 5432), въ журналѣ „Колоколъ“ (январь 1892 г.) и во многихъ другихъ изданіяхъ. Эта же статья удостоилась вниманія и благосклоннаго отзыва бывшаго Начальника Главнаго Штаба, генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева, по желанію коего статья „Зимній походъ въ Хиву“, какъ

„представляющая особый интерес“, предназначалась, впрочем, къ помѣщенію въ спеціальномъ военномъ журналѣ.

Въ настоящее время, въ виду исполняющагося, въ маѣ сего года, 25-ти-лѣтія со времени взятія Хивы доблестнымъ Константиномъ Петровичемъ Кауфманомъ, названныя статьи, нѣсколько исправленныя, соединены въ одну книжку—и издаются подъ общимъ заглавіемъ „Хива“.

Позволяю себѣ полагать, что моя книжка представляетъ, дѣйствительно, нѣкоторый интересъ—какъ для лицъ специально знакомящихся съ нашими военными дѣлами на Востокѣ, такъ и для тѣхъ русскихъ людей, которые вѣрятъ въ необходимость и *неизбѣжность* нашего дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ Среднюю Азію, каковое является лишь вопросомъ времени—не болѣе,—и должно неминуемо осуществиться при первомъ-же вооруженномъ столкновеніи Россіи съ „владычицею морей“ и нашею вѣковѣчною соперницей на Востокѣ—съ Англіею.

Авторъ.

ЗИМНИЙ ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

В. А. ПЕРОВСКАГО.

въ 1839 г.

По рассказамъ и запискамъ очевидцевъ.

По дѣламъ службы, мнѣ два года (1889 и 1890) довелось прожить въ Оренбургѣ, гдѣ я встрѣтился и познакомился съ нѣсколькими, еще находящимися въ живыхъ свидѣтелями и участниками несчастнаго похода нашихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году, и слышалъ отъ нихъ живые рассказы и многія интересныя подробности объ этомъ походѣ. Между этими лицами первое мѣсто занималъ бывшій военный топографъ, отставной подполковникъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ, который не только рассказывалъ мнѣ о походѣ устно, но и передалъ имѣвшіеся у него записки

(нам и отчасти и пользовался при составленіи настоящей статьи).

Какъ въ Хивинскій походъ 1839 года, такъ и потомъ, спустя 34 года, во время похода въ Хиву генерала К. П. Кауфмана, были приняты всѣ мѣры, чтобы допесенія о походѣ доходили въ Петербургъ лишь официальнымъ путемъ и чтобы при отрядахъ не было корреспондентовъ. Но судьба—по крайней мѣрѣ во второй походъ—распорядилась иначе: въ отрядъ генерала Кауфмана, когда онъ достигъ уже рѣки Аму-Дарьи, прибылъ, преодоливъ всѣ дѣлаемыя ему препятствія, безстрашный и неутомимый англійскій путешественникъ-корреспондентъ Макъ-Гаханъ, который и описалъ затѣмъ Хивинскій походъ 1873 г. въ особо изданной имъ книгѣ: «Campaigning on the Oxus and the Falle of Khiva» By J. A. Mac-Gahan. London, 1874. Сочиненіе это было переведено въ 1875 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и имѣло огромный успѣхъ среди читающей публики, какъ талантливое и, главное, единственное описаніе столь рѣдкаго и замѣчательнаго, въ лѣтописяхъ военной исторіи похода. Намъ, Русскимъ людямъ, довелось, слѣдовательно, узнать всѣ подробности этого героическаго похода нашихъ войскъ въ глубь Азіи отъ иноземнаго корреспондента...

Къ сожалѣнію, походъ 1839 г. не имѣлъ столь даровитаго участника и лѣтописца: онъ былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что первое извѣстіе о немъ

въ Русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ официальнаго изложенія подробностей похода въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ. Между тѣмъ, въ походѣ принимали участіе извѣстный писатель В. И. Даль (казакъ Луганскій), состоявшій въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Перовскомъ, и знаменитый послѣдствій географъ и путешественникъ по Средней Азіи Н. В. Ханьковъ *). Послѣдній, насколько извѣстно, ничего не написалъ о походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ; Даль же ограничился нѣсколькими частными письмами къ разнымъ своимъ знакомымъ, писанными съ пути, во время похода, и напечатанными 28 лѣтъ спустя въ «Русскомъ Архивѣ». Болѣе подробныя статьи объ этомъ походѣ, написанныя, впрочемъ, по официальнымъ же источникамъ, были помѣщены въ «Русскомъ Словѣ» и «Военномъ Сборникѣ». Затѣмъ имѣется нѣсколько писемъ о Хивинскомъ походѣ 1839 г. самого графа В. А. Перовскаго, главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, писанныхъ имъ съ похода, къ Московскому почтъ-директору А. И. Булгакову и напечатанныхъ въ томъ же «Русскомъ Архивѣ». Есть, наконецъ, и отдѣльная книжка объ

*) Кромѣ названныхъ лицъ, въ экспедиціи въ Хиву участвовали также: П. Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Индіи и Китаю и Э. Эверсманъ.

этомъ же походѣ, изданная однимъ изъ участниковъ экспедиціи, полковникомъ Иванинымъ. Очень возможно, что о зимнемъ походѣ въ Хиву имѣются и еще какія-нибудь напечатанныя статьи, мнѣ неизвѣстныя.

Но все это—матеріалы, такъ сказать, официальные, далеко не полные и не всегда согласные съ истиной. А потому, теперь, при описаніи этого достопамятнаго по своему несчастью и героизму солдатъ и офицеровъ похода, приходится основываться, главнымъ образомъ, на частныхъ запискахъ и письмахъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ, и на устныхъ «разсказахъ очевидцевъ», являющихъ собою вообще Русское традиціонное хранилище свѣдѣній о новѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Затѣмъ, существуетъ, какъ извѣстно, подробное «Дѣло» объ этомъ «Военномъ предпріятіи противу Хивы»; но оно, какъ мы слышали, находится въ Петербургѣ въ Archivѣ Главнаго Штаба, высланное туда изъ Оренбурга по особому распоряженію.

I.

Наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Заботы императора Александра I-го о мирномъ сближеніи съ Хивой.—Рескриптъ Государя воеппому Оренбургскому губернатору Ясену.—Оскорбленія, чинимыя Хивинцами нашимъ посланцамъ.—Отправленіе въ Хиву караванъ-баши Піязмухаметова и штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева.

Послѣ перваго похода въ Хиву Русскаго отряда въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, похода, окончившагося, какъ извѣстно, столь трагически, благодаря обману и вѣроломству Хивинцевъ, а главное, излишней довѣрчивости Бековича, наши сношенія съ Хивой порвались сами собою, и Хивинцы, гордые своею вѣроломною побѣдой, стали къ намъ, открыто, во враждебныя отношенія: они грабили наши торговые караваны, направлявшіеся въ Бухару, подстрѣкали Туркменъ и Киргизовъ похищать Русскихъ людей и покупали ихъ, обращая въ неволю, укрывали нашихъ дезертировъ и бѣглыхъ, и пр. Такъ прошло цѣлое столѣтіе. Никто изъ государственныхъ Русскихъ людей того времени не помышлялъ еще, повидимому, о

той серьезной роли, какая должна была выпасть на долю Россіи въ Средней Азій, въ силу ея инертнаго движенія на Востокъ...

Лишь послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, Императоръ Александръ I-й обратилъ впервые свое высокое вниманіе на упрядоченіе нашей торговли въ Средней Азій: тогдашнему Оренбургскому военному губернатору генералу Эссену было предложено избрать изъ служящихъ въ Оренбургѣ чиновниковъ или военныхъ воиловъ способнаго и надежнаго человека, въ небольшомъ чинѣ, котораго и отправить къ Хивинскому хану, но отнюдь не въ качествѣ дипломатическаго лица, а какъ бы обыкновеннаго чиновника, для установленія правильныхъ пограничныхъ сношеній. Къ рескрипту на имя губернатора Эссена была приложена особая записка, гдѣ излагались тѣ дружественныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать избранный чиновникъ Хивинскому хану. Вотъ содержаніе этой записки *):

« 1. Россійскій императоръ искренно желаетъ благосостояніи своихъ сосѣдей и, въ то же время, готовъ имъ изъвивлять всякую пріязнь, не желая другого съ ихъ стороны, какъ взаимнаго дружелюбія ».

« 2. Если взаимное дружелюбіе будетъ единожды прочно установлено, то очевидно, что польза обоихъ народовъ требуетъ всѣми возможными мѣрами способъ-

*) Изъ дѣла Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго архива № 452.

шествовать свободнымъ торговымъ сообщеніямъ, тщательно отстраняя отъ оныхъ все то, что можетъ служить имъ во вредъ и изыскивая нескрепно средства сдѣлать сіи торговыя сообщенія часъ отъ часу выгоднѣе для обоихъ народовъ».

«3. Подобное взаимное положеніе, кажется, будетъ полезнѣе, нежели нынѣ существующее, столь часто подверженное несприятнымъ происшествіямъ, ко вреду обоюдныхъ подданныхъ обращающимися. Все сіи несприятности весьма легко отвращены быть могутъ, когда искреннее желаніе поселится укоренить дружбу на прочныхъ началахъ».

«Если сіи мысли будутъ приняты, то посылаемый чиновникъ долженъ будетъ взойти (предъ ханомъ) въ подробное лѣтясеніе прелячствій и притѣсеній, встрѣчаемыхъ торгующими, особливо Вухарцами, отъ Хивинцевъ. Во взаимность отвращенія сихъ неудобствъ и притѣсеній, Россійское правительство готово принять предложенія, кои ханъ Хивинскій найдетъ нужнымъ сдѣлать для пользы своего народа, если они будутъ безвредны пользамъ Россіи или другимъ сопредѣльнымъ народамъ».

«Надобно желать, чтобъ чиновникъ, таковое порученіе получающій, былъ не только по наставленію полонъ яснаго понятія о предстоящемъ ему дѣлѣ, но и самъ внутренно и чистосердечно убѣжденъ въ истинѣ, справедливости и пользѣ онаго. Онъ тогда будетъ дѣйствовать съ тою теплотою и непритворностію чувствъ,

которыя въ его положеніи одни могутъ заслужить довѣренность и усыпить Азіатскую мнительность и подозрѣніе и, наконецъ, оставить благопріятное впечатлѣніе въ умѣ и расположеніяхъ Хивинскаго хана».

Вотъ какими миролюбивыми памфроніями исполнено было Русское правительство относительно Хивы въ 1819 году, не смотря на самое разбойничье и хищническое поведеніе нашихъ сосѣдей, называемое въ запискѣ «непріятными происшествіями». Оно, вѣрное своей тогдашней иностранной политикѣ на Западѣ, мечтало «укоренить дружбу на прочныхъ началахъ» и на Востокѣ съ Хивою. Но мѣстные Оренбургскія власти отлично понимали, съ кѣмъ имѣють дѣло, и не увлеклись фантастической перспективой «дружбы» съ закоренѣлыми разбойниками и исконными врагами Россіи. Вотъ что писалъ генералъ Эссенъ въ Петербургъ, въ отвѣтномъ рапортѣ своемъ на высочайшій рескриптъ:

«По вступленіи моемъ въ управленіе Оренбургскимъ краемъ, относился я къ Хивинскому хану Мухамметъ-Рахиму, чрезъ торгующихъ здѣсь его подданныхъ, дружественнымъ письмомъ о взаимной пріязни, но на оное не получилъ отъ него никакого отвѣта».

«Получивъ отъ статсъ-секретаря Кликина, по высочайшему повелѣнію Вашего Величества, всеподданнѣйшую просьбу купцовъ Лазарова и Енушева объ удовлетвореніи ихъ за разграбленіе Хивинцами то-

вары, отправлялъ я въ прошедшемъ году къ Хивинскому хану съ письмомъ нарочнаго, 4-го Башкирскаго кантона поручика Абдулъ-Насыра-Субкангулова; но нарочный сей угрожаетъ въ Хивѣ быть казнѣю за прибытіе туда, которой избѣжалъ единственно убѣжденіемъ Хивинцевъ въ единовѣріи съ ними, въ доказательство коего вынужденъ былъ обрить голову и съ симъ знакомъ униженія выпровожденъ былъ изъ Хивы при отъѣзѣ ко мнѣ отъ имени ханскаго (?) Аталыка-Бегудара, явно обнаруживающемъ строптивость и недостатокъ уваженія къ нашему правительству, и при объявленіи, чтобы впредь не возвращался, а въ Россіи повѣстия бы, что всякій свободный чужеземецъ, по Хивинскимъ законамъ, подвергается у нихъ смерти или рабству, о чемъ и сообщено было отъ меня въ подробности, тогда же, управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретарю графу Несельроде».

«Послѣ таковыхъ безуспѣшныхъ сношеній съ Хивинскимъ правительствомъ, я въ необходимости нахожусь заключить, что во исполненіе высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ новые переговоры и объясненія съ онымъ войти удобно не иначе, какъ въ видахъ силы и справедливой твердости, поддержать достоинство Имперіи, внушить уваженіе къ предмету тѣхъ объясненій и обезпечить безопасность получающаго сіе порученіе».

Затѣмъ, генералъ Эссентъ называетъ въ рапортѣ

своемъ и лицо, имъ намѣченное для посольства въ Хиву: личнаго своего адъютанта, поручика Германа, управлявшаго, въ продолженіе двухъ лѣтъ, «дипломатическимъ отдѣленіемъ» канцеляріи Оренбургскаго губернатора; но прибавляетъ при этомъ, что его возможно будетъ отправить лишь «подъ прикрытіемъ эскорта».

Кромѣ всеподданнѣйшаго рапорта, генералъ Эссентъ счелъ неизлишнимъ сдѣлать надлежащее представленіе о нашихъ сношеніяхъ съ Хивой и всесильному тогда временщику графу Аракчееву. Мы приведемъ изъ этого представленія тѣ мѣста, гдѣ всего рѣзче обрисовывается наше тогдашнее отношеніе къ Хивѣ.

«Правительство Хивинское — пишетъ генералъ Эссентъ — хотя постоянно производитъ съ Россіей торговлю, но отъ самаго начала сношеній нашихъ съ нимъ не переставало дѣйствовать коварнымъ и хищнымъ образомъ. Не обращаясь къ временамъ давно протекшимъ, кои ознаменованы несчастною экспедиціей полковника князя Бековича-Черкаскаго, довольно упомянуть, что отъ тѣхъ временъ донинѣ непрерывно подстрекаетъ оно Киргизъ-Кайсаковъ *) къ уводу людей нашихъ, покупаетъ и содержитъ ихъ въ тяжелой неволѣ, грабитъ преимущественно тѣ караваны, въ

*) То-есть, соседнихъ съ Оренбургомъ *Киргизовъ*, кочевья которыхъ въ то время, какъ и теперь, начинались за р. Ураломъ. Въ настоящее время Киргизы стали совсѣмъ мирнымъ племенемъ и занимаются лишь изрѣдка конокрадствомъ.

коихъ. находятся товары нашихъ Киргизовъ, и въ подданной намъ ордѣ Киргизъ-Кайсацкой производятъ истребленіе, хищничества и насилія всякаго рода. Такъ, напримѣръ, въ 1793 году, посланный въ Хиву, по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе собственнаго прошенія Хивинскаго хана, майоръ Бланкенпателъ былъ тамъ содержанъ подъ стражею, ограбленъ и угрожаемъ опасностію жизни, которой избѣжалъ единственно успѣхомъ, съ какимъ вытѣчилъ онъ до 300 больныхъ Хивинцевъ. Попятія сего правительства о народномъ правѣ и безразсудная жестокость таковы, что посла Персидскаго шаха со свитою, изъ тридцати челоѣкъ состоявшею, велѣно было безчеловѣчно умертвить при самомъ приближеніи его къ Хивинской области. Хотя сіе событіе предшествовало Бланкенпателю за 50 лѣтъ, но *время не измѣнило оныхъ понятій и не обуздало варварскихъ его расположеній*, подтверждаемыхъ послѣднимъ происшествіемъ съ прошлогоднимъ моимъ посланцемъ, который допрашиванъ былъ подъ кинжаломъ палача и угрожаемъ насильствами». «Всѣ таковыя воспоминанія, вмѣстѣ съ безуспѣшными покушеніями войти съ Хивинскимъ владѣльцемъ въ сношенія», убѣждаютъ его, губернатора, въ томъ, что «ежели всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть вновь испытать средство переговоровъ съ Хивинскимъ владѣльцемъ, то сіе не иначе можетъ быть совершено, какъ подъ вооруженнымъ прикрытіемъ», дабы, го-

ворятся въ концѣ, «къ случаѣ крайней неудачи, обезпечено было возвращеніе хотя нѣкоторой части сего отряда»...

Эти благоразумныя предостереженія генерала Эссена разсѣяли, повидимому, маниловскія иллюзіи графа Нессельроде, и посольство Германа въ Хиву не состоялось. Тѣмъ не менѣе, въ новомъ рескриптѣ Оренбургскому военному губернатору отъ 24 Мая 1819-го же года, Императоръ Александръ, соглашайсь, что посольство въ Хиву будетъ бесполезно и рисковано, выразилъ все-таки желаніе «употребить всевозможныя мѣры» къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Хивой. Для этого, въ особой запискѣ, приложенной къ Высочайшему рескрипту, указывался и способъ къ достиженію этой цѣли. Впрочемъ, «способъ» этотъ оказался и на сей разъ обычнымъ продуктомъ петербургскихъ кабинетныхъ измышлений и, какъ увидимъ ниже, не имѣлъ никакого успѣха.

«За сдѣланными уже (говорится въ запискѣ) тщетными покушеніями имѣть дружественныя сношенія съ ханомъ Хивинскимъ, признается небезполезнымъ испытать еще слѣдующее средство: между Хивинцами, живущими въ Оренбургской губерніи, есть, безъ сомнѣнія, люди, извѣстные по наклонности къ нашему правительству и, въ то-же время, пользующіеся довѣренностью своихъ соотечественниковъ въ Хивѣ... Надобно найти одного изъ таковыхъ Хивинцевъ, человѣка добрыхъ свойствъ, смысленаго и

предприимчиваго. Не давая ему замѣтить, что сіе дѣло связано съ видами правительства, падобно заинтересовать его въ немъ собствениною его пользою. Сіе весьма легко сдѣлать, возродивъ въ немъ опасеніе лишиться выгодъ торговли по непріязненному расположенію хана Хивинскаго и заставляя его, такимъ образомъ, самого желать и искать возможности къ отклоненію препонъ торговлѣ съ Хивою»... Далѣе излагается весьма наивный планъ дѣйствій для этого, «извѣстнаго по наклонности къ нашему правительству человѣка»: какъ онъ долженъ былъ отправиться въ Хиву «въ видѣ частнаго человѣка», что онъ долженъ былъ тамъ дѣлать и говорить, какъ онъ долженъ былъ ознакомить Хивинское правительство съ правилами международныхъ сношеній, сообщить ему между прочнымъ, что «Австрійская и Россійская имперіи утвердили уже съопъ торговныя сношенія съ Оттоманскою Портою, а Россія—даже съ Персією и Китаємъ»... При этомъ, предполагалось дать этому посланцу нѣкоторое денежное вспоможеніе...

Подходящаго человѣка для такой курьезной миссіи нелегко, конечно, было найти... Но, тѣмъ не менее, генераль Эссенъ разыскалъ-таки такого въ лицѣ одного изъ Хивинскихъ караванъ-башей *), Атапіаза, Ниязмухаметева, отправлявшаго свои обязанности при Хивинскихъ караванахъ въ теченіе 30 лѣтъ. Но

*) Караванъ-баша — т. е. караванный голова, проводникъ каравана въ степи.

спустя годъ по возложеніи на него миссіи къ Хивинскому хану, генераль Эссентъ, въ рапортъ Государю Императору, доносилъ слѣдующее:

«Хивинецъ Атаніазъ Ніямухаметевъ вернулся въ Оренбургъ съ караваномъ и объяснилъ мнѣ, что владѣлецъ Хивинскій никакими его представленіями не убѣдился и не только посланства на упомянутый предметъ не отправилъ, но и въ объясненіе по оному войти не хотѣлъ, не поставляя на то никакой причины. вмѣстѣ съ нимъ Хивинцемъ возвратился изъ Хивы и посланный мною, по другому Высочайшему Валуего Величества повелѣнію, объявленному мнѣ черезъ управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Мендіаръ Бекчуринъ, имѣвшій порученіе доставить къ Хивинскому хану письмо гр. Нессельроде и ходатайствовать объ удовлетвореніи нашихъ купцовъ за ограбленные у нихъ товары. Къ исполненію сего порученія избралъ я Бекчурина потому, что онъ одного съ Хивинцами магометанскаго исповѣданія и имѣетъ отъ роду слишкомъ 70 лѣтъ. Я надѣялся, что, изъ уваженія къ единоверцу и старости, оказалъ ему будетъ благосклонный пріемъ; но вмѣсто того, чиновникъ сей принять былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею *въ унижительномъ мѣстѣ* и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта».

Почти одновременно съ порученіями, данными

изъ Оренбурга Ниямухаметеву и Векчуригу, быть посланъ въ Хиву же, совсѣмъ съ другой стороны, именно съ Кавказа, генераломъ Ермоловымъ, штабсъ-капитанъ Н. Н. Муравьевъ, которому было поручено «склонить Туркменъ или Трухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и Хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею». Миссія Муравьева была такъ же неудачна, какъ и Ниямухаметева: его долго держали въ Хивѣ, какъ бы въ плѣну, едва допустили до аудіенціи у хана, отобрали всѣ привезенные имъ подарки, и въ концѣ едва выпустили обратно; а отпустивъ и узнавъ потомъ, что это былъ не таможенный чиновникъ (за котораго выдавалъ себя Н. Н. Муравьевъ), а военный офицеръ, очень сожалѣли, что не отрубили ему голову...

Вотъ какъ отвѣчали Хивинскіе ханы на всѣ «покушенія имѣть дружественныя сношенія съ нами»... Оскорбляя неслыханнымъ дотогдѣ образомъ нашихъ пословъ, арестуя ихъ, брѣи имъ головы и содержа «подъ крѣпкою стражею въ унижительныхъ мѣстахъ», Хивинцы продолжали, въ то же самое время, грабить караваны нашихъ торговыхъ людей, имѣвшихъ сношенія съ сосѣдственною съ Хивею Бухарою... Таковую безнаказанность и русское долготерпѣніе можно, по-видимому, объяснить лишь двумя обстоятельствомъ: во-первыхъ, извѣстнымъ личнымъ миролюбіемъ императора Александра I, получившаго, какъ извѣстно, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, глубокое отвращеніе

къ войнѣ вообще, и во-вторыхъ, тѣмъ, что во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которыми были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ дальнемъ Востокѣ, но даже его слава и государственная честь, такъ дерзко оскорбляемая и принижаемая, въ данномъ случаѣ, Хивинскимъ ханомъ и его соправителями. Дерзость Хивинцевъ происходила, конечно, отъ ложнаго представленія ихъ о своей силѣ, которая все заключалась лишь въ большой трудности похода къ Хиву для отряда Европейскихъ войскъ. Но разь, при Петрѣ I, такой походъ былъ сдѣланъ, онъ могъ и долженъ былъ, рано или поздно, повториться: это былъ лишь вопросъ времени...

II.

Пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго и первое впечатлѣніе, имъ произведенное. — Кго столкновеніе съ генералами Жемчужниковымъ и Стерлихомъ. — Любезный пріѣмъ, оказанный Перовскому Оренбургскими Татарами съ Тимашевымъ во главѣ. — Первые мысли о походѣ на Хиву. — Похищеніе Киргизами вдовы-офицерши. — Хлопоты Перовскаго къ Петербургъ о разрѣшеніи похода. — Встрѣча съ императоромъ Николаемъ. — Первоначальные планы и расчеты. — Сформированіе экспедиціоннаго отряда. — Штабъ генерала Перовскаго.

Въ 1833 году прибылъ къ Оренбургъ назначенный военнымъ губернаторомъ и командующимъ от-

дѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ свиты Е. В. генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій *).

Оренбургъ, ранѣе, никогда не имѣлъ такого молодого губернатора и, вдобавокъ, корпуснаго командира... Перовскому въ то время было лишь 38 — 39 лѣтъ. Молодой губернаторъ былъ очень красивъ собою, «выглядѣ имѣлъ строгій и суровый», ростомъ былъ выше средняго, имѣлъ изящныя великосиѣтскія манеры и обладалъ необыкновенною физической силой, такъ что свободно разгибалъ подковы. До пріѣзда своего въ Оренбургъ, генералъ Перовскій прошелъ хорошую боевую школу, не совсѣмъ-то обыкновенную и полную интересныхъ событій: 18-лѣтнимъ юношей онъ участвовалъ въ Вородинскомъ бою, гдѣ ему оторвало пулею часть средняго пальца на рукѣ (вслѣдствіе этого, онъ носилъ, потомъ, на этомъ пальцѣ золотой, длинный наперстокъ); при выступленіи французовъ изъ Москвы, попалъ къ нимъ въ

*) Генералъ В. А. Перовскій въ то время не былъ еще графомъ; титулъ этотъ онъ получилъ 17 Апрѣля 1855 года, т. е. въ день рожденія покойнаго Государя Александра Николаевича, всего черезъ два мѣсяца по восшествіи его на престолъ; графское достоинство было пожаловано В. А. собственно за Коканскій походъ 1853 г. и взятіе крѣпости Акъ-Мечеть, перешлованной, затѣмъ, въ „Фортъ-Перовскій“. Это было во время второй уже службы Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ; онъ былъ тогда „Самарскимъ и Уфимскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ, генераломъ отъ кантоніи и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеромъ“. Въ Оренбургѣ, въ зданіи караванъ-сарая, въ домѣ губернатора, въ одной изъ залъ, находится прекрасный портретъ графа В. А. Перовскаго, въ натуральную величину, установленный въ роскошную золотую раму.

плѣвить; *тѣмъ*, при обозѣ маршала Даву, прошель отъ Москвы во Францію, гдѣ и жилъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, въ Орлеанѣ, до Февраля 1814 г., когда ему удалось бѣжать изъ Франціи и присоединиться къ русской арміи, бывшей въ то время за границей. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ, состоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова и сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его путешествіи по Россіи. Въ Турецкую войну 1828 г., подъ Варной, Перовскій былъ тяжело раненъ пулею въ правую сторону груди, такъ что ему *вырѣзали* эту пулю. Въ то же время, это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, дружный съ Жуковскимъ, знакомый съ Пушкинымъ, Карамзинымъ и всѣми интеллигентными членами ихъ кружка, (Пушкинъ, во время пріѣзда своего въ Оренбургъ, остановился прямо у Перовскаго). Все это, вмѣстѣ съ легендою о тайнственномъ происхожденіи молодого генерала, производило на окружающихъ большое обаяніе. Но нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной служебной аристократіи сильно смущалъ некрупный чинъ новаго корпуснаго командира, и изъ-за этого чина вышелъ даже, на первыхъ же порахъ, слѣдующій инцидентъ, еще болѣе поднявшій престижъ новаго губернатора.

Начальникомъ расположенной тогда въ Оренбургѣ 28-й пѣхотной дивизіи былъ генералъ-лейтенантъ

Жемчужниковъ, а начальникомъ бригады — старый генераль Стерлихъ. Будучи чинами старше Перовскаго, дивизионный генераль, а по сего примѣру и бригадный, не поѣхали представиться, а ожидали, что Перовскій, какъ вновь пріѣзжій, сдѣластъ имъ визитъ первый, чего этого, однако, не сдѣлалъ. Тогда генераль Жемчужниковъ обратился въ Петербургъ съ конфиденціальнымъ письмомъ къ военному министру, испрашивая указаній, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ?.. Изъ Петербурга не замедлилъ, однако, придти весьма печальный для генерала Жемчужникова отвѣтъ: ему предлагалось отправиться немедленно къ своему начальнику, корпусному командиру, свиты Е. В. генераль-маіору Перовскому, и доложить ему, что онъ, генераль-лейтенантъ Жемчужниковъ, за нарушеніе правилъ обычной военной подчиненности, получилъ предложеніе подать въ отставку... Къ чести престарѣлаго и заслуженнаго генерала Жемчужникова слѣдуетъ прибавить, что онъ не исполнилъ этого предложенія, а просто отправилъ прошеніе объ отставкѣ, въ которую тотчасъ же и былъ уволенъ, съ выслуженною имъ ранѣе пенсією. Перовскій же послѣ этой исторіи былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ назначеніемъ генераль-адъютантомъ.

Оренбургскіе Татары, составлявшіе въ то время большинство населенія края и самаго города Оренбурга, встрѣтили новаго губернатора съ большимъ

почетомъ и уваженіемъ; а ихъ бывшій мурза Тимашевъ предложилъ даже къ услугамъ генерала Перовскаго свой домъ, лучшій въ городѣ, на Николаевской улицѣ.

Въ первые же годы своей службы въ Оренбургѣ, молодой губернаторъ сумѣлъ достаточно ориентироваться въ новомъ для него краѣ и ко многому приглядѣться. При этомъ, его всего болѣе поразило и стало мучить слѣдующій, крайне оскорбительный для самолюбія каждаго русскаго человѣка фактъ: онъ узналъ, что кочующіе сейчасъ же за Ураломъ, вблизи города, Киргизы, числящіеся въ нашемъ подданствѣ, забираютъ, при малѣйшей оплошности, русскихъ людей въ плѣнъ и тотчасъ же продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю, что промыселъ этотъ составляетъ любимое, удалое занятіе киргизовъ и что они ведутъ это дѣло совершенно свободно; во время же рекогносцировокъ за Уралъ казачьихъ конныхъ отрядовъ и при погоняхъ изъ укрѣпленій, хищники эти, на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ, безнаказанно уходятъ въ степь; что вещей такихъ «плѣнныхъ» находится въ Хивѣ, по свидѣніямъ отъ караванъ-башей, болѣе 500 человѣкъ... На генерала Перовскаго особенно, говорятъ, повліялъ рассказъ о происшествіи, случившемся въ Оренбургѣ въ 1825 году, какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ городъ императора Александра I.

Вдова одного казачьяго офицера, узнавъ о предстоящемъ прібытіи въ городъ Государя, рѣшилась

нарочно пріѣхать въ Оренбургъ, чтобы повидать царя, котораго ранѣе никогда не видала; она при этомъ взяла съ собою и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, чтобы кстати и имъ взглянуть на царя. Пріѣхавъ въ городъ наканунѣ прибытія въ него Государя, любопытная офицерилла не нашла на постоялыхъ дворахъ и въ гостиницахъ ни одной уже свободной комнаты, и велѣдствіе этого рѣшилась остановиться, съ дѣтьми, прислугою и своими лошадьми, бивуакомъ и почевать въ тарантасѣ, на которомъ пріѣхала; она расположилась на этомъ берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится, въ настоящее время, архіерейскій садъ и гдѣ въ то время росли еще нѣкоторые деревья, остатки бывшаго лѣса. Вдругъ, ночью, бивуакъ вдовы окружила конная шайка тихо подкрававшихся Киргизовъ, схватили офицершу изъ одной сорочкѣ, связали ее по рукамъ и ногамъ, клинули поперекъ лошади на сѣдло, поскакали къ Уралу и бросились черезъ него вплавь... Ни дѣтей ея, ни бывшую съ нею крѣпостную прислугу, кучера и горничную дѣвушку киргизы не взяли. Пока оторопѣлые и испуганные люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти подняли на ноги казаковъ, совсѣмъ разсвѣло, а хищниковъ и слѣдъ простылъ: они были уже далеко въ степи по дорогѣ на Эмбу, направляясь къ Хивѣ... Когда доложили объ этомъ происшествіи прибывшему на другой день въ Оренбургъ Государю, то императоръ Александръ Павловичъ былъ, говорить, глубоко огорченъ

этимъ несчастнымъ событіемъ, приказалъ взять дѣтей «на особое попеченіе», а вдову, во что бы ни стало, выкупить отъ Хивинцевъ, за его, государевъ, счетъ, что и было впоследствии исполнено.

Фактъ этотъ, понятно, сильно поразилъ Перовскаго, какъ онъ могъ поразить и всякаго иного свѣжаго человека, пріѣхавшаго въ Оренбургъ... Въ самомъ дѣлѣ: Русскій царь долженъ былъ выкупать вдову своего офицера, взятую въ плѣнъ въ мирномъ, повинному, городѣ, наканунѣ пріѣзда въ него самого Государя, взятую, главное, его же подданными, кочующими за Ураломъ «мирными» кпргизами!..

Вотъ какой порядокъ вещей созданъ былъ различными неумѣлыми правителями въ Оренбургскомъ краѣ ко времени пріѣзда въ него В. А. Перовскаго. Какъ человекъ, имѣвшій въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ, большія связи, Перовскій рѣшился возбудить ходатайство о необходимости новаго военнаго похода на Хиву...

Въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, ходатайство генерала Перовскаго не встрѣтило сочувствія ни въ военныхъ сферахъ, ни въ придворныхъ: указывали на трудности похода по безводнымъ пескамъ и пустынямъ; вспоминали трагическую судьбу отряда кн. Нековича-Черкаскаго, хотя и преодолевшаго походъ и дошедшаго до самой Хивы, но затѣмъ все-таки погибшаго; выставляли на видъ и большія денежные затраты, необходимыя на снаряженіе экспедиціи, за-

траты, которые не окупятся малыми, сравнительно, выгодами, въ случаѣ даже успѣха... Тогда генераль Перовскій отправился въ Петербургъ лично; тамъ, благодаря своимъ придворнымъ связямъ, онъ сильно подвинулъ впередъ задуманное имъ дѣло. Одинъ только военный министръ, графъ Чернышовъ продолжалъ оппонировать Перовскому. Наконецъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, когда императоръ Николай Павловичъ подошелъ къ гр. Чернышову и о чемъ-то заговорилъ съ нимъ, генераль Перовскій, проходившій въ это время вблизи (вѣроятно, умысленно) былъ тоже подозванъ Государемъ. Разговоръ начался о Хивинскомъ походѣ... Военный министръ возражалъ противу похода, Перовскій сталъ горячо доказывать необходимость освободить Русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ неволѣ у Хивинцевъ... Николай Павловичъ внимательно слушалъ обоихъ спорящихъ, давая имъ полную свободу высказаться...

— Государь, я принимаю эту экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность, — заявилъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ Перовскій, и эта его рѣшимость повліяла на Государя на столько, что онъ тутъ же сказалъ Перовскому: — Когда такъ, то съ Богомъ! — и отошелъ отъ графа Чернышова и Перовскаго къ другимъ лицамъ *).

*) Эта сцена записана здѣсь со словъ Г. Н. Зеленина, слышавшаго о ней отъ капитана генеральнаго штаба Никифорова, лица, какъ увидимъ ниже, очень близко стоявшаго въ то время

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, составленъ былъ, по приказанію Государя, особый комитетъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и генерала Перовскаго. Въ засѣданіи комитета 12 марта 1839 г. и рѣшенъ былъ походъ на Хиву; но при этомъ положено было «содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю». Въ случаѣ удачи похода и взятія Хивы, предполагено было «смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ (нашихъ сношеній съ Хивой), освободить всѣхъ плѣнныхъ и дать полную свободу торговлѣ нашей». Затѣмъ, въ томъ же засѣданіи комитета, опредѣлено было «на предпріятіе это» 1.698,000 руб. асс. и 12 т. черв., снабдить отрядъ орудіями и снарядами изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ и присвоить начальнику экспедиціи генералу Перовскому, на время похода, власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (т. е. главнокомандующаго).

Добившись подписанія этого журнала графомъ Чернышовымъ и утвержденія его Государемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, 17 марта 1839 года, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова, своей,

къ генералу Перовскому. Объ этомъ своемъ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ Перовскій передавалъ, вносящій, уже по припадѣ въ Оренбургъ, и другимъ лицамъ, въ той же редакціи.

такъ сказать, правой руки, выѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургъ и, тотчасъ же по прїѣздѣ, сталъ готовиться къ походу на Хиву.

Но главный вопросъ, отъ удачнаго рѣшенія котораго зависѣлъ успѣхъ или гибель дѣла, былъ еще нерѣшенъ: надо было опредѣлить время похода, т. е. зимою или лѣтомъ выступить изъ Оренбурга...

За выступленіе зимою было большинство генераловъ и командировъ отдѣльных частей, находившихся тогда въ Оренбургѣ; энергичнѣе всѣхъ стоялъ за зимній походъ начальникъ Банкирскаго войска генералъ-маіоръ Станиславъ Цюлковскій, имѣвшій на молодого губернатора большое вліяніе. Во-первыхъ, по словамъ Цюлковскаго, экспедиціонный отрядъ избавлялся отъ страшной жары, доходящей въ пескахъ, предъ Усть-Уртомъ, до 58° по Реомюру; во-вторыхъ, отрядъ, который предположено было сформировать изъ 5 сибирскихъ тысячъ человѣкъ, болѣе чѣмъ при десяти тысячахъ верблюдовъ, могъ бы, идя зимою, по безводнымъ пустынямъ и сыпучимъ пескамъ, имѣть вездѣ воду, которую легко было бы добывать, собирая и оттаивая снѣгъ. Меньшинство было за выступленіе раннею весною; главнымъ противникомъ зимняго похода былъ начальникъ штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса баронъ Рокасовскій (бывшій впоследствии Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и генералнаго штаба штабсъ-капитанъ Никифоровъ: они доказывали генералу Цюлковскому, что если только зима

будетъ свѣжная и суровая, то весь отрядъ неминуемо погибнетъ, такъ какъ въ степи нельзя будетъ достать топлива для варки горячей пищи, а главное, всѣ верблюды надутъ отъ бескормицы, не будучи въ силахъ добывать корытъ изъ-подъ глубокаго снѣга. Врать же съ собою, навьючивая на спины тѣхъ же верблюдоѣдъ, топливо и корытъ, на всѣ 1,500 верстъ до Хивы было немислимо...

Въ то время Киргизская степь, а главное, возвышенная плоскость Усть-Урты и самый путь въ Хиву были совершенно неизслѣдованы и почти неизвѣстны для русскихъ военныхъ людей, а самая Хива была для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, *terra incognita*; знали только, что Киргизская степь до Эмбы была маловодна, а дорога далѣе по Усть-Урту, вплоть до Аму-Дарыи, была совсѣмъ безводна. Но и эти скудные свѣдѣнія имѣлись, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ русскихъ людей, которые, проживая въ Хивѣ плѣнниками, уловчались бѣжать оттуда и благополучно добраться до Оренбурга; но свѣдѣнія, добытыя отъ этихъ несчастныхъ, были до того сбивчивы и разнорѣчивы, что на нихъ, очевидно, нельзя было серьезно положиться и основываться. Имѣлись, правда, нѣкоторые свѣдѣнія на этотъ счетъ, составленные полковникомъ генеральнаго штаба О. О. фонъ-Бергомъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ), бывшимъ начальникомъ маленькой экспедиціи, снаряженной въ зиму 1825—1826 гг. для изслѣдованія

пути изъ Оренбурга къ Аральскому морю. По этимъ свѣдѣніямъ, на Хиву было *два* пути: первый путь былъ по восточную сторону Аральскаго моря, а второй на Куя-Ургенчъ, по западную; первымъ путемъ до Хивы было 1,400 верстъ, а вторымъ 1,320 верстъ. Этотъ послѣдній путь рекомендовался изслѣдователемъ какъ лучший и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода на Хиву, были намѣчены, тѣмъ же Бергомъ, два пункта для постройки укрѣпленій: первый при впаденіи въ р. Эмбу рѣчки Аты-Джакемъ (или Аты-Якши) и второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впоследствии, крайне неудобные: первый по отсутствію вѣдизи корма, а второй по своей нездоровой водѣ. И вотъ, эти-то роковыя свѣдѣнія, составленные, какъ бы нарочно, фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣпленій. Для этого, были отправлены въ степь, до Усть-Урта, весной 1839 г., два съемочные отряда, снабженные людьми, верблюдами, деньгами, инструментами и проч., подъ командою полковника генеральнаго штаба Геке *).

На эти отряды, кромѣ обязанности топографической съемки, было возложено порученіе устроить по пути на Усть-Уртъ, въ пунктахъ, рекомендованныхъ Бер-

*) Полковникъ Геке, впоследствии наказный атакманъ Уральскаго казачьяго войска, состоялъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ.

гомя, два укрѣпленія, изъ которыхъ и заготовить для отряда двѣ главныя вещи зимняго похода въ степи — топливо (пять камышей степнаго бурьяна) и кормъ верблюдамъ. Такія два укрѣпленія, дѣйствительно, и были полковникомъ Геке устроены: одно было возведено на рѣкѣ Эмбѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Аты-Якши, въ 500, примѣрно, верстахъ отъ Оренбурга, а другое за 170 верстъ отъ перваго, въ 12 верстахъ отъ подъема на Усть-Уртъ; оно называлось *Актъ-Булакъ* — Вѣдлый Ключъ — по цвѣту имѣвшейся здѣсь въ изобиліи холодной, частію бѣловатаго цвѣта, воды. Укрѣпленіе это имѣло и другое, тоже мѣстное названіе — *Чушка-Куль*, т. е. Свиное Озеро, по множеству водившихся здѣсь, въ камышахъ, дикихъ кабановъ.

Полковникъ Геке, поротясь изъ командировки, доложилъ генералу Перовскому, что хотя онъ и исполнилъ съ буквальною точностію возложенное на него порученіе, но, тѣмъ не менѣе, считаетъ избранный путь въ Хиву крайне неудобнымъ, такъ какъ вся мѣстность отъ Эмбы до Чушка-Куля (или Актъ-Булака) «состояла изъ солончаковой низменности и изъ самой бѣдной, нагой, илистой почвы, почти безводной». Но было уже поздно выбирать иной путь; съ походомъ въ Хиву торопились, полагаясь, болѣе всего, на русское «авось» и волю Пожью... Въ укрѣпленія были тотчасъ же отправлены изъ Оренбурга нѣсколько каравановъ съ овсомъ, сухарями и всякими иными

продовольственными припасами, при сильных и вооруженных отрядах, которые, затѣмъ, и остались въ названныхъ двухъ укрѣпленіяхъ, въ видѣ гарнизоновъ, занимаясь заготовкою для отряда сѣна; а съемочные отряды вернулись въ Оренбургъ. Такимъ образомъ, было предположено, что экспедиціонный отрядъ, раздѣленный на нѣсколько колоній, выступить изъ Оренбурга въ половинѣ ноября; на Эмбицское укрѣпленіе прибудетъ въ первыхъ числахъ декабря, а въ Чушка-Кульское — въ половинѣ декабря. Оттуда было предположено послать легкой разведочный отрядъ для выбора болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ и для изслѣдованія, есть ли снѣгъ на плоскости Усть-Урта; въ случаѣ, если бы не оказалось снѣга, рѣшено было ждать его въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи; а тѣмъ временемъ, къ ближайшему береговому пункту Каспійскаго моря, находящемуся въ 100 верстахъ отъ Чушка-Куля, должны были подойти десять большихъ парусныхъ судовъ съ различными запасами и новыми продовольствіемъ для отряда, которые имѣли выйти изъ Астрахани осенью же, нѣсколько раньше выступленія отряда изъ Оренбурга. Затѣмъ, какъ только снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадетъ, и явится такимъ образомъ возможность добыванія воды, немедленно двинуться въ дальнѣйшій походъ, подняться на Усть-Уртъ и пройти форсированнымъ маршемъ все безводное пространство до Аральскаго моря; а тамъ уже, слѣдуя берегомъ моря,

по плоскости Усть-Урта, легко было, по показаніямъ бывшихъ въ Хивѣ плѣнныхъ, найти воду вездѣ. Тѣ же бывшіе плѣнники дали и еще одно весьма важное показаніе, именно, что снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадаетъ не ранѣе конца декабря или даже въ январѣ, и что случаются зимы, когда снѣгъ не выпадаетъ вовсе.

Вотъ всѣ тѣ предварительныя приготовленія, что были сдѣланы, и тѣ свѣдѣнія, которыя были добыты предъ началомъ несчастнаго похода Русскихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году. Затѣмъ, было приступлено къ сформированію экспедиціоннаго отряда и къ изготовленію для него вѣчныхъ и перевозочныхъ средствъ, транспортовъ, парка, къ покупкѣ лошадей и найму нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ, и пр...

Рѣшено было сформировать всего четыре отдѣльныя колонны, въ составъ коихъ должны были войти: 4 линейныхъ баталіона, одинъ полкъ Оренбургскихъ и одинъ Уральскихъ казаковъ, конно-казацья артиллерійская батарея съ 6-ти фунтовыми орудіями, 8 горныхъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ и два батарейныхъ орудія, взятыя изъ мѣстной крѣпостной артиллеріи, такъ какъ не знали, собственно, что такое городъ Хива? крѣпость ли это, или только городъ, обнесенный стѣною, съ цитаделью внутри, и придется ли штурмовать его прямо пѣхотными колоннами, или же, при осадѣ, потребуются тяжелыя осадныя орудія—для бомбардированія и пробитія затѣмъ брени. При отрядѣ былъ, также, большой артиллерійскій

паркъ, 250 ракетъ Шильдера, 500 ракетъ сигнальныхъ и 500 фальшфейеровъ; были гальваническіе и мѣнные снаряды, понтонная рота съ четырьмя разборными лодками *) по 35 футовъ длины въ каждой, 6 холщевыхъ понтоновъ, холщевыя лодки, 300 бурдюковъ и Уральскіе рыболовные чesны, поставленные на колеса. Эти морскія снасти брались для предполагаемаго на обратномъ пути изъ Хивы обозрѣнія Аральскаго моря. Затѣмъ, въ отрядъ назначенъ былъ еще одинъ сводный дивизионъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка, составлявшаго, такъ сказать, личную гвардію генерала Перовскаго въ Оренбургѣ **). Всего въ отрядѣ было болѣе пяти тысячъ человекъ, и командованіе четырьмя колоннами было возложено

*) Лодки эти были разобраны по частямъ и навьючены на верблюдовъ; ими не пришлось воспользоваться, такъ какъ отрядъ не дошелъ до Аральскаго моря. При отступленіи, Перовскій разрѣшилъ пользоваться этими лодками, какъ топливомъ, для варки пищи.

**) Уфимскій конно-регулярный полкъ былъ сформированъ по особому ходатайству генерала Перовскаго изъ рослыхъ и красивыхъ нижнихъ чиновъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ и изъ офицеровъ, лично извѣстныхъ генералу Перовскому. Это было нѣчто въ родѣ его личной гвардіи. Содержаніе этого полка обходилось казнѣ довольно дорого. Ту же декоративную затѣю, 40 лѣтъ спустя, устроилъ въ Оренбургѣ покойный генералъ-губернаторъ Крыжаповскій, настоявшій на сформированіи особаго регулярнаго Башкирскаго полка, командованію которымъ было поручено сыну Крыжаповскаго, совсѣмъ еще молодому человѣку, въ чинѣ подполковника. Полкъ этотъ, стоившій казнѣ тоже очень недешево, былъ послѣ крушенія, постигнувшаго г-ла Крыжаповскаго (по обнаруженіи извѣстнаго хищенія Башкирскихъ земель), распущенъ и упраздненъ.

генераломъ Перовскимъ послѣдующихъ лицъ. Начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ командиръ Башкирскаго войска генераль-маіоръ Ціолковский. «Войско» это, въ дѣйствительности Башкирское племя, какъ расположенное въ районѣ тогдашней Оренбургской губерніи (заклучавшей въ себѣ и нынѣшнюю Уфимскую), было подчинено, какъ и Оренбургское же казачье войско, власти Оренбургскаго военнаго губернатора. Ціолковский, по происхожденію, былъ человѣкъ злой, мстительный и крайне жестокосердый; офицеры его ненавидѣли, солдаты боялись и тряслись при одномъ его приближеніи. Командиромъ 2-й колонны былъ назначенъ командующій конно-казачьею артиллерійскою бригадою подковникъ Кузьминскій. Командиромъ 3-й колонны былъ назначенъ начальникъ 28-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Толмачевъ, и, наконецъ, 4-ю колонною командовалъ бывшій впоследствии наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска генераль-маіоръ Молоствовъ. Эта послѣдняя колонна считалась главною и въ ней находился начальствующій всѣмъ экспедиціоннымъ отрядомъ генераль-адъютантъ Перовскій съ своимъ штабомъ, во главѣ котораго стоялъ невидимый его начальникъ и правая рука генерала, штабсъ-капитанъ Прокофій Андреевичъ Някифоровъ; вѣдшимъ же начальникомъ «походнаго штаба» Перовскаго былъ подполковникъ Ивановичъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—гвардіи капитанъ Добу. Кромѣ

того, при Перовскомъ была масса различныхъ лицъ: чиновниковъ особыхъ порученій, штабъ-офицеровъ, адъютантовъ, гвардейскихъ оберъ-офицеровъ и проч., словомъ, былъ весь тотъ хвостъ военныхъ «павлиновъ» и трутней, отъ которыхъ несвободенъ былъ на Руси ни одинъ военачальникъ, начиная съ фельд-маршала Суворова и кончая генераломъ Черняевымъ въ Сербіи... При штабѣ Перовскаго было также нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба для предпологавшихся геодезическихъ и этнографическихъ работъ въ Хивѣ и дорогою; затѣмъ, были офицеры корпуса топографовъ и 12-ть топографовъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Какъ великъ былъ обозъ этой главной колонны, можно судить по одному тому, что подъ кухонными лишь припасами, винами, консервами, предназначенными собственно для стола генераль-адъютанта Перовскаго, было 140 вьючныхъ верблюдовъ. Всѣхъ же верблюдовъ было въ отрядѣ 12,450, такъ что приходилось, въ общемъ, по два слишкомъ верблюда на каждого человѣка.

III.

Выступление отряда изъ Оренбурга.—Штабъ-капитанъ Икинфоровъ.—Его роль въ отрядѣ и близость къ ген. Перовскому.—Первыя неурядицы въ отрядѣ съ павьючкою верблюдовъ.—Наступленіе страшныхъ морозовъ и недостатокъ топлива.—6-е Декабря.

Экспедиціонный отрядъ, раздѣленный, какъ сказано, на четыре колонны, началъ свое выступленіе

изъ Оренбурга 14-го Ноября 1839 года. Выступали въ походъ по одной колоннѣ въ день, такъ что послѣдняя колонна съ генераломъ Перовскимъ выступила 17-го числа. Погода при выступленіи была хорошая; но на первой же дневкѣ, въ Илецкѣ, было 22° стужи. Нѣсколькими недѣлями ранѣе, именно 21 Октября, выступилъ изъ Оренбурга передовой отрядъ (авангардъ), состоявшій изъ 5 офицеровъ и 357 нижнихъ чиновъ при 4-хъ орудіяхъ и 1128 верблюдахъ, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго (впослѣдствіи, въ 1842 г., начальника посольства въ Хиву). Этотъ-то, вотъ, отрядъ и дошелъ до Эмбы «выполнивъ благополучно», такъ какъ снѣгу и морозовъ не было, а потому вездѣ былъ еще подножный кормъ для верблюдовъ и лошадей, а въ водѣ не было недостатка.

На первыхъ же, такъ сказать, шагахъ похода сказала въ отрядѣ та первенствующая роль, которую игралъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ. Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ объ этомъ не совсемъ-то обыкновенномъ человѣкѣ, игравшемъ такую видную роль въ несчастномъ походѣ 1839 года на Хиву и въ дальнѣйшей, затѣмъ, годъ спустя, попыткѣ къ сближенію съ нею. Въ Оренбургѣ и теперь, спустя болѣе полувѣка, еще живы нѣсколько лицъ, хорошо помнящія даже наружность Никифорова и «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію подполковника Г. Н. Зеленина въ

его записках... Наружность Никифорова была столь же характерна: небольшого роста, широкоплечій, чрезвычайно подвижной, онъ, при этомъ, такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Онъ, вначалѣ, появился на Оренбургскомъ горизонтѣ при обстоятельствахъ не совсѣмъ-то обыкновенныхъ и пріятныхъ, по крайней мѣрѣ для него самого: онъ былъ переведенъ изъ поручиковъ гвардейскихъ саперъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ тѣмъ же чиномъ... Затѣмъ узнали, что у Никифорова въ Петербургѣ была, изъ-за женщины, «исторія»: его тяжело оскорбили въ военной компаніи гвардейской молодежи; онъ не вызвалъ оскорбителя на дуэль и не дрался; затѣмъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи какой-то еще неловкій шагъ, и его, въ концѣ концовъ, перевели изъ гвардіи въ линейный батальонъ. Здѣсь принялъ въ немъ горячее участіе начальникъ корпуснаго штаба баронъ Рокасовскій, знавшій Никифорова еще въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ генерала Перовскаго, начальникъ штаба рекомендовалъ Никифорова, какъ очень образованнаго офицера, и главное какъ очень полезнаго и хорошо ознакомившагося съ краемъ. Не прошло и года со времени перваго представленія опальнаго поручика Никифорова генералу Перовскому, какъ онъ уже пользовался неограниченнымъ довѣріемъ генерала и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Еще годъ, и поручикъ Никифоровъ былъ, по пред-

ставленію генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ военной Академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ «для особыхъ порученій», не имѣи при этомъ никакой определенной должности, но распоряжаясь, въ то же время, рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ его, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и капризному губернатору; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву.

Распоряженія штабсъ-капитана Никифорова породили, на первыхъ же порахъ похода, различные недоразумѣнія въ колоннахъ и даже неудовольствія среди начальствующихъ ими лицъ: оказывалось, что начальники колоннъ лишались собственной инициативы, и всѣ распоряженія и дѣйствія направлялись изъ штаба генерала Перовскаго рукою Никифорова. Главное, что особенно не нравилось въ тѣ времена командирамъ колоннъ, это замѣчательное безкорыстіе Никифорова и его зоркій надзоръ за тѣмъ, чтобы до солдатъ доходило рѣшительно все, что имъ отпускалось и полагалось.

Съ первого же дня выступленія въ походъ, Перов-

скій поставилъ себя къ начальникамъ колоннъ въ отношенія довольно ненормальными: онъ держался очень изолировано и недоступно. На остановкахъ и дневкахъ, въ кибитку его рѣшительно никто, даже начальникъ походнаго штаба, не имѣлъ права войти безъ особаго доклада; исключеніемъ былъ одинъ штабъ-капитанъ Никифоровъ, входившій къ генералу Перовскому во всякое время. Это предпочтеніе особенно не проявлялось «штабу» Перовскаго и начальникамъ колоннъ, изъ коихъ трое были генералами.

Вслѣдствіе неумѣлости главныхъ распорядителей, неурядица въ отрядѣ началась еще въ Оренбургѣ— съ навьючкой верблюдовъ. Въ каждой колоннѣ было около 3 тысячъ верблюдовъ; въ главной, 4-й колоннѣ, ихъ было почти 4 тысячи. Передъ выступленіемъ колоннъ и при остановкахъ на ночь, всѣ эти 12½ тысячъ верблюдовъ приходилось навьючивать и развьючивать. При каждомъ десяти верблюдахъ былъ нанятъ всего одинъ Киргизъ, для котораго требовалось нѣсколько часовъ времени всякій разъ; тогда, къ помощъ Киргизу-поводарю стали назначать по пяти линейныхъ солдатъ, взявшихъ за дѣло очень охотно, но неумѣло. Въ результатъ являлась масса заболѣвшихъ верблюдовъ, у которыхъ сенины были протерты вплоть до костей; ихъ стали развьючивать и раздѣлять вьюки на остальныхъ, здоровыхъ, обременяя

такимъ образомъ этихъ послѣднихъ непосильною ношей...

Походное движеніе колоннъ было направлено изъ Оренбурга такимъ образомъ: первыя двѣ колонны были направлены на Куралинскую линію *), а третья и четвертая—на крѣпость Илецкую-Защиту. За послѣднимъ, Григорьевскимъ форпостомъ, въ степи, есть такъ называемое Караванное озеро; тутъ и предназначено было сойтись всѣмъ четыремъ колоннамъ и, затѣмъ, слѣдовать до Эмбы въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, останавливаясь на ночлегъ не далѣе, тоже, одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая колонна видѣла сосѣднюю, такъ что, въ случаѣ тревоги, всѣ колонны могли бы быстро сосредоточиться въ пунктѣ нападенія и оказать взаимную другъ другу помощь. На ночлегъ предписано было ставить колонны въ каре, и на этотъ предметъ выданы даже были каждому начальнику колонны особые планы и инструкціи, отъ которыхъ предписано было не отступать ни въ какомъ случаѣ. Послѣдствія показали, что это предрѣшеніе дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ колоннъ и, въ тоже время, отнятіе у нихъ собственной инициативы дало весьма печальные результаты.

Самое движеніе въ степи экспедиціоннаго отряда шло черепашинымъ шагомъ. Главною причиною этой

*) Куралинская линія проходитъ немного далѣе Илецкой-Защиты, но, въ концѣ, выходитъ тоже на рѣку Илекъ.

медленности была неумѣлость солдатъ при навьючиваніи верблюдовъ: эти вьюки, то и дѣло, падали съ верблюдовъ; чтобы перевьючить, приходилось останавливать цѣлую колонну; иначе, остальные верблюды растигивались бы въ хвостъ колонны, и арьергарду пришлось бы оставаться далеко позади отряда, въ степи... Такимъ образомъ, въ началѣ похода, колонны дѣлали не болѣе 10 верстъ въ день; и только тогда, когда солдаты достаточно навьючили верблюдовъ, колонны стали двигаться быстрее. Но тутъ случилась новая бѣда: 24 Ноября выпалъ глубокій, выше колѣна, снѣгъ, а 27-го числа поднялся ужаснѣйшій степной буранъ при 26 градусахъ мороза... Озябшія отъ сильной стужи и вѣтра лошади, въ ночь на 28-е Ноября, сорвались съ коновязей и бѣжали въ степь—ради спасенія жизни, по инстинкту, чувствуя потребность бѣжать... Всѣ часовые отморозили въ эту ночь носы, руки или ноги; начались въ отрядѣ болѣзни; отмороженные части пришлось ампутировать въ холодныхъ, войлочныхъ кибиткахъ, на морозѣ, продолжавшемъ держаться около 25 градусовъ... Изжавшихъ лошадей надо было разыскивать... Сдѣлали лишнюю дневку, и часть пропавшихъ лошадей нашли въ другихъ колоннахъ; большая же часть ихъ исчезла въ степи безслѣдно, съѣденная волками.

Съ первыхъ чиселъ Декабря, вновь начались бураны; всю степь завалило снѣгомъ болѣе чѣмъ на аршинъ, и его поверхность отъ морозовъ покрылась

твердою ледяною корою; морозы перешли за 30 градусовъ и стали доходить, по утрамъ, до 40, при убійственномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ... Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами на спинѣ, скоро изнемогали и, въ сильной испаринѣ, садились на верблюдовъ, остывали и даже отмораживали себѣ тутъ же, сидя на верблюдахъ, руки и ноги... Всѣ поняли, что наступаетъ гибель; но никто еще не имѣлъ малодушія высказать это въ слухъ... Прежде всего, бѣдствіе постигло несчастныхъ верблюдовъ *). Ступая по снѣгу въ аршинъ глубиною и пробивая при этомъ ледяную кору, они рѣзали въ кровь ноги до колѣнъ и выше и, въ концѣ концовъ, падали и уже не могли подняться... Такихъ верблюдовъ бросали на мѣстѣ, на произволъ судьбы, умирать въ степи; а выюкомъ съ упавшаго верблюда распоряжались уже аріергардные казаки: если это былъ овесъ или сухари, то казаки дѣлили добычу по торбамъ; если это былъ спиртъ, то казаки разливали его въ манерки, а боченокъ разбирали на топливо; если это была мука, то ее разсыпали по снѣгу, а куль отъ муки припрятавали на топливо же, въ которомъ, въ это тяжелое время, былъ такой страшный недостатокъ, что иногда на но-

*) Большая часть верблюдовъ отряда была по кулекамъ, а лишь напята у Киргизовъ, равно какъ и ихъ хозяева поводыри. Впослѣдствіи, за погибшихъ верблюдовъ казна уплатила Киргизамъ все, что слѣдовало.

члехахъ, чтобы развести хоть маленькій огонь для вскипяченія чайника воды, приходилось жечь веревки отъ верблюжьихъ тюковъ...

Наступило 6-е Декабря 1839 года. Наканунѣ войска дошли до урочища Ваяшъ - Тамакъ (Пять Устьевъ), въ 250—270 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь, по случаю тезоименитства императора Николая Павловича, назначена была дневка, поставлена была съ вечера походная церковь и предполагено было, на другой день, отслужить литургію и молебствіе; но когда наступило утро 6-го Декабря и въ церковь стало собираться начальство и духовенство, то рѣшили, въ виду $32\frac{1}{2}^{\circ}$ мороза при страшномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, ограничиться лишь краткимъ молебномъ о здравіи государя. Холодъ, благодаря вѣтру, достигалъ до того, что въ большой походной кибитки, гдѣ была церковь, невозможно было вздохнуть полною грудью: у самыхъ крѣпкихъ людей захватывало духъ... Топлива не было и достать его было негдѣ: кругомъ была голая бѣлая пустыня, покрытая снѣгомъ на $1\frac{1}{2}$ аршина глубины... Тогда начальники колоннъ, собравшіеся было въ церковь для предполагавшейся литургіи, рѣшили идти къ главноначальствующему и раскрыть предъ нимъ гибельное положеніе отряда. Перовскій принялъ ихъ, внимательно выслушалъ и далъ разрѣшеніе употребить, для варки пищи, лодки, взятые изъ Оренбурга для предполагавшагося плаванія по Аральскому мо-

рю, а также разломать и выдать на топливо же солдатамъ дрова, на которыхъ возились эти лодки, выдать всѣ факелы и канаты, приготовленные для флоти́н, разрубить на части и выдать людямъ запасные кули, а также и всѣ опорожненные, рубить и выдавать всѣ запасныя веревки обоза; словомъ, выдать все, что можетъ горѣть и что возможно считать излишнимъ въ отрядѣ. Но увы!— всего этого хватило лишь на нѣсколько дней для пятитысячнаго отряда... Когда все было сожжено и доложено было объ этомъ вновь Перовскому, онъ приказалъ объявить войскамъ, что они сами должны отыскивать для себя топливо, что выдавать больше нечего...

IV.

Героическое мужество солдатъ. — Во что была одѣта пѣхота. — Картинка почлега отряда. — Смертность и походные лазареты. — Казачье „стараніе“. — Гибель дивизиона Уфимскаго коннаго полка. — Положеніе офицеровъ отряда.

Для военнаго историка и лѣтописца походовъ русскихъ войскъ слѣдуетъ отмѣтить характерную особенность нашего солдата въ это гибельное для экспедиціи время. Пока были дрова и хоть какое-нибудь топливо, чтобы можно было развести огонь и сварить горячую пищу — хоть простую на водѣ гречневую кашницу, — до тѣхъ поръ солдаты отряда были бодры и веселы: никакой морозъ не имѣлъ вліянія на нрав-

ственное состояніе ихъ духа. Падали дѣлыми сотнями верблюды, обмораживались и затѣмъ умирали отъ антонова огня часовые, разбѣгались въ степь и поѣдались степными волками лошади, приходилось все время спать на мерзлой землѣ, прикрытой простыми коницами, въ снѣжныхъ ямахъ, ограждаясь отъ сѣвернаго вѣтра лишь джуламейками, — все это солдаты переносили съ терпѣніемъ и христіанскою кротостію; но разъ прекратился огонь и горячая пища, — весь отрядъ упалъ духомъ, и всѣ заговорили уже вслухъ о совершенной неудачѣ похода.

Бѣдствія солдата увеличивались еще и отъ его обмундированія. Въмѣсто обыкновенныхъ русскихъ полушубковъ, въ которые необходимо слѣдовало бы одѣть весь отрядъ, онъ одѣтъ былъ Богъ вѣсть какъ — не только скверно, но просто каррикатурно: людямъ, передъ самымъ выступленіемъ изъ Оренбурга, дали полушубки, сшитые изъ *чебаи*, сшитые самымъ примитивнымъ способомъ, практиковавшимся здѣшними номадами, въ отдаленныя времена, и сохранившимися лишь въ аулахъ, у самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ. Полушубки эти шились такъ: снимали весною съ барана шерсть, нашивали и наклонвали ее на толстый холстъ и затѣмъ кроили и шили изъ этой «чебаи» для солдатъ полушубки; овечья шерсть грѣла конечно, но скоро сваливалась въ неровный войлокъ, а верхняя холщевая часть такихъ полушубковъ холодила отъ мороза; солдатскія же шинели, сшитыя въ натяжку,

по мундирамъ, не влѣзали на подшубки. Сверхъ черныхъ суконныхъ шароваръ, солдатамъ приказано было надѣвать для чего-то холщевыя (надо полагать, изъ предохраненіе отъ износа, въ видахъ экономіи), но холстъ тоже страшно накалялся на тридцатиградусномъ морозѣ; вдобавокъ шаровары эти надо было заправлять въ узкія голенища сапогъ, такъ что не только ступня, но и щиколотка ноги у солдата была ничѣмъ не защищена отъ холода. Одиѣ лишь солдатскія шапки были примѣновы къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Онѣ были подбиты телячьимъ мѣхомъ, и къ нимъ были придѣланы особые наватыльники изъ такого же мѣха; но такъ какъ шапки эти были единственною теплою одеждою, практически сшитую, то и выходило вотъ что: голова у солдата была постоянно въ теплѣ, а ноги и вся нижняя часть тѣла въ холодѣ, т. е. какъ разъ наоборотъ какъ бы слѣдовало... Не распорядились даже измѣнить обувь солдатъ—сапоги на валенки. И вотъ въ такой-то одеждѣ и обуви, сшитыхъ «на перекоръ стихіямъ», пройдетъ солдатъ въ день, по колѣно въ снѣгу, верстъ 15, а иногда и болѣе, неся на своей спинѣ ранецъ съ вещами, ружье и 40 босвыхъ патроновъ въ патронташѣ и приходить, наконецъ, на ночлегъ. Отъ усталости и изнеможенія, солдаты тотчасъ же лягутъ на снѣгъ, какъ попало, подложивъ лишь подъ себя войлочные коньки, и только тѣ изъ нихъ, которые посиленѣе, начинаютъ разставлять войлочныя джула-

мѣйка *), а другіе идутъ рыть корни стѣпныхъ травъ для варки пищи; а чтобы добыть эти корни, нужно сначала разгрести твердый снѣгъ, лежащій на землѣ слоемъ 1 1/2 аршина, а затѣмъ рубить землю мотыгами **), комья разбивать обухами топоромъ, — и изъ мелкой земли, разбитой такимъ тяжкимъ трудомъ, выбирать окоченѣвшими пальцами мелкіе корни травъ — для разведенія огня... А пока все это совершается, то-есть пока одна часть еще не свалившихся солдатъ ставить и налаживаютъ джуламейку, а другая часть добываетъ корни, слабые солдаты лежать на снѣгу и простуживаются... На другой день они идутъ въ лазаретъ, а оттуда дни черезъ три «на выписку», въ могилу... На бѣду походные лазареты помѣщались въ длинныхъ, сквозныхъ фургонахъ, на колесахъ, устроенныхъ такъ въ продолженіи, что всю дорогу до Эмбы отрядъ совершить по безснѣжной степи. Фургоны эти были до того холодны и съ такими сквозняками, что

*) *Джуламейка* въ переводѣ на русскій языкъ — *дорожный домъ*. Это небольшая войлочная палатка, имѣющая форму стога, устраивается изъ тонкихъ плетей, связанныхъ веревками и обтянутыхъ, затѣмъ, кошмами, т. е. войлоками. Ставятъ ее прямо на снѣгъ, въ ней ставятъ козлы же, и такимъ образомъ получается защита осли не отъ холода, то, по крайней мѣрѣ, отъ вѣтра. Въ сущности, джуламейка — это киргизская кибитка въ миниатюрѣ, такъ какъ пастоящая кибитка едва укрывается на снѣгу двухъ верблюдовъ.

**) Мотыги — это особаго рода желѣзный инструментъ, состоящій изъ части топора, желѣзную лопату и пещню. Инструментъ этотъ мѣстный, употребляемый обыкновенно въ степи киргизами.

губили совѣсьмъ даже здоровыхъ солдатъ, посылаемыхъ въ лазаретъ вслѣдствіе одной лишь усталости ногъ, «для отдыха»: черезъ два-три дня такіе солдаты простуживались, схватывали тифозную горячку и отправлялись на вѣчный отдыхъ... Затѣмъ, когда всѣ фургоны были уже переполнены, больных клали на особо устроенныя койки и подвѣшивали на верблюдовъ, по одному человѣку съ каждой стороны; непривычныхъ къ такому передвиженію несчастныхъ больныхъ сильно било и заколачивало, иногда, до безчувствія. Хоронили покойниковъ обыкновенно тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ, вырубаемыхъ мотыгами въ мерзлой землѣ.

Не мало людей начало умирать отъ скорбута, цинги, антонова огня (вслѣдствіе обмороженія конечностей), а главное отъ изнеможенія и истощенія силъ, вслѣдствіе отсутствія горячей пищи. Эта смертность и почти ежедневно происходившія въ отрядѣ похороны имѣли неизбѣжное деморализующее вліяніе не только на слабыхъ и молодыхъ солдатъ, но на старыхъ и здоровыхъ, даже на унтеръ-офицеровъ. Ропотъ, конечно, не было и быть не могло: не таковъ русскій человѣкъ, чтобы роптать на волю Божью, непославленную такую снѣжную и жестокую зиму, какую не могли запомнить 70-ти-лѣтніе старики! Но у всего отряда, въ виду его ежедневнаго таянія, явилось опасеніе, что погибнетъ неминуемо вся пѣхота, до послѣдняго человѣка...

Положеніе кавалеріи было во многомъ лучше; казаки были одѣты гораздо теплѣе и практичнѣе, чѣмъ пѣхотинцы: подъ шинелями у нихъ были настоящіе мѣховые полуплутки, а это было самое главное. Въ началѣ похода, правда, наблюдалась извѣстная форма въ одеждѣ; но затѣмъ, когда наступили страшные морозы и поднялись бураны, то казаки сверхъ шинелей стали надѣвать взятые ими въ походѣ, про великій случай, собственные, саксаши, длинно-руныхъ черныхъ овецъ, тулупы, а на ноги валенки — и имъ было тепло. На почтовыхъ, когда отрядъ, обыкновенно, устраивался въ каре, солдаты-пѣхотинцы занимали передній и задній фасы, а по бокамъ каре клался тюки съ продовольствіемъ и прочими запасами, а за этими уже тюками, подъ ихъ защитою отъ вѣтра, ставились джуламейки казаковъ.

Относительно продовольствія, казаки и ихъ лошади поставлены были тоже въ болѣе благопріятныя условія. Мы уже говорили выше, какъ ловко пользовались казаки въ аріергардѣ всевозможными вьюками, которые они снимали съ падавшихъ отъ изнеможенія верблюдовъ. Впрочемъ, казаки (особливо Уральскіе) не брезгали даже и обыкновеннымъ воровствомъ, при добываніи разнаго рода продовольствія, такъ что, напримѣръ, у пѣхотныхъ офицеровъ отряда были похищены казаками всѣ тюки съ консервами, чаемъ и сахаромъ, даже чемоданы съ бѣльемъ и мундирами. Не менѣе ловко поступали казаки и тогда,

когда имъ надо было добыть лишняго корму для своихъ коней: не смотря на голую, снѣжную пустыню, окружавшую отрядъ, они и тутъ ухитрились достать то, что имъ было нужно. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода на каждую лошадь выдавалось овса лишь по 2¹/₂ гарнца, сѣна же не выдавалось вовсе, такъ какъ снѣгъ былъ не глубокъ, и лошадей, часа на два въ день, выгоняли на *тебеневку* (т. е. на пастбу), гдѣ онѣ и добывали себѣ, роя копытами, подпожный кормъ; но потомъ, когда снѣгъ сталъ глубокимъ, такая тебеневка стала, конечно, невозможною; а между тѣмъ, казаки очень любили и берегли своихъ лошадей, которыми, какъ извѣстно, были ихъ собственностью. И вотъ, вольные сыны Урала начали «стараться» и пустились на слѣдующую хитрость. Такъ какъ ночью казачьи джуламейки устраивались вблизи выюковъ и всевозможныхъ мѣшковъ съ провѣантомъ и продовольствіемъ, то, какъ только наступала глухая пора ночи, изъ казачьей джуламейки осторожно выползалъ какой-нибудь ловкій паренъ и выслѣживалъ часового. Едва тотъ прятался отъ холода гдѣ-нибудь за тюками, какъ казакъ всаживалъ въ одинъ изъ тюковъ съ овсомъ особаго рода крючекъ на крѣпкой бичевѣ, конецъ которой былъ протянуть въ самую джуламейку; исполнивъ это, казакъ тихонько уползалъ вновь въ джуламейку, а спустя нѣсколько минутъ кулъ съ овсомъ начиналъ медленно подвигаться по снѣгу и вѣзжалъ въ ту же джула-

мейку, къ ожидавшимъ его казакамъ, которые тотчасъ и же и разсыпали овесъ по сакмамъ, а куль сжигали. Такимъ образомъ, казачьи лошади были всю дорогу сыты, а у самихъ казакомъ не переводились ни сухари, ни водка, ни мясо; оттого и смертность между ними была значительно меньше. и лошади ихъ падали весьма рѣдко. Случалось, конечно, что часовой замѣчалъ самодвижущіеся куль съ овсомъ; но въ такихъ случаяхъ увеличивались лишь починья мученія несчастнаго часового: къ страданіямъ отъ стужи и вѣтра присоединялось еще и мученіе отъ страха и ужаса—въ виду несомнѣнной чертовщины, происходящей предъ его глазами... Уже много позже, когда отрядъ добрался до Эмбы, эти казачьи продѣлки стали извѣстны всему отряду.

Но далеко не вся кавалерія отряда благоденствовала такъ, какъ казачьи полки: взятый генераломъ Перовскимъ сводный дивизионъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка бѣдствовалъ едва ли не болѣе, чѣмъ пѣхота. Люди этого дивизиона, набранные, какъ и весь полкъ, изъ другихъ полковъ регулярной кавалеріи, расположенной въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, были непривычны къ суровому Оренбургскому климату; ихъ щегольская форма, пригодная для блестящихъ парадовъ, была совсѣмъ неудобна для похода въ тридцати-градуенный морозъ, въ снѣговой пустынь. То же было и съ ихъ лошадьми: красивыя, рослыя и грузныя заводскія лошади этого дивизиона

едва ступали по глубокому снѣгу и, какъ и верблюды же, сильно рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, покрывавшую снѣгъ, а главное, ничего не могли подѣлать на тебеневкѣ, т. е. не умѣли добывать себѣ подножный кормъ, такъ что всю дорогу, отъ самаго Оренбурга, не ѣли сѣна и травы; выдаваемый же въ скромной порціи 2¹/₂ гарнцевъ на день опеетъ не могъ, конечно, накормить лошадь досыта, и онѣ начали падать... Въ концѣ похода въ этомъ дивизионѣ не осталось ни одной лошади; послѣднюю пала, подъ Эмбою уже, красавица «Пѣна», бѣлая лошадь у трубача, сильно имъ любимая. Очевидецъ, Г. Н. Зеленинъ, такъ передавалъ мнѣ этотъ случай. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной ранѣе оставшимися верблюдами; на ней гордо сидѣлъ молодчина-трубачъ, окруженный всего человѣками 20—25, нижними чинами, оставшимися въ живыхъ изъ всего дивизиона, идущими теперь пѣшкомъ вблизи своего трубача... Вдругъ Пѣна споткнулась обо что-то, сильно вздрогнула—и упала; трубачъ быстро соскочилъ съ нея и сталъ было помогать ей подняться; но лошадь затрясла головой и медленно перевалилась на бокъ... Солдатики стали хлопотать около своей любимицы, отпустили ей подпруги; но это ей не помогло: лошадь стала медленно и тяжело дышать и слегка биться... Солдатики рѣшили, что она «изведется»... Тогда трубачъ сбѣгалъ къ идущимъ въ арьергардъ казакамъ, добылъ тамъ нѣсколько гарнцевъ овса, при-

несъ лошади и насыпалъ его на чистое подотенце, поблизи ей головы; потомъ, разсѣдмалъ лошадь и разнуздаль; затѣмъ сталъ передъ ней, поклонился ей въ землю, зарыдалъ какъ ребенокъ—и медленно пошелъ, снѣговой тропой догонять «земличковь-товарищей»... Въ Оренбургѣ вернулось изъ этой гвардіи генерала Перовскаго около 20 человекъ; трубать, оплакавшій красавицу Пѣну, тоже умеръ въ походѣ, на обратномъ уже пути изъ Чушка-Кули. Когда окончился этотъ несчастный походъ и Перовскій уѣхалъ за границу, весь Уфимскій конно-регулярный полкъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, былъ отправленъ (въ 1841 году) на контонирь-квартиры, въ одну изъ Сѣверо-Западныхъ губерній, для поправленія здоровья солдатъ, сильно страдавшихъ въ Оренбургѣ обыкновенною болѣзнью для всѣхъ немѣстныхъ уроженцевъ — изнурительною, перемежающеюся лихорадкою. Страданія и лишенія офицеровъ въ этотъ тяжкій походъ мало чѣмъ разшились отъ нижнихъ чиновъ. Правда, каждому изъ нихъ былъ предоставленъ въ распоряженіе отдѣльный верблюдъ а нѣкоторымъ два, три и болѣе; у многихъ были собственные лошади и экипажи—мѣстные тарантасы, съ половьями въ запасъ, для зимняго пути; были и разныя другія исключительныя удобства и приспособленія. Но все это было лишь въ началѣ похода... Затѣмъ для всѣхъ почти офицеровъ отряда наступили тѣ же лишенія: верблюды ихъ пали, равно, какъ и лошади, экипажи

брошены или сожжены; вскипятить мѣдный чайникъ съ водою было, тоже, не всегда возможно, какъ и солдатамъ не всегда удавалось похлебать горячей кашницы. Исключенія въ удобствахъ имѣлись лишь у начальниковъ отдѣльных частей: начальники колоннъ, баталіонные и полковые командиры и батарейные находились, конечно, въ иныхъ условіяхъ, лучшихъ, изъ коихъ главныя были два: теплая одежда и горячая пища. Все это, понятно, было у командировъ; но самого-то главнаго—теплаго угла, гдѣ бы можно было обогрѣться и, порою, обсушиться и уснуть раздѣвшись, этого ни у кого не было. У самого Перовскаго ставилась въ кибиткѣ переносная, желѣзная печь; но, тѣмъ не менѣе, температура была тамъ (6-го, напримѣръ, декабря) слѣдующая: на полу кибитки было 15° холоду; а на столѣ, гдѣ писалъ Перовскій, 4° морозу же, по Рсомиору.

V.

Облегченіе караульной службы.—Случай съ часошникъ.—Смертная казнь надъ нимъ.—Начало ропота противу генерала Цюлковскаго.—Попавшій Цюлковскаго къ русскимъ солдатамъ и его жестокость.—Незваніе фольдфебеля Есырева.—Усиленіе въ отрядѣ ропота противу Цюлковскаго.—Смѣщеніе его съ должности начальника колонны.

Еще въ началѣ декабря, когда отрядъ только что подходилъ къ урочищу Биптъ-Тамакъ, главноначальствующій, въ виду наступившихъ тридцати-градус-

ныхъ морозовъ и частыхъ бурановъ, отъ которыхъ гибли по ночамъ часовые, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ночные часовые на постахъ смѣнялись черезъ каждый часъ, а не черезъ два, какъ было обыкновенно установлено. Къ сожалѣнію, это гуманное распоряженіе генерала Перовскаго не всегда исполнялось въ точности, по той простой причинѣ, что на гауптвахтахъ, гдѣ былъ главный караулъ, не всегда и не у всѣхъ начальниковъ караула были часы, составлявшіе въ то время нѣкоторую роскошь у армейскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, часовымъ приходилось иногда выстывать на своихъ постахъ долѣе даже двухъ часовъ; если въ это время былъ сильный морозъ, да еще съ метелью, часовой, по чувству простого самосохраненія и самозащиты, прятался отъ бурана и вьюги за тюки. И вотъ, произошелъ однажды въ колоннѣ генерала Цюлковскаго слѣдующій печальный случай. Около тюковъ съ провіантомъ стоялъ, ночью, часовой, еще молодой солдатъ, зырининъ Архангельской губерніи. Поднялся страшный бурянь... проходитъ часъ, проходитъ другой... совсѣмъ заковенѣли у часового руки, а смѣлы нѣтъ какъ нѣтъ... Поставилъ несчастный солдатикъ ружье къ тюку, а самъ присѣлъ у ружья на корточки, спрятавъ замерзшія руки подъ подмышку, да и прикурнулъ немножко... Въ это время проходилъ патруль; вмѣсто того, чтобы разбудить прозябшаго солдата, или поскорѣе смѣнить его, унтеръ-офицеръ полякъ

взялъ тихонько ружье часового и ушелъ съ нимъ; когда, спустя всего нѣсколько минутъ, солдатикъ проснулся и увидалъ, что ружья нѣтъ, онъ страшно перепугался—зналъ, что отъ неумолимаго и безжалостнаго генерала Цюлковскаго его постигнетъ жестокое наказаніе. И вотъ, опасаясь, что съ минуты на минуту придетъ смѣна и его найдутъ безъ ружья, часовой рѣшается на слѣдующій необдуманнѣйшій поступокъ: оглядывая безконечную бѣлую стену, онъ увидѣлъ, что не въ далекомъ стоитъ на ночлегѣ другая колонна; не долго думая, часовой бросается туда, тихо подходитъ къ платформѣ, гдѣ въ козлахъ стояли ружья, и видитъ, что часовой отъ стужи спрятался за тюками и дремлетъ... солдатикъ взялъ одно ружье и быстро возвратился къ своему посту. Когда пришелъ къ нему тотъ же патрульный и съ нимъ смѣна, то увидѣли, что солдатъ стоитъ съ ружьемъ...

— Чье у тебя ружье?—спросилъ патрульный.

— Мое, сударь,—отвѣчалъ часовой.

Тогда у солдатика спросили номеръ его ружья и при этомъ показали ему собственное ружье... Отпираться стало невозможно, и виновный повинился во всемъ.

Генераль Цюлковскій сильно сталъ раздвѣивать это дѣло—просто, по жестосердію своему... О проступкѣ часового доложено было главноначальствующему отрядомъ, и генераль Перовскій приказалъ наказать солдатика и тѣмъ покончить дѣло. Но генераль-май-

оръ Ціолковскій, въ качествѣ колоннаго начальника, сталъ наставлять, чтобы часовой за свой проступокъ былъ подвергнутъ, въ примѣръ прочимъ, разстрѣлянію, что его преступленіе-де очень важное: сонъ на посту, утрата ружья, самовольная, безъ разводящаго ефрейтора, отлучка съ часовъ и, наконецъ, кража оружія въ сосѣдней колоннѣ... Начальникъ колонны такъ энергично наставлялъ на своемъ безсердечномъ желаніи и сослался на такой сильный аргументъ (что онъ, генералъ Ціолковскій, въ случаѣ помилованія виноватаго, не отвѣчаетъ за сохраненіе дисциплины въ своей колоннѣ, въ такое смутное и тяжелое для отряда время), что генералъ Перовскій вынужденъ былъ, наконецъ, уступить и отдать приказъ судить часового полевымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Часовой былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе, и приговоръ этотъ былъ, на другой же день, надъ нимъ исполненъ, въ присутствіи всей 1-й колонны и при нѣсколькихъ стахъ людей изъ другихъ колоннъ, нарочито командированныхъ для присутствованія при смертной казни.

Случай этотъ вызвалъ сильный говоръ во всѣхъ колоннахъ... Все обвиняли генерала Ціолковского въ безчеловѣчности и ненужной жестокости. Указывали на то, что нужно снисходить къ нижнимъ чинамъ, безропотно, зачастую, замерзающимъ на часахъ; что, скорѣе, слѣдовало бы генералу Ціолковскому установить болѣе правильную смѣну часовыхъ въ своей ко-

лоннѣ, чѣмъ вынужать патрульными унтеръ-офицерамъ, изъ сѣльныхъ поликовъ, похищать у измученныхъ и задремавшихъ часовыхъ ружья... что отрядъ далеко еще не дошелъ до Эмбы; а пока дойдетъ до Хивы, то этакъ, пожалуй, придется разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, кто не замерзнетъ... и т. д.

Въ силу военной дисциплины, ропотъ этотъ или, скорѣе, «говоръ», какъ называютъ его находящіеся и теперь въ живыхъ военные люди, участники похода, былъ, конечно, тихій, сдержанный, и лишь теперь, спустя полвѣка, сѣдые ветераны похода, припоминая смертную казнь зырянина, разстрѣлиаго при 30-ти-градусномъ морозѣ, въ бѣлой непроглядной вьюгѣ, передавали мнѣ, понижая голосъ, что послѣ этой казни «изъ отрядъ былъ сильный говоръ»... И если бы въ отрядѣ не знали, кто истинный виновникъ ненужной жестокости, то «говоръ» могъ бы разростись... И хотя Цюлковскій старался потомъ всячески выгородить себя изъ этого дѣла, сваливая назначеніе военно-полевого суда на главноначальствующаго, но эта политика плохо удалась ему въ степи: шт.-капитанъ Никифоровъ, не стѣсняясь, говорилъ съ офицерами въ слухъ о закулисной сторонѣ всего этого несчастнаго дѣла...

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о личности начальника 1-й колонны генералъ-маіора Станислава Цюлковскаго. Онъ, по рассказамъ, попалъ въ Оренбургъ вскорѣ послѣ польскаго мятежа 1831 г.,

въ качествѣ ссыльнаго полковника польскихъ войскъ, сильно скомпрометированный. Вскорѣ же по пріѣздѣ генерала Перовскаго въ Оренбургъ, полковникъ Ціолковскій съумѣлъ вкрасться къ новому военному губернатору въ такое довѣріе, такъ запекать передъ нимъ и расположить его къ себѣ, что походъ 1839 г. засталъ его командиромъ Башкирскаго войска, въ числѣ уже генералъ-маіора. Существуетъ весьма основательное свидѣніе, что государь Николай Павловичъ, прощаясь съ Перовскимъ въ началѣ 1839 г. въ Петербургѣ и хорошо, повидному, зная о томъ недобромъ вліяніи, какое имѣлъ Ціолковскій на молодого Оренбургскаго губернатора, настоятельно советовалъ ему не допускать къ себѣ этого ссыльнаго поляка *). Тѣмъ не менѣе, Ціолковскій попалъ всетаки въ экспедицію, и сталъ, затѣмъ, злымъ гениемъ отряда и всего похода.

При самомъ выступленіи своемъ изъ Оренбурга, генералъ Ціолковскій отдалъ приказъ по своей колоннѣ, чтобы навьючка верблюдовъ начиналась съ двухъ часовъ ночи, а въ походъ выступать не позже 6 или 7 часовъ утра; солдатамъ, слѣдовательно, приходилось спать ночью не болѣе $3\frac{1}{2}$ часовъ, а большую часть ночи заниматься навьючкой верблюдовъ; затѣмъ, выступать въ походъ въ совершенной тем-

*) Подтвержденіе этого довелось слышать П. И. Вартеневу отъ покойнаго Дали и отъ А. М. Жемчужникова, передававшего это со словъ своего дяди, В. А. Перовскаго.

ночь (такъ какъ въ 6 и даже въ 7 часовъ утра въ Ноябрь и Декабрь, какъ извѣстно, совсѣмъ темно) и, вдобавокъ, усталыми уже и измученными, и идти въ потьмахъ, до наступленія разсвѣта, болѣе часу... Вслѣдствіе этихъ порядковъ, въ колоннѣ генерала Цюлковскаго начались сильныя заболѣванія нижнихъ чиновъ, а затѣмъ появилась и смертность, такъ что въ одной его колоннѣ умирало въ день, почти столько же, сколько во всѣхъ остальныхъ трехъ колоннахъ. У него же въ колоннѣ, у перваго, начали падать верблюды... Усиленный падежъ верблюдовъ совпалъ какъ разъ съ смертною казнью зырянина, и все это, взятое вмѣстѣ, съ присоединеніемъ ежедневныхъ рассказовъ о злѣвѣстїяхъ и жестокостяхъ генерала Цюлковскаго, породило усиленный «говоръ» въ отрядѣ, что «этотъ полякъ отравливаетъ верблюдовъ»... что онъ, будто бы, посылаетъ, по ночамъ, своего деньщика, поляка же Евтихія Сувчинскаго (вышедшаго впоследствии въ люди), разбрасывать около лежащихъ верблюдовъ отравленные хлѣбныя пилюли... Это тяжкое обвиненіе, по нашему глубокому убѣжденію, едва-ли справедливо. Генерала Цюлковскаго можно было обвинять въ другихъ преступленіяхъ, не менѣе, пожалуй, серьезныхъ, но только не въ отравленіи верблюдовъ: управляя, напримѣръ, Башкирами, онъ сильно притѣснялъ ихъ и наживался на ихъ счетъ, вызывая противу себя постоянный ропотъ и жалобы этихъ полудикихъ и довольно терпѣ-

ливыхъ людей; незадолго до похода, онъ приобрѣлъ, за безцѣнокъ, у тѣхъ же Башкиръ прекрасный участокъ земли, гдѣ и устроился помѣщикомъ; теперь, во время похода, онъ умышленно изнурялъ людей своего отряда, доводя ихъ, прямо, до повальной смертности; при тѣлесныхъ наказаніяхъ, онъ часто наказывалъ солдатъ такъ жестоко, что они обыкновенно долго хворали въ походномъ лазаретѣ послѣ наказанія; онъ особенно мучилъ и истязалъ заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, имѣвшихъ извѣстный серебряный крестъ за взятіе Варшавы; когда началась гибель отряда, то генералъ Ціолковскій былъ единственнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ или не желавшимъ скрыть своего злорадетва... Но обвинять этого ужаснаго человѣка въ отравленіи верблюдовъ, это, пожалуй, возможно было тогда, 60 лѣтъ назадъ, при той всеобщей ненависти, какую питали къ Ціолковскому въ отрядѣ, но не теперь, когда забытъ и этотъ несчастный походъ, и когда почти все его участники спятъ непробуднымъ сномъ въ могилахъ.

Генералъ Ціолковскій отлично, повидимому, знаетъ о той ненависти, какую питаютъ къ нему солдаты всего отряда вообще, а его колонны въ особенности. Съ наступленіемъ сумерокъ, онъ почти никогда не выходитъ изъ своей кибитки, и если и случалось, то въ сопровожденіи ординарца и вѣстового: онъ, видимо, боялся нападенія; кибитку его всю ночь сторо-

жили двое часовыхъ, изъ числа лично ему извѣстныхъ и имъ избираемыхъ солдатъ. Онъ особенно сталъ остороженъ послѣ одной безчеловѣчной расправы, учиненной имъ подлѣ самой уже Эмбою, надъ заслуженнымъ фельдфебелемъ Есыревымъ. Дѣло это (какъ изложено оно въ имѣющихся у меня отрывочныхъ запискахъ Г. Н. Зеленина) происходило такъ. Однажды, въ половинѣ Декабря, когда отрядъ былъ уже подлѣ Эмбою, въ 6 часовъ утра, въ полной еще темнотѣ, генералъ-майоръ Цюлковскій обходилъ свою колонну въ сопровожденіи своего адъютанта и ординарца. Вьючка верблюдовъ, начавшаяся, какъ и всегда, съ двухъ часовъ, почти уже кончалась, и всѣ кибитки и джуламейки были затючены (упакованы въ тюки); лишь одна чья-то незатюченная джуламейка стояла въ сторонѣ... Едва увидѣвъ ее генералъ Цюлковскій, какъ громко закричалъ:

— Чья это джуламейка? Какого быдла (скота)?!

Оказалось, что неубранная джуламейка принадлежала фельдфебелю Есыреву, который самъ находился при навьючкѣ верблюдовъ, въ аріергардѣ, чтобы присматривать тамъ за порядкомъ и торопить дѣло навьючиванія съ такимъ расчетомъ, дабы, по завѣденному начальникомъ колонны порядку, выступить съ ночлега въ 6 часовъ. Но Есырева задержало въ аріергардѣ что-то неожиданное, а находящійся при немъ вѣстовой не распорядился почему-то убирать джуламейку безъ хозяина; и вотъ, желая успѣть въ

одномъ мѣстѣ и избавиться отъ наказанія за опозда-
ніе при выступленіи, Есыректъ проитрафился въ дру-
гомъ... Ціолковскій приказалъ немедленно найти ви-
новнаго и привести его предъ свои очи.

— Какъ ты смѣлъ оставить свою джуламейку не
навьюченою, когда, давшимъ-давно, навьючена даже
моя?! — накинулся пачальникъ колонны на несчаст-
наго фельдфебеля, едва тотъ появился предъ нимъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! Я не
виноватъ: я находился въ аріергардѣ, при навьючкѣ
тюковъ... сегодня въ ночь пало шесть верблюдовъ;
надо было разобрать тюки и...

— Ты еще смѣешь разсуждать, каналья! Не
исполнять моихъ приказаній и оправдываться!.. На-
гаекъ!!.— съ пѣной у рта, тряся нижнею челюстью,
закричалъ Ціолковскій...

Тотчасъ явились казаки, раздѣли заслуженнаго,
отбывшаго нѣсколько кампаній фельдфебеля Есырева
почти до-нага, несмотря на 35-ти-градусный морозъ,
оставивъ его, буквально, въ одной рубашкѣ, поло-
жили на шинель, взяли за руки и за ноги, и нача-
лось петязаніе... Генералъ Ціолковскій закурилъ си-
гару и сталъ ходить взадъ и впередъ... Когда два
рослыхъ Оренбургскихъ казака, хлеставшіе несчаст-
наго съ обѣихъ сторонъ толстыми, лошадиными на-
гайками, видимо измучились, то «человѣкъ-звѣрь»
приказалъ смѣнить ихъ новыми падачами по-неволѣ...
Вся рубашка Есырева была исполосована въ клочья,

взмокла и побагровѣла отъ крови, а его все еще хлестали... Стала отлетать на снѣгъ, мелкими кусками, кожа несчастнаго мученика, а его продолжали истязать... Наконецъ, несмотря на свое крѣпкое, почти атлетическое тѣлосложеніе, Есыревъ совсѣмъ пересталъ даже издрагивать тѣломъ и кричать, а сталъ лишь медленно зѣвать, какъ зѣваютъ иногда умирающіе... Взглядъ его большихъ голубыхъ глазъ совсѣмъ потухъ, и они какъ бы выкатились изъ орбитъ... Прогуливаясь вблизи казни, чтобы, стоя на мѣстѣ, не озябнуть, Ціолковскій случайно взглянулъ въ это время на Есырева—и приказалъ прекратить наказаніе. Несчастнаго, едва дышащаго фельдфебеля, прикрыли снятою съ него, рабѣ, одеждой и отнесли замертво въ походный лазаретъ, на той шинели, на которой онъ лежалъ во время истязанія... По запискамъ подполковника Зеленина, Есыреву было дано болѣе 250 нагаекъ; между тѣмъ, какъ за самыя тяжкія уголовныя преступленія (напр., за отцеубійство) суровые законы того времени присуждали виновныхъ лишь къ 101 удару кнутомъ. Фельдфебель Степанъ Есыревъ поступилъ въ службу изъ мѣщанъ города Углича, служилъ, затѣмъ, въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы и былъ произведенъ за это въ унтеръ-офицеры; при укомплектованіи, передъ Хивинскимъ походомъ, Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, Есыревъ, въ числѣ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, былъ

переведенъ въ 5-й линейный баталіонъ, расположенный въ г. Верхнеуральскѣ и тамъ назначенъ фельдфебелемъ; «ростомъ былъ очень высокій, бравый и дородный мужъ» (по запискамъ Г. Н. Зеленина).

Ко всеобщему изумленію, фельдфебель Есыревъ остался живъ; онъ пролежалъ лишь болѣе шести недѣль въ лазаретѣ. На его счастье, отрядъ былъ, въ это время, въ нѣсколькихъ всего переходахъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія; по прибытіи туда, несчастнаго положили въ настоящій уже лазаретъ, въ теплыя комнаты, и тамъ, благодаря хорошему уходу и всеобщей заботливости о немъ, а главное, благодаря своему атлетическому тѣлосложенію, Есыревъ избѣжалъ смерти, отдѣлавшись лишь утратою, навсегда, своего богатырскаго здоровья.

Послѣ страшнаго наказанія Есырева, ропотъ въ отрядѣ вообще, а въ колоніѣ Цюлковскаго въ особенности, настолько усилился, что сталъ громкимъ и почти открытымъ; солдаты, не скрываясь, говорили: «первая пуля ему», т. е. въ первомъ дѣлѣ съ непріятелемъ Цюлковскій долженъ быть застрѣленъ, какъ бы во время сраженія... Когда узналъ обо всемъ этомъ генералъ Перовскій, то рѣшилъ, наконецъ, смѣстить этого варвара, и начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ полковникъ Гекке, состоявшій чинавникомъ особыхъ порученій въ походномъ штабѣ Перовскаго.

VI.

Положеніе въ отрядѣ военныхъ топографовъ.—Ночныя страданія отъ морозовъ.—Практическій совѣтъ Киргиза.—Появленію скорбута.—Въ солдатской джуламейкѣ.—Какъ рывали якины чинамъ спиртъ и топливо.—Прибытіе отряда на Амбу.—Устройство наптонныхъ мостовъ на сухомъ пути

Для предполагавшихся военно-топографическихъ съемоковъ мѣстности по дорогѣ въ Хиву и самой Хивы, въ отрядѣ, въ каждой изъ четырехъ колоннъ, находились топографы, подъ командою особо назначенныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ общимъ начальствомъ капитана генеральнаго же штаба Рейхенберга. На каждого офицера и двухъ топографовъ унтеръ-офицерскаго званія полагалась особая джуламойка, деньщикъ, 2 верблюда съ особымъ при нихъ Киргизомъ и 2 лошади; а такъ какъ Киргизъ ничего, кромѣ верблюдовъ, не хотѣлъ знать, а деньщикъ зналъ лишь своего барина, то на долю молодыхъ людей, поступившихъ въ топографы по больше части изъ дворянскихъ дѣтей Оренбургской губерніи (чтобы избѣжать службы въ линейныхъ баталіонахъ), выпадали не только обычные труды по ихъ специальному дѣлу, но и тяжелые физическіе—но уборкѣ джуламейки, разведенію огня, и проч.; а чтобы убрать джуламейку или поставить ее, необходимо снять или поднять вверхъ главную кошму, а эта работа была подъ силу лишь четверемъ взрослымъ человѣкамъ, а не тѣмъ юнке-

рамъ, почти дѣтямъ, на которыхъ выпадало это занятіе. Специальные же труды топографовъ, во все время этого неудачнаго похода, ограничились выборомъ мѣстъ для ночлеговъ, затѣмъ разстановкою жалонеровъ и указаніемъ каждой отдѣльной части ея мѣста въ каре. Офицеры, обыкновенно, выбирали лишь мѣсто для почлега колошны; разстановка же жалонеровъ и распределеніе отдѣльных частей по ихъ мѣстамъ—все это лежало на обязанностяхъ молодыхъ людей, такъ что по приходѣ колонны на мѣсто, имъ надо было работать еще болѣе часа, пока, наконецъ, всѣ части и верблюды, перепутавшіеся походомъ, займутъ свои мѣста. При этомъ, всѣ недовольные своими мѣстами, т. е. попавшіе подъ вѣтеръ, вымещали, обыкновенно, свое зло на молодыхъ топографахъ, ругая ихъ, прямо въ глаза, неприличными словами; особенною грубостью въ этихъ случаяхъ выдавались казачьи офицеры, мало отличившіеся, по своему образованію, отъ простыхъ казаковъ.

Этими трудами и ограничились всѣ занятія ученыхъ топографовъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, такъ какъ съеюмъ дѣлать имъ не пришлось: мѣстность до Эмбы и до Акъ-Булака была, какъ сказано выше, изслѣдована еще лѣтомъ, полковникомъ Гекке, а дальше Акъ-Булака или Чушка-Куля, отряду не суждено было двинуться...

Въ находящихся у меня запискахъ Г. Н. Зеленина, имѣвшаго въ то время всего 19 лѣтъ, страда-

нія молодыхъ топографовъ нѣложены такъ правдиво и естественно, что я позволю себѣ здѣсь нѣсколько остановиться.

Разставивъ колонну на ночлегъ, измучившись и наслушавшись вдоволь ругательствъ и оскорбленій, молодые люди приходили, наконецъ, къ своей джудамейкѣ и принимались за устройство для себя ночлега, такъ какъ ихъ начальникъ и компаніонъ по джудамейкѣ, офицеръ, уходилъ, обыкновенно, на вечеръ ночевать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ, у которыхъ давно уже раскинута была кибитка. Топографы разгребали прежде всего снѣгъ и кое-какъ ставили джудамейку. Складныхъ желѣзныхъ кроватей, введенныхъ для похода, по настоянію генерала Перовскаго, рѣшительно всѣми офицерами *), у молодыхъ людей не было, и имъ приходилось спать прямо на снѣгу, подстлавъ лишь подъ себя кошмы, спать не раздѣваясь, во всей той одеждѣ и обуви, въ которыхъ они шли походомъ, днемъ; у нихъ даже «силы не хватало, чтобы очистить снѣгъ до земли, потому что изнемогали отъ усталости, а снѣгу было навесено много». Кое-какъ кипятили воду и устраивали чай; затѣмъ, спѣшили улечься на отдыхъ, накрываясь сверху саксачьимъ тулупомъ. Но морозъ

*) Предполагалось, конечно, быть въ Хивѣ и возвращаться изъ нея лѣтомъ, когда въ степи имѣются скорпионы и тарантулы, гораздо легче могущіе укусыть людей, спящихъ на полу, чѣмъ на кроватяхъ.

бралъ свое, и ноги, обутыя въ теплыя чулки, конешныя (войлочные) валенки и, затѣмъ, въ кожаные сапоги для удобства ходибы дорогою, все-таки забыли почью такъ сильно, особенно въ морозы болѣе 30°, что приходилось вскакивать съ постели и бѣгать во-кругъ джуламейки, чтобы разогрѣть ихъ; это нужно было продѣлывать въ продолженіе ночи нѣсколько разъ. То же самое дѣлали и остальные топографы и всѣ офицеры, такъ что ко многимъ другимъ лишениямъ и страданіямъ похода прибавлялась еще и бессонница. Иногда, въ джуламейку молодыхъ топографовъ приходилъ ночевать деньщикъ начальствующаго надъ ними офицера и Киргизъ, приставленный къ ихъ верблюдамъ. Молодыхъ людей сильно удивляло то обстоятельство, что Киргизъ спитъ мертвыми сномъ всю ночь и ни разу не векочитъ погрѣться, хотя спитъ въ однихъ суконыхъ онучахъ и одѣтъ, вообще, менѣе тепло, чѣмъ они. Рѣшили спросить объ этомъ Киргиза. Тотъ разсмѣялся, да и говорить:

— У васъ всегда будутъ ноги забнутъ...

— Да почему же это?—сталъ спрашивать Георгій Николаевичъ.

— Вотъ почему,—отвѣчалъ Киргизъ.—Если вы не будете снимать съ ногъ, на ночь, кожаные сапоги, то вамъ не будетъ тепло: сапоги ваши днемъ, во время похода, промерзаютъ насквозь, отъ нихъ и ногамъ холодно; а вы оставайтесь на ночь въ однихъ войлочныхъ сапогахъ, будете спать крѣпко и спокойно.

Въ слѣдующую же ночь топографы исполнили совѣтъ Киргиза, сняли кожаные сапоги, а ноги, обутыя въ кошемные, мягкіе сапоги окутали шубой и крѣпко проспали всю ночь, и ноги у нихъ не озябли. О своемъ открытіи молодые люди сообщили Рейхенбергу, и тотъ сталъ дѣлать то же самое.

Больше всѣхъ страдали ночью отъ кожаной обуви солдаты, которымъ воспрещалось разуваться въ предположеніи тревоги: намучившись отъ ходьбы по снѣговой пустынѣ, солдаты засыпали крѣпкимъ сномъ, а на утро оказывалось, что у нихъ были озноблены ноги... Начинался скорбуть, появлялись на ногахъ раны, а затѣмъ ноги сводило, и въ концѣ-концовъ, отъ изнуренія, постоянного холода и нахождения въ лаваретномъ сквозномъ фургоны, больные умирали... Большая часть солдатъ своднаго дивизиона Уфимскаго полка погибли именно такимъ образомъ. «Только Всевышній Создатель, располагающій жизнью человека, не допустилъ насъ до гибели! Вѣроятно, отцы и матери наши усердно молились въ это время за наше спасеніе!..» говоритъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ въ томъ мѣстѣ своихъ записокъ, гдѣ приводятся бѣдствія отряда отъ стужи, во время ночлеговъ.

Вѣлья солдаты не мѣняли вовсе; и вотъ, если имъ удавалось достать гдѣ-нибудь хоть немножко топлива, то огонь обыкновенно разводили въ серединѣ джуламейки. Обсадутъ солдаты, на корточкахъ, вокругъ

огня, и когда онъ разгорится, то начинаютъ одинъ по одному снимать съ себя сорочки и держать ихъ передъ пыломъ, поворачивая во всѣ стороны; когда огонь порядочно нагрѣетъ рубашку, то ее слегка потряхиваютъ, и въ это время въ костеръ сыпятся на-сѣкомые, производя весьма своеобразный трескъ и запахъ... А въ это же время, на огнѣ стоятъ солдатскіе котелки, манерки, а у кого и чайники, и сибѣи превращаются въ горячую воду, въ которой размачиваются куски закорузлыхъ и затхлыхъ черныхъ сухарей, замѣняющихъ иногда и обѣдъ, и ужинъ.

А вотъ, напримѣръ, какъ раздавали солдатамъ отряда порціи «спирту». Когда фельдфебель получить его на роту, то сначала отнесетъ его къ ротному командиру, который отольетъ себѣ часть цѣльнаго спирта и подѣлится имъ съ субалтернъ-офицерами; затѣмъ, фельдфебель приказываетъ принести этотъ спиртъ въ свою джуламейку, отдѣлить часть себѣ, а также и всѣмъ капральнымъ унтеръ-офицерамъ; потомъ уже позоветъ артельщика, тотъ разбавитъ оставшееся количество спирта теплою водою и эту смѣсь выдаютъ каждому солдату «по чаркѣ».

Точно также дѣлилось и топливо, добываемое за Виппъ-Тамакомъ исключительно солдатскими руками, изъ мерзлой земли. Вырытые корни степныхъ травъ попадали, какъ и спиртъ, сначала къ начальству, а затѣмъ уже въ джуламейки солдатиковъ. Когда къ воскресные и праздничные дни раздавали на роты

мясо и приказывали солдатамъ готовить себѣ горячую пищу, то котель не могъ вскипѣть болѣе одного, много двухъ разъ; мясо не уваривалось, и въ такомъ полусыромъ видѣ поглощалось солдатскими желудками... Появилась дизентерія... заболѣвающіе отравлялись въ ледяные фургоны, а оттуда въ землю.

Вотъ такимъ-то порядкомъ, въ декабрѣ 1839 г., шелъ несчастный отрядъ русскихъ войскъ по безконечной степи, въ тридцати-градусные морозы, среди ледяныхъ буряновъ, по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды и горячей пищи, оставляя за собою роковой страшный слѣдъ—въ видѣ невысокихъ снѣговыхъ холмовъ-могилъ надъ умершими людьми и круглыхъ горокъ нанесеннаго метелями снѣга надъ павшими верблюдами!..

19-го декабря отрядъ достигъ, наконецъ, Эмбенскаго укрѣпленія, употребивъ на этотъ переходъ (отъ Оренбурга до Эмбы) 34 дни. Между тѣмъ рассчитывали, что это пространство, около 500 верстъ, будетъ пройдено не болѣе, какъ дней въ 15-ть!

Какой страдальческій и, по истинѣ, героическій былъ этотъ переходъ, можно судить уже по одному тому, что изъ всѣхъ 34-хъ дней похода до Эмбы было лишь 15-ть безъ буряновъ и только 13 дней, когда морозъ былъ ниже 20°. Обиліе же снѣга было такъ велико, что положительно всѣ овраги, даже са-

мые глубокіе, были занесены лѣтъ до верху, такъ что приходилось употреблять самыя невѣроятныя усилія, чтобы перевести черезъ такіе овраги тысячи верблюдовъ и лошадей съ ихъ вьюками и колесными фурами... А чтобы переправлять черезъ эти снѣговые бездны пушки, приходилось накладывать поверхъ снѣга pontонныя мосты и по нимъ уже перевозить орудія...

VII.

Положеніе генерала В. А. Перовскаго во время похода.—Дѣйствія Хивинскаго хана Аяла-Кула и посланный имъ двухъ-тысячный отрядъ Туркменъ-Томудовъ.—Неудачная атака Хивинцами Чунка-Кульскаго укрѣпленія.—Убійство нашего почтальона-Киргиза.—Гибель Хивинцевъ отъ морозовъ и буряновъ.—Отдыхъ отряда въ Эмбелскомъ укрѣпленіи.—Отчалиніе главноначальствующаго.—Разговоръ солдатъ, спасшіи генерала Перовскаго.—Дѣлѣ партіи въ отрядѣ.—Приказъ о сформированіи особой колонны и о выступленіи на Чунка-Куль.—Прибытіе на Эмбу султана Айчувакова.

Страдали въ отрядѣ всѣ, конечно. Но были въ немъ одниъ человѣкъ, страданія котораго были гораздо болѣе мучительны: это былъ главный начальникъ всей экспедиціи генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій... Онъ хорошо зналъ и понималъ, что вся неудача похода ляжетъ на него одного; что не любившій сего военный министръ поставитъ ему на видъ и на счетъ все: и гибель людей, и потраченные на походъ крупныя суммы денегъ, и ту потерю послѣдняго вліянія нашего въ Хивѣ, которое могло суще-

ствовать до этого несчастнаго предпріятія... Были и другія опасенія и мысли, увеличивавшія страданія Перовскаго: онъ помнилъ, что взялъ экспедицію предъ Государемъ на свою личную отвѣтственность... Нечего и говорить, конечно, что его могло мучить и оскорбленное самолюбіе, и то злорадство, которое онъ сталъ уже замѣчать здѣсь, въ стѣни, со стороны, напримѣръ, генерала Піолковскаго, выражавшагося въ кругу своихъ приближенныхъ прямо словами басни, что сянца-де моря не зажгла...

До похода на Хиву, губернаторъ Перовскій прослужилъ въ Оренбургѣ шесть лѣтъ, и за это время его успѣли узнать близко и хорошо. Всѣ увидѣли, что подъ наружною суровостію и холоднымъ, какъ бы отталкивающимъ взглядомъ таилась добрая душа человѣка, не утратившаго еще вѣру въ людей, способнаго любить ихъ и довѣрять имъ. Имѣя обширныя полномочія и права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, В. А. Перовскій крайне неохотно предавалъ суду служащихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, и положительно отказывался утверждать смертные приговоры, къ которымъ присуждали иногда солдатъ полевые военные суды *).

*) Исключеніемъ было лишь одно дѣло—объ убійствѣ тремя нижними чинами, съ цѣлью ограбленія, команданта Орской крѣпости полковника Нодоброва; всѣ трое убійцъ были приговорены полевымъ военнымъ судомъ къ смертной казни; Перов-

Изъ Оренбурга генераль-адъютантъ Перовскій выѣхалъ въ походъ при 4-й колоннѣ, верхомъ. Всѣ полагали тогда, что онъ пересадетъ вскорѣ же въ свой экипажъ, слѣдовавшій за колонною. Но вышло иначе. Отъ самаго Оренбурга вплоть до Эмбы, на разстояніи 500 верстъ, главноначальствующій ѣхалъ верхомъ, выступая съ колонною одновременно, когда начинало разсвѣтать, и слѣзая съ коня лишь тогда, когда останавливалась и колонна на привалахъ и ночлегахъ. Въ утреннемъ полусвѣтѣ часто впадѣли генерала верхомъ на бѣлой, а иногда на сѣрой лошади, ѣдущаго позади колонны, шагомъ, съ опущенною, по привычкѣ, головою на грудь... Въ 11 часовъ, ежедневно, генераль Перовскій начиналъ объѣзжать всѣ колонны, здороваясь, на походѣ, съ людьми и оглядывая ихъ; въ этихъ объѣздахъ его сопровождалъ лишь одинъ казакъ. Линія отряда, состоявшая изъ 4-хъ колоннъ, растягивалась, обыкновенно, на 8 и болѣе верстъ; тѣмъ не менѣе, несмотря ни на какую погоду и морозъ, главноначальствующій объѣзжалъ всю эту линію два раза—отъ 4-й колонны до 1-й и обратно. Часто, ночью, главноначальствующій самъ повѣрялъ неправоту цѣпи и бдительность часовыхъ, особенно съ того времени, когда узнали, что въ степи рекогносцируетъ двухъ-

скій утвердилъ этотъ приговоръ, и виновные были разстрѣляны: одинъ въ Оренбургѣ, другой въ Орскѣ и третій въ Верхнеуральскѣ.

тысячный конный отряд Хивинцевъ. Однажды, въ ночь подъ 22 Декабря, на Эмбѣ, генераль едва не былъ заколотъ часовымъ: ему какъ-то удалось, въ одиночку, пробѣжать за цѣпь, обманувъ бдительность часового въ одномъ мѣстѣ; но когда онъ возвращался обратно, былъ замѣченъ и желалъ пробѣжать чрезъ цѣпь насильно, то часовой, послѣ троекратнаго приказанія «стой!» взмахнулъ уже штыкомъ, и только во время произнесеннаго пароля сналъ Перовскаго отъ новой раны. Когда начались бѣдствія отряда и стали, затѣвъ, прогрессивно увеличиваться, генераль-адъютантъ Перовскій сталъ рѣже и рѣже обѣзжать колонны; его краснымъ голомъ стала, какъ казалось всѣмъ, опускаться все ниже и ниже, а взглядъ становился еще болѣе суровымъ и строгимъ... Такимъ образомъ, не слѣзая съ коня, доѣхалъ главный начальникъ экспедиціи до Эмбы; но затѣвъ, въ дальнѣйшемъ походѣ отряда, его никто не видѣлъ на лошади: онъ ѣхалъ въ зимнемъ возкѣ, видимо сталъ избѣгать встрѣчъ съ людьми и всячески старался быть незамѣченнымъ.

Когда отрядъ пришелъ въ Эмбенское укрѣпленіе, то здѣсь узнали, что Хивинскій ханъ Алла-Куль, освѣдомившись отъ своихъ подданныхъ, занимавшихся торговлею въ Оренбургѣ, что Русскіе собираются идти на Хиву и построили уже для этой цѣли, по

дорогѣ на Усть-Уртѣ, два укрѣпленія, отобралъ болѣе двухъ тысячъ испытанныхъ и крѣпкихъ джигитовъ (батырей) изъ племени Туркменъ-Юзудовъ, и велѣлъ имъ ѣхать на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, а грузнымъ всадникамъ о-двукопѣ, безъ всякихъ запасовъ, даже безъ джуламосекъ, ѣхать быстро и не останавливаясь, стараясь достигнуть какъ можно скорѣе до русскихъ укрѣпленій, пока не подошелъ къ нимъ главный отрядъ, идущій съ Перовскимъ изъ Оренбурга; взять, пользоваться малочисленностью гарнизона, оба укрѣпленія (Чушка-Кульское и Эмбенское), перебить всѣхъ русскихъ до послѣдняго человѣка, а ихъ отрубанныя головы, въ видѣ трофеевъ, выслать въ Хиву; затѣмъ, идти на встрѣчу главному отряду, слѣдовать по его пятамъ, безпокою людей днемъ и ночью и, если можно, сдѣлать на него, въ самую темную и бурную ночь, отчаяннѣйшее нападеніе въ рукопашную. Начальствовать этимъ отборнымъ отрядомъ вызвался самъ Кушъ-Бегъ (военный министр), который пообѣщалъ хану привести въ Хиву людей обоихъ гарнизоновъ (изъ Чушка-Куля и Эмбы) живыми, для смертныхъ казней въ самой Хивѣ.

Хивинцы могли исполнить только начало этого грознаго приказа. Они быстро добрались до первого, стоявшаго на ихъ пути, Чушка-Кульскаго укрѣпленія. 18-го декабря нанали на него, но были самымъ позорнымъ образомъ отбиты и прогнаны, потерявъ болѣе десяти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ

такъ и лежали подъ укрѣпленіемъ на снѣгу всю зиму. Въ укрѣпленіи, въ это время, было на лицо: здоровыхъ 130 человекъ и больныхъ 164 человека, которые тоже взялись кое-какъ за оружіе. Команду принялъ на себя горный инженеръ Ковалевскій, случайно попавшій за три дня передъ этимъ въ Чушка-Куль и оказавшійся старшимъ въ чинѣ; помощникомъ его былъ поручикъ Герпигросъ. Хивинцы дѣлали четыре отчаянныя атаки и были отбиты единственно при помощи пушекъ: громъ выстрѣловъ и свистящая картечь производили въ ихъ рядахъ паническій страхъ, котораго они не могли преодолѣть, несмотря на всю свою храбрость. Ружей они не особенно боялись, такъ какъ имѣли и свои фитильныя, стрѣлявшія съ подставокъ, которыя, однако, попадали иногда довольно далеко и мѣтко. Отбитые отъ Чушка-Куля, Хивинцы направились на Эмбенское укрѣпленіе. По дорогѣ, въ нѣсколькихъ перстахъ отъ Акъ-Булака, они встрѣтили нашего Киргиза, ѣхавшаго съ почтой изъ Эмбы въ Чушка-Куль; на этомъ несчастномъ своемъ единовѣрцѣ разбойники и выместили всю злобу: обыскавъ его, они нашли пакеты съ печатями... улика, слѣдовательно, была на лицо... Узнано было впослѣдствіи, отъ нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы и потомъ въ самой Хивѣ *), что Киргиза этого Хивинцы подвергли са-

*) Въ 1842 году было отправлено изъ Оренбурга въ Хиву особаго рода посольство съ полковникомъ Данилевскимъ во

мымъ ужаснымъ истязаніямъ и мукамъ и, въ концѣ, разрубили его пополамъ, поперекъ живота, и поставили въ снѣгъ съ двухъ сторонъ степной тропы, такъ что ноги съ половиною живота стояли и замерзли въ снѣгу особо, а верхняя часть туловища вкопана въ снѣгъ отдѣльно; ротъ несчастнаго былъ набитъ мелкими кусочками изорванныхъ бумагъ везонной почты и сургучными печатями отъ конвертовъ...

Эта конная партія Хивинцевъ имѣла съ нашими войсками, позже, еще одно дѣло, о которомъ будетъ говорено ниже; теперь же слѣдуетъ сказать, что домой въ Хиву, въ свои аулы, изъ этихъ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ вернулось лишь 700 съ чѣмъ-то человекъ: всѣ остальные погибли въ степи, между Чушка-Кулемъ и Эмбенскимъ укрѣпленіемъ и на Усть-Уртѣ отъ страшныхъ въ ту зиму морозовъ и частыхъ бурановъ; гибли, также, отъ изнуренія, вслѣдствіе отсутствія пищи, а главное потому, что не взяли съ собою джуламеекъ, могущихъ защитить ихъ, хотя отчасти, отъ морозовъ и степныхъ мятелей: ханъ такъ торопилъ ихъ выступленіемъ и маршемъ, что не позволилъ взять даже верблюдовъ, на

главъ; и вотъ тогда-то, живя цѣлое лѣто въ Хивѣ, наши офицеры и узнали приводимыя въ настоящей статьѣ подробности о событіяхъ 1839 года, поскольку эти событія касались Хивинцевъ и неудачныхъ дѣйствій ихъ двухъ-тысячнаго коннаго отряда. Обо всемъ этомъ разсказывалъ офицерамъ плѣнко Сергѣй-Ага, бывшій фейерверкеръ, девергиръ съ Кавказа, очень любимый ханомъ.

которыхъ можно бы было навьючить эти джуламейки. Необыкновенная суровость зимы 1839—40 года сохранилась въ памяти у Хивинцевъ надолго: Сергѣй-Ага рассказывалъ, въ 1842 году, нашимъ офицерамъ, что въ Хивинскихъ оазисахъ померзли въ ту зиму корни виноградныхъ лозъ, а въ самой Хивѣ погибли рѣшительно все молодые телята и ягнята и даже часть новорожденныхъ верблюжатъ.

Эмбенское укрѣпленіе, куда пришелъ 19-го декабря несчастный экспедиціонный отрядъ, было построено на правой сторонѣ рѣчки Аты-Якши, не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Эмбу; кругомъ, на далекое разстояніе была плоская равнина. И вотъ, на этой-то равнинѣ, вблизи самаго укрѣпленія, и расположился въ раскинутыхъ джуламейкахъ все четыре колонны. Вольныхъ изъ всехъ колоннъ тотчасъ же положили въ Эмбенскій госпиталь, устроенный въ теплыхъ и хорошо освѣщаемыхъ землянкахъ изъ воздушнаго кирпича *), и они стали понемногу поправляться. Гарнизонъ жилъ тоже въ хорошо устроенныхъ землянкахъ, освѣщаемыхъ сверху, гдѣ горизонтально, наравнѣ почти съ крышею, лежали оконныя рамы. Въ такихъ точно землянкахъ помѣща-

*) Въ такого воздушнаго кирпича (сѣсь глинъ, земли и навоза) строится иногда въ Оренбургской губерніи, за неимѣніемъ лѣса, крестьянскія избы.

лись въ укрѣпленіи солдатскія кухни и хлѣбопекарни; принедавніе солдаты, съ особымъ удовольствіемъ, лакомились теперь печенымъ чернымъ хлѣбомъ, котораго не пробовали болѣе мѣсяца... Всѣ нижніе чины всѣхъ четырехъ колоній ходили, чередуясь, обѣдать и ужинать на кухни, въ теплыя землянки, и тутъ два раза въ день вполне отогрѣвались. Уцѣлѣвшія лошади и верблюды тоже вздохнули здѣсь свободно; такъ какъ сѣна и овса заготовлено было здѣсь въ достаточномъ количествѣ, то лошадямъ стали отпускать по 4 гарнца овса въ день и по 10 фунтовъ сѣна; верблюдамъ, тоже, давали сѣна и бурьяну вдоволь, и они, какъ и лошади же, стали отдыхать и поправляться. Отрядъ простоялъ, такимъ образомъ, въ Эмбенскомъ укрѣпленіи болѣе двухъ недѣль, отдыхая и собираясь съ силами для дальнѣйшаго похода—впередъ или назадъ, все равно: всѣ сознавали лишь одно, что, не буди на дорогѣ этого теплаго укрѣпленія съ его теплыми землянками, печенымъ хлѣбомъ и горячею пищею, погибъ бы въ этихъ сѣверныхъ пустыняхъ весь отрядъ, до послѣдняго чловѣка...

Но главнокомандующій отрядомъ, генералъ-адъютантъ Перовскій созналъ уже и въ душѣ рѣшилъ, что экспедиція не достигнетъ намѣченной ею цѣли, что она закончена; что идти впередъ и рассчитывать взять Хиву съ ничтожнымъ остаткомъ отряда немислимо, что можно лишь и должно идти назадъ...

Къ этому тяжелому рѣшенію генераль Перовскій пришель окончательно вслѣдствіе сдѣланной, по приходѣ уже на Эмбу, рекогносцировки въ сторону Чушка-Кульскаго укрѣпленія. Предполагалось, что чѣмъ дальше къ Югу, тѣмъ снѣгу будетъ меньше; между тѣмъ оказалось, что снѣгъ въ сторону Чушка-Куля былъ также глубокъ, какъ и на пройденномъ пространствѣ. Это извѣстіе поразило, какъ громомъ, весь отрядъ и болѣе всего, конечно, опечалило генерала Перовскаго: онъ идругъ сильно затосковалъ, осунулся и нехудалъ въ какіе-нибудь два-три дня до неузнаваемости, совсѣмъ пересталъ выходить изъ своей кибитки и не принималъ рѣшительно никого, кромѣ штабсъ-капитана Никифорова... Въ душѣ генераль-адъютантъ Перовскій сознавалъ, конечно, что онъ—главный виновникъ того факта, что экспедиція состоялась; что въ гибели нѣсколькихъ тысячъ людей виноватъ все-таки онъ, творецъ экспедиціи и главный руководитель всего этого несчастнаго похода... Онъ это сознавалъ—и вслѣдствіе этого страшно мучился и страдалъ нравственно... Болѣе всего Перовскаго мучила мысль, что этотъ неудачный походъ и его имя стануть предметомъ насмѣшекъ всей Европы, что походъ «осрамилъ Россію», что отрядъ деморализованъ, что офицеры и солдаты упали духомъ, что все его проклинають и ненавидять... И вотъ, какъ только ему въ голову попали эти несчастныя мысли, въ душѣ его созрѣло какое-то роковое рѣшеніе: онъ,

подъ разными предлогами, пересталъ принимать пищу...

Но промыселъ Божій и тутъ пришелъ на помощь къ изнеможенному духомъ человеку—въ лицѣ легендарнаго чудо-богатыря, Русскаго солдата. Однажды, поздно вечеромъ, выйдя изъ своей кибитки и проходя джудамейками 4-й колонны, онъ услышалъ въ одной изъ нихъ разговоръ о настоящемъ положеніи отряда и свое имя... Перовскій невольно остановился и сталъ прислушиваться... Говорилъ кто-то поучительнымъ, докторальнымъ тономъ: очевидно, ундеръ или, быть можетъ, самъ капралъ...

— Все это не бѣда! (говорилъ голосъ): морозы стали полегче, бурановъ совсѣмъ нѣтъ... кашница горячая есть. А вотъ, плохо: самъ-то онъ, орелъ-то нашъ червоокій, захирѣлъ... вотъ это, братцы, такъ бѣда!..

— Мы, вчера съ, узнавали потихоньку (отвѣчалъ, въ полголоса, другой солдатикъ): отъ нищизны, сказываютъ, отсталъ—ни ѣсть, ни пить ничего и никакого до себя не доушачаетъ...

— Да-а-а, вотъ это бѣда!.. повторилъ опять первый солдатъ, упавшимъ голосомъ, и громко вздохнулъ при этомъ:—Если *самъ* помретъ, пропадутъ тогда и наши головушки!..

Генералъ Перовскій, какъ онъ самъ передавалъ объ этомъ въ тотъ же вечеръ штабсъ-капитану Никифорову, набожно перекрестился три раза, и бодрый,

веселый, быстро направился къ своей кибитку... Здѣсь онъ тотчасъ же послалъ за Никифоровымъ... Когда тотъ пришелъ, генералъ сталъ подробно разспрашивать его о подожженіи отряда, а главное, о нравственномъ духѣ офицеровъ и солдатъ. Штабель-капитанъ Никифоровъ не скрылъ ничего и откровенно доложилъ главноначальствующему, что въ отрядѣ, среди офицеровъ, образовались, собственно, двѣ партіи: одна, во главѣ которой стоитъ генералъ-маіоръ Цюлковскій, доказываетъ необходимость немедленнаго отступленія и срытія укрѣпленій; другая же партія, съ генералъ-маіоромъ Молоствовымъ, напротивъ, указываетъ на то, что отрядъ прошелъ всего лишь одну треть пути, что возвратиться обратно въ Оренбургъ, ни съ чѣмъ, не изслѣдовавъ даже Усть-Урта — *«дѣло будетъ постыдное для русскаго человека»* и останется неизгладимымъ пятномъ въ исторіи походовъ русскихъ войскъ... *«что нужно испытать все до послѣдней крайности, и если окажется, что идти дальше невозможно, тогда только возвратиться обратно»*...

Генералъ Перовскій крѣпко поцѣловалъ Никифорова и передалъ ему разговоръ солдатъ въ джугалейскѣ 4-й колонны. Затѣмъ, въ тотъ же вечеръ, былъ составленъ и отданъ по отряду приказъ о сформированіи «отдѣльной колонны», которая должна была отправиться къ Чушка-Кудьскому укрѣпленію,

за 170 верстъ, и, дойдя туда, выслать отъ себя особую рекогносцировочную партію для выбора и изслѣдованія болѣе удобнаго подъема на Уеть-Уртъ—и, затѣмъ, ожидать въ укрѣпленіи прибытія главноначальствующаго и дальнѣйшихъ, сообразно обстоятельствамъ, распоряженій.

На другой день весь отрядъ встрепенулся и зашевелился, и загудѣлъ, словно сильный рой пчелъ, согрѣтый лучами весенняго теплаго солнца... Честь отряда была спасена; веѣ бѣдствія похода забыты разомъ!..

Къ вечеру того же дня «явился къ отряду на поклонъ» родоначальникъ киргизовъ Назаровцевъ, султанъ Айчуваковъ, съ сотней Кайсаковъ, при нѣсколькихъ стахъ верблюдахъ, которые и были у него тутъ же наняты.

VIII.

Загадочныя болѣзнь генерала Молоцова.—Обострившіяся отношенія генераловъ Перовскаго и Цюлковскаго.—Отказъ Киргизовъ-верблюдовожатыхъ слѣдовать съ отрядомъ.—Разстрѣляніе трехъ Киргизовъ.—Недобрыя вѣсти изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Отправка туда роты и сотни казаковъ.—Нападеніе двухъ тысячъ конныхъ Хивинцевъ.—Параблнншіеся, спасшіи отрядъ.—Вой съ Хивинцами.—Отбитіе атакъ.—Отступленіе Хивинцевъ.—Сожженіе нашего пѣхотнаго солдата.—Награды.

Въ то время, когда формированіе «отдѣльной колонны» *) подвигалось уже къ концу и опредѣленъ

*) Здѣсь слѣдуетъ оговориться, въ виду довольно крупнаго

былъ день ея выступленія, заболѣлъ, совершенно неожиданно и безпричинно, генераль-маіоръ Молодцовъ, назначенный начальникомъ этой колонны. Въ отрядѣ стали ходить весьма странные слухи о причинахъ внезапной болѣзни очень любимого солдатами генерала... къ его болѣзни стали примѣнивать имя генераль-маіора Ціолковского. Но этому тяжкому обвиненію вѣрили лишь немногіе, и оно всего болѣе создано было, повидимому, тою ненавистью, которую питали въ отрядѣ къ этому ужасному человѣку. Известно было лишь одно, что генераль Молодцовъ заболѣлъ тотчасъ же, какъ только вернулся въ свою кибитку отъ генерала Ціолковского, у котораго онъ пилъ кофе.

Отношенія главноначальствующаго къ генераль-маіору Ціолковскому были, въ это время, крайне обострены: уволенный за злѣрское обращеніе съ нижними чинами отъ должности начальника 1-й колонны, Ціолковский, понятно, питалъ въ душѣ большую злобу противъ генерала Перовскаго; а этотъ, въ свою очередь,

разгорѣчѣн, при опредѣленіи числа колоннъ, выходившихъ изъ Омбескаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Въ однихъ официальныхъ сообщеніяхъ упоминается о *нѣсколькихъ* колоннахъ, въ другихъ говорится лишь о *двухъ* колоннахъ (генерала Ціолковского и полковника Гекке), въ запискахъ же у меня имѣющихся и въ частныхъ письмахъ говорится лишь *объ одной* колоннѣ, и это послѣднее сообщеніе является, повидимому, болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, такъ какъ, разъ мысль идти на Хиву была оставлена, то не было сдѣлательно и надобности высылать изъ Омбы къ Чушка-Кулю, для изслѣдованія подъема на Усть-Уртъ, *нѣсколько* отрядовъ.

узнавъ отъ штабсъ-капитана Никифорова — какую «партію» сформировалъ вокругъ себя въ отрядѣ опальный генераль, давшій совѣтъ идти въ Хиву зимою, не могъ, конечно, чувствовать къ нему за все это особой пріязни... Но случилось, однако, такъ, что, когда заболѣлъ Молоствовъ, старшимъ въ отрядѣ, послѣ генераль-адъютанта Перовскаго, очутился генераль-маіоръ Ціолковскій, такъ какъ генераль-лейтенантъ Толмачевъ заболѣлъ еще раньше и ѣхалъ въ возкѣ, отъ самаго урочища Випиъ-Тамакъ, не владѣя простуженными ногами. Согласно принятымъ правиламъ, Ціолковскаго никакъ нельзя было обойти, тѣмъ болѣе теперь, когда, влѣдствіе неудачъ, главноначальствующій сознавалъ, что его престижъ въ Петербургѣ поколебленъ... И вотъ, скрѣпя сердце и подавляя свое личное неудовольствіе, Перовскій, приказомъ по отряду отъ 9-го января 1840 г., назначилъ начальникомъ «отдѣльной колонны» Ціолковскаго.

Второе непріятное обстоятельство случилось въ отрядѣ 31-го декабря, всего за день до выступленія отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Ночью, нѣсколько десятковъ Киргизовъ, которые должны были идти съ этою колонною, сговорились и ушли тихонько изъ отряда въ степь, къ свои аулы, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ верблюдами. Когда доложено было объ этомъ произшествіи главноначальствующему, онъ велѣлъ собрать

всѣхъ верблюдовозатныхъ; самъ вышелъ къ нимъ и объявилъ, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ, впередъ, уходить изъ отряда самовольно, что они напITY по условію на весь походъ, до его окончанія, и поэтому не имѣютъ права оставлять отрядъ; что они подданные русскаго Государя и должны послужить ему въ это тяжелое время, а не измѣять, бросая отрядъ на произволъ судьбы; что если кто-нибудь изъ нихъ позволить себѣ самовольно и тайно уйтЯ, то генералъ прикажетъ нагнать ослушниковъ и съ ними будетъ поступлено по законамъ военнаго времени.

Едва переводчикъ успѣлъ передать Киргизамъ слова генерала, какъ они всѣ, въ одинъ голосъ, закричали: «бармась! бармась!!» т. е. не пойдемъ... и затѣмъ заявили, что у нихъ и безъ того уже пала половина верблюдовъ, а въ дальнѣйшемъ походѣ они всѣ передохнутъ, а они, Киргизы, не увѣрены, исполнять ли русскіе свое обѣщаніе—заплатить лЯ за павшихъ верблюдовъ. На это генералъ объяснилъ имъ, что, согласно условію, плата за павшихъ должна быть произведена по возвращеніи отряда въ Оренбургъ, а не здѣсь, въ степи, во время неоконченнаго еще похода. Но Киргизъ зашумѣлъ еще громче и заявилъ окончательно, что дальнѣе съ отрядомъ не пойдутъ. Тогда генералъ Перовскій объявлялъ имъ, что если они будутъ упорствовать, то онъ прикажетъ всѣхъ ихъ разстрѣлять... Киргизы нисколько не испугались этой угрозы и заявили

прямо, что если ихъ не отпустить, то они всё уйдутъ изъ отряда самовольно. Генералъ еще разъ повторилъ имъ: — «Помните, я не шучу; васъ разстрѣляютъ»!..

На это Киргизы спокойно отвѣтили: «пусть разстрѣливаютъ; мы все-таки не пойдёмъ!»

Наступилъ самый тяжелый и рѣшительный моментъ... Кругомъ стояли начальники отдѣльных частей, офицеры, солдаты... Всѣ отлично понимали, что если только Киргизы приведутъ свое намѣреніе къ исполненію и оставятъ отрядъ, то идти ни впередъ, ни назадъ нельзя уже будетъ: придется всёми жить въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны — то есть до того времени, когда наймутъ въ Оренбургѣ и выпустятъ къ отряду нѣсколько тысячъ новыхъ верблюдовъ.

Генералъ Перовскій приказалъ поставить столбъ, вырыть яму и вызвать впередъ 12 человекъ солдатъ съ заряженными ружьями. Черезъ пятнадцать минутъ все было готово... Тогда генералъ, сильно измѣнившись въ лицѣ, спросилъ Киргизовъ еще разъ: — Такъ не пойдете??

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «не пойдёмъ»!..

Такъ какъ у двѣнадцати елишкомъ тысячъ верблюдовъ, напавшихъ въ Оренбургѣ, было болѣе 1200 верблюдовожатыхъ Киргизовъ, считая на каждыхъ десять верблюдовъ по одному Киргизу, то предъ генераломъ Перовскимъ стояла очень большая масса этихъ номадовъ. Онъ приказалъ вызвать къ столбу

ближайшаго къ нему ослушника... Киргизъ пошелъ безъ всякаго сопротивленія: онъ лишь простился, по-киргизски, съ товарищами. Его поставили къ столбу и на-скоро привязали... Офицеръ екомандовалъ «пли!»—и Киргизъ былъ разстрѣлянъ. Живо разрѣзали веревки, и онъ упалъ въ яму...

— Слѣдующаго!—крикнулъ Перовскій.

Повторилась та же исторія съ другимъ Киргизомъ... Едва онъ кувырнулся въ яму, какъ генералъ крикнулъ вновь:

— Слѣдующаго!..

Разстрѣляли и третьяго Киргиза... Едва спустили его въ яму и стрѣлки зарядили вновь ружья, какъ вся тысячная масса Киргизовъ упала на колѣни и закричала: — Алла! Алла!! Пойдемъ, бачка, пойдёмъ!

Они, оказалось послѣ, были вполне увѣрены, что генералъ Перовскій не имѣетъ права ихъ разстрѣлять и не можетъ этого сдѣлать; оттого у нихъ и была такая самоувѣренность и рѣшимость уйти и бросить отрядъ.

Генералъ Перовскій, прекративъ экзекуцію, приказалъ сказать имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится уйти изъ отряда самовольно, ночью, то будетъ настигнутъ и разстрѣленъ; а если даже и удастся ему избѣжать погони, то будетъ, все равно, разысканъ въ аулѣ и казненъ въ Оренбургѣ, по возвращеніи отряда изъ похода.

Эта угроза и видъ трехъ разстрѣленныхъ товарищей такъ напугали Киргизовъ, что ни одинъ изъ нихъ впослѣдствіи не рѣшился самовольно бросить отрядъ—и все дошли съ нимъ до Оренбурга. Тамъ не менѣе, въ виду крупной убыли верблюдовъ, было тогда же послано въ Оренбургъ распоряженіе немедленно нанять или купить у Киргизовъ нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ же и доставить въ Эмбенское укрѣпленіе.

Пока шли эти окончательные сборы «отдѣльной колонны», задерживаемой въ Эмбенскомъ укрѣпленіи такими случайными обстоятельствами, какъ внезапная болѣзнь генерала Молодцова и открытое неновиновеніе верблюдовожатыхъ Киргизовъ, на Эмбу, изъ Чушка-Куля, прибылъ второй нарочный и привезъ печальное извѣстіе, что тамъ, послѣ благополучнаго отбитія приступа Хивинцевъ, пришлось, всетаки, во избѣжаніе внезапнаго вторичнаго штурма, усилить сторожевую и форпостную службу, въ особенности ночью,—и, благодаря этому обстоятельству, а также и отъ дурной воды озера, близъ котораго возведено было Чушка-Кульское укрѣпленіе, тамъ появилась такая масса больныхъ дизентеріей, скорбутомъ и цынгой, что ихъ положительно некуда было помѣщать... Тотчасъ же, по распоряженію главноначальствующаго, была снаряжена рота пѣхоты численностью въ 140 человекъ, на санихъ, запряженныхъ верблюдами, съ сотнею казаковъ, изъ

конхъ только 40 былъ верхами, подъ начальствомъ ротнаго командира поручика Ерофеева, которому поручено было идти въ Чушка-Куль какъ можно скорѣе, забрать оттуда всѣхъ больныхъ и привезти ихъ на Эмбу. Къ отряду прибавлено было еще 230 верблюдовъ съ овсомъ, сухарями, крупю и прочими запасами.

Отрядъ этотъ, иди форсированнымъ маршемъ, прошелъ почти уже весь путь благополучно; но однажды, около полудня, всего въ 20-ти верстахъ отъ Акъ-Булака, его застигъ страшнѣйшій буранъ, свойственный лишь здѣшнимъ необозрпмымъ степямъ, когда, среди бѣлаго дня, не видно бываетъ свѣту Полярнаго... Идти въ такую непроглядную метель не было никакой возможности и отрядникъ рѣшилъ остановиться не надолго, чтобы переждать вьюгу. Мѣста, конечно, не выбрали для остановки—какъ это дѣлалось въ обыкновенное время, когда намѣчается мѣсто болѣе или менѣе безопасное отъ внезапнаго нападенія,—а гдѣ застигъ буранъ, тутъ и задумали остановиться. При этомъ не принимали еще и никакихъ мѣръ предосторожности: не выставили передовыхъ постовъ, не заняли находящуюся вблизи возвышенность, даже ружья у казаковъ находились въ чехлахъ, а у солдатъ были затюканы въ возахъ, и каждый заботился лишь объ одномъ: какъ бы укрыться отъ вьюги и потеплѣе устроиться, что, однако, было не легко, такъ какъ отрядъ этотъ, въ виду слабости дѣла и небольшого

разстоянія, которое предстояло пройти—всего 170 верстъ—не взявъ съ собою джуламетскъ.

И вотъ, едва только поуспокоились въ отрядѣ и прилежнѣли, какъ съ лѣвой стороны, изъ-за пригорка, выскакала громадная конная партія Хивинцевъ и съ дикимъ гиканьемъ и крикомъ «алла» бросились на отрядъ. Передніе всадники были вооружены пиками, остальные пашками, и лишь у очень немногихъ виднѣлись за спинами длинныя карабины, изъ которыхъ Хивинцы стрѣляютъ не иначе, какъ уставовникъ нхъ на особыя подставки.

Къ великому счастью для атакованныхъ, число которыхъ вмѣстѣ съ офицерами было не болѣе 250 человекъ, на самомъ краю бивуака, обращеннаго къ пригорку, находился ротный барабанщикъ, который, увидѣвъ несущихся Туркменъ, живо выхватилъ свои палки и ударилъ тревогу. Эта находчивость не растерянаго молодца-барабанщика и спасла маленькій отрядъ отъ неминуемой гибели и смерти: едва только лошади Хивинцевъ подекаливали къ отряду, какъ, слыша въ трескѣ невѣдомаго имъ дотола пиструмента, быстро, на всемъ скаку, сворачивали въ бокъ, или же взвизывали отъ страха на дыбы, сбрасывая съ себя всадниковъ... Все это произошло въ какія-нибудь двѣ, много три минуты... А тѣмъ временемъ, казаки опомнились, выхватили изъ чехловъ ружья и дали залпъ, а пѣхота живо достала ихъ изъ тыла и стала заряжать... Хивинцы круто повернули своихъ

лихихъ коней и понесли назадъ, отбивъ, однако, отъ отряда 30 верблюдовъ, шедшихъ съ запасами и продовольствіемъ, которые были немного въ сторонѣ; этихъ верблюдовъ никто не защищалъ, такъ какъ при нихъ въ это время былъ всего одинъ солдатъ и нѣсколько Киргизовъ; Киргизы разбѣжались и попали отъ страха въ снѣгъ, а солдатика Туркмены захватили волосатымъ арканомъ и поволокли за собою... Они остановились отъ отряда не болѣе какъ на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, на томъ самомъ бугрѣ, изъ за котораго выскочили, и стали дѣлать добычу. Затѣмъ принялись за ѣду, съ большимъ, новидимому, аппетитомъ, такъ какъ ѣли очень долго, съ полчаса по крайней мѣрѣ *). А въ это время въ нашемъ отрядѣ, бывшемъ почти въ десять разъ меньше Хивинскаго, шли лихорадочныя приготовленія къ оборонѣ: изъ оставшихся тюковъ, кулей и саней устраивалось каре, дѣлался снѣговой брустверъ, заряжали ружья и пр.; а Хивинцы, сидя на бугрѣ, преспокойно ѣли наши сухари и не особенно торопи-

*) Въ 1842 году, наши офицеры слышали въ Хивѣ, отъ нашихъ же перебѣжчиковъ, что Хивинцы, т. е. Туркмены-Юмуды, напавшіе на отрядъ поручика Ерофеева, были дѣйствительно очень голодны, такъ какъ пятью ми въ дорогѣ *крутъ* и *чурекъ* совсѣмъ были на исходѣ и потреблялись всадниками въ самыхъ гомеопатическихъ дозахъ. Крутъ—это сыръ, приготовляемый изъ бираваго молока, небольшими кусочками; его растапливаютъ въ водѣ, дѣлаютъ довольно густую смѣсь и этимъ утоляютъ голодъ. Чурекъ—это круглая лепешка, испеченная въ водѣ изъ прѣснаго тѣста, приготовленнаго изъ ишмичной муки.

лись окончить свой неожиданный обѣдъ, такъ какъ были вполне увѣрены, что отрядъ на верблюдахъ нигде не можетъ уйти и, по своей малочисленности, будетъ неминуемо истребленъ, или забранъ живьемъ въ плѣнъ... Участники зимняго похода въ Хиву, передавая мнѣ объ этомъ дѣлѣ, добавляли, что не будь Хивинцы такъ голодны, или будь вмѣсто нихъ другой азіатскій народъ, напр., Афганцы или Текинцы — малѣнькій отрядъ погибъ бы весь до послѣдняго человѣка, или всѣхъ увели бы въ Хиву живьемъ: оказалось, что во время перваго нападенія, ружья заряжены были только у однихъ казаковъ, а въ пѣхотѣ они не только не были заряжены, но лежали затюченны (т. е. уложенны) въ сани, да еще спрятанны въ чахлы.

Когда Хивинцы покончили съѣдой, то почувствовали себя гораздо бодрѣе и воинственнѣе: они съѣли на коней, сбились въ одну большую партію и съ криками «алла!» бросились на отрядъ, рассчитывая, очевидно, растоптать его своею массою... Но вышло иначе: Хивинцевъ подпустили на ружейный выстрѣлъ и дали по нимъ одинъ залпъ, потомъ другой... Ружья клались на тюки, стрѣляли почти навѣрняка, въ громадную плотную массу, въ двѣ почти тысячи коней и всадниковъ; знали, наконецъ, что отъ удачи выстрѣловъ зависитъ жизнь и смерть атакованной горсти людей... Изъ счастья, буранъ въ это время сталъ стихать и не мѣшалъ цѣлиться...

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то увидѣли, что на снѣгу лежатъ нѣсколько Хивинцевъ и барахтаются раненыя лошади, а всѣ уцѣлѣвшіе всадники мчатся назадъ, на бугоръ... Тамъ они остановились и начали о чемъ-то толковать между собою; при этомъ такъ громко спорили и кричали, что въ нашемъ отрядѣ хорошо слышнѣе бытъ ихъ крикъ... Наконецъ, крики стихли, Хивинцы раздѣлились на двѣ части и стали обсаживать отрядъ съ двухъ сторонъ, рассчитывая, что наши солдаты, разбившіеся пополамъ, не въ силахъ будутъ противостоять двумъ коннымъ отрядамъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, атакующимъ одновременно... Но и тутъ Хивинцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: каре защищалось со всѣхъ четырехъ сторонъ, а солдаты и казаки стрѣляли очень ловко и мѣтко, укладывая ружья, по прежнему, на тюки и на куди съ продовольствіемъ... Эта третья атака была столь же неудачна, Хивинцы поплатились за свою дерзость еще болѣе: на снѣгу лежало ихъ около тридцати человѣкъ, и еще болѣе было убитыхъ и раненыхъ лошадей; а многія лошади, очевидно, раненыя же, посидѣли по стени одинъ, безъ всадниковъ...

Вновь вся эта туча безпорядочной конницы взыхла на возвышенность, вновь поднялся страшнѣйшій крикъ и шумъ... Наконецъ, Хивинцы приниши должно быть къ такому выводу: всѣ ихъ атаки не удались потому, что онѣ были конныя, что лошади пугаются

выстрѣловъ и страннаго барабанщика; а если, напротивъ, атака будетъ пѣшай, то она удастся павѣрняка, такъ какъ численность атакующихъ почти въ десять разъ болѣе нашего отряда. Для этой цѣли половина отряда спѣшилась и отдала своихъ коней другой половине всадниковъ; а чтобы защитить себя отъ мѣткихихъ русскихъ пуль, спѣшленные Хивинцы тихо погнались передъ собой только что отбитыхъ у насъ верблюдовъ, а за ними подвигались и сами. Изъ оставшагося же коннаго отряда, выдѣлилась партія чело-вѣкъ въ двѣсти, съ пиками въ рукахъ, разсчитывая нагонять и прикалывать разбитаго и затѣмъ бѣгущаго непріятеля—т. е. нагихъ солдатиковъ...

Эту атакующую колонну отрядъ рискнулъ подпустить къ каре, какъ пѣшую, ближе, чѣмъ предыдущія двѣ атаки, и когда Хивинцы были не болѣе какъ въ двухъ-стахъ шагахъ, по нимъ открытъ былъ убійственный батальный огонь всѣмъ отрядомъ, такъ что стрѣлили даже и офицеры... Въ отрядѣ, ободрившемся вельдствие только-что отбитыхъ двухъ атакъ, явилась уже крѣпкая увѣренность въ своей силѣ и такая смѣлость, что на счетъ нападавшихъ Туркменъ сыпались, со стороны солдатъ, шутки и остроты...

Когда батальный огонь не много перервался вельдствие заряженія ружей, то глазамъ атакованнымъ представилась такая картина: шутку двадцать верблюдовъ лежали въ сѣнѣ у убитыми или издыхающими, а остальные, будучи ранены, разбѣжались во всѣ

стороны... Положеніе Хивинцевъ на этотъ разъ явилось несравненно худшимъ, чѣмъ въ первая атаки: они очутились къ отряду гораздо ближе и, вдобавокъ, пѣшіе... Раздался залпъ, и Хивинцы дрогнули и побѣжали... а такъ какъ бѣжали они плотною, тысячною толпою, въ беспорядочно-смянутомъ строѣ, то посылаемая ими въ догонку пули производили порядочное опустошеніе... Съ громкими воплями понеслась, наконецъ, эта куча людей, насколько можно было быстро, стараясь убѣжать изъ-подъ выстрѣловъ и укрыться за пригорокъ...

А въ русскомъ маленькомъ отрядѣ, въ это время, поручикъ Ерофеевъ командовалъ: «на молитву!» Всѣ обнажили головы и принесли горячее благодареніе Богу за избавленіе отъ лютой смерти...

Время подходило къ вечеру, и вскорѣ наступили сумерки. Хивинцы совсѣмъ скрылись за возвышенностью, и не было видно ни одного изъ нихъ. Тогда часть отряда осталась на флангахъ каре, для наблюденія за непріятелемъ, а остальные принялись за варку пищи. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло. Внутри каре ярко пылали костры, а у огней расположились солдаты и казаки; всѣ хлопотали о горячемъ ужинѣ, шелъ громкій и веселый говоръ о только-что прекратившемся боѣ... Вдругъ, со стороны непріятеля раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... И только одинъ не попалъ въ цѣль: остальными тремя выстрѣлами былъ убитъ одинъ казакъ на повалѣ, а

двое тяжело ранены... Поручикъ Ерофеевъ, прежде всего, приказалъ затупить всѣ огни, что и было немедленно исполнено: костры живо закидали снѣгомъ... Затѣмъ стали обдумывать и соображать — откуда могли быть эти выстрѣлы?.. Ночь была хотя не свѣтлая, но безъ тучъ и звѣздная; стали всматриваться въ окружающую мѣстность, и вотъ, въ полутьмѣ, зоркій глазъ одного казачьяго урядника замѣтилъ, шагахъ не болѣе во ста отъ каре, что снѣгъ въ одномъ мѣстѣ былъ взрытъ кругомъ и что изъ него устроено было нѣчто въ родѣ бруствера, за которымъ, несомнѣнно, и скрывались Хивинцы, стрѣлявшіе на огни въ людей, хорошо освѣщаемыхъ кострами; отъ того-то и выстрѣлы ихъ были такъ удачны. Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ охотниковъ, желающихъ выйти Хивинцевъ изъ ихъ засады; сейчасъ же явилось десять человѣкъ солдатъ и одинъ унт.-офицеръ, которые, моментально, и бросились на заваль, такъ что Туркменскіе стрѣлки, ничего подобнаго не ожидавшіе, обмерли отъ изумленія и страха, когда наши молодцы, съ крикомъ «ура», вскочили на ихъ импровизованный снѣжный брустверь... Нѣсколько Хивинцевъ бросились на утекъ, трехъ солдаты тутъ же закололи, а четвертаго захватили живьемъ и привели въ отрядъ; поручикъ Ерофеевъ хотѣлъ оставить его «для языка», т. е. допросить обо всемъ, что ему могло быть извѣстно; но подбѣжавшіе казаки, товарищи убитаго ихъ станичника, такъ разсвирѣпѣли,

хива.

что тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, приняли плынаго Туркмена въ пашки и въ нѣсколько секундъ изрубили его...

Наступившая, затѣмъ, ночь прошла для отряда въ крайне тревожномъ состояніи, такъ что никто не могъ сомкнуть глазъ: всѣ, ежеминутно, ожидали нападенія, зная, что азіаты любятъ дѣлать атаки ночью, когда, въ потьмахъ, не можетъ быть правильной по нимъ стрѣльбы. Вздохнули свободно лишь тогда, какъ стало разсвѣтать; тогда увидѣли, что Хивинцы сѣли на коней, постояли немного въ виду отряда и, затѣмъ, спустились съ возвышенности и скрылись за нею вовсе; они не рѣшились даже подобрать троихъ своихъ товарищей, заколотыхъ съ вечера, на слѣговомъ завалѣ, а также и тѣхъ убитыхъ, которые пали во время атакъ. Въ недоумѣніи, отрядъ простоялъ такъ, ничего не предпринимая, часа два... Накопецъ, приказано было всѣмъ казакамъ сѣсть на коней и вѣхаться на пригорокъ, чтобы посмотреть, по какому направленію поѣхали Хивинцы? не на Эмбу-ли?.. Оказалось, что они пошли обходнымъ движеніемъ, на Хиву... Болѣе этотъ конный отрядъ Туркменъ-Юмудъ не имѣлъ уже нигдѣ и никакихъ стычекъ съ нашими войсками, и всѣ ихъ дѣйствія, слѣдовательно, ограничились лишь неудачной атакой Чушка-Кульскаго укрѣпленія и столь же неудачнымъ нападеніемъ на отрядъ поручика Ерофеева. О послѣдующей судьбѣ этого Хивинскаго воинства было ска-

зано выше: третья лишь часть ихъ вернулась на родину; остальные погибли отъ голода и морозовъ... Нашего плѣннаго солдата эти зѣбри, какъ оказалось при осмотрѣ оставленной ими стоянки, сожгли, на медленномъ огнѣ, живого... Всего отрядъ нашъ потерялъ убитыми 5 человекъ и ранеными 13.

Отрядъ поручика Ерофеева пошелъ въ тотъ же день дальше, къ цѣли своего назначенія и скоро наткнулся на разрушеннаго пополамъ и врытаго въ снѣгъ Киргиза, везшаго почти въ Чунка-Куль и выѣхавшаго изъ Эмбы всего двумя днями ранѣе, чѣмъ отрядъ Ерофеева. Это былъ подвыпъ отступившаго Хивинскаго отряда...

Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ послѣ боя двухъ охотниковъ-казаковъ на сытыхъ и быстрыхъ лошадяхъ, чтобы отправить къ генералу Перовскому на Эмбу подробное донесеніе о только что происшедшемъ славномъ для насъ дѣлѣ, а также и предупредить генерала на тотъ случай, если Хивинцы измѣнятъ направленіе и пойдутъ на Эмбу. Посланные казаки добрались до укрѣвленія благополучно и передали донесеніе. Главноначальствующій остался чрезвычайно доволенъ этимъ, по истинѣ блестящимъ дѣломъ, въ которомъ на одного Русскаго солдата приходилось десять Хивинцевъ. Онъ собственноручно наваѣнялъ смѣлымъ вѣстовщикамъ по Георгіевскому кресту; тотъ же солдатскій «Егорій» онъ далъ молодцу барабанщику и всѣмъ одиннадцати охотни-

камъ, участвовавшимъ въ ночной вылазкѣ, а унтер-офицера представилъ еще и къ чину прапорщика. Поручикъ Ерофеевъ получилъ Владимира 4-й степени съ бантомъ (тогда мечей на крестахъ еще не было) и былъ, кромѣ того, представленъ къ слѣдующему чину. Эти представленія къ чинамъ на Высочайшее имя были не болѣе какъ особою деликатностью или, скорѣе, скромностью со стороны генералъ-адъютанта Перовскаго: ему, по должности командира отдѣльнаго корпуса и по званію главноначальствующаго экспедиціоннымъ отрядомъ, были Высочайше предоставлены всѣ права и прерогативы главнокомандующаго, такъ что онъ могъ собственною властью награждать отличившихся чинами, до майора включительно. Но генералъ Перовскій въ зимній походъ 1839 г. ни разу не воспользовался этимъ правомъ жаловать чины — по той причинѣ, что отрядъ не вступилъ въ Хивинскіе предѣлы и никакихъ собственно серьезныхъ сраженій съ войсками хана Алла-Кула не было.

IX.

Выступленіе пяти Эмбы отдѣльной колонны. — Первое донесеніе о походѣ въ Петербургъ. — Трудности новаго пути на Чушка-Куль. — Начавшаяся смертность верблюдовъ. — Польская спѣсь Цюлковскаго и его новыя жестокости. — Вѣдствіи офицеровъ въ колонніи. — Дороговизна у маркиганта Зайчикова. — Какъ онъ пажилелъ и чѣмъ занимался до похода.

Спустя нѣсколько дней по выступленіи изъ Эмбы маленькаго отряда поручика Ерофеева, выступила

въ походъ и «отдѣльная колонна» подъ начальствомъ генералъ-маіора Цюлковскаго, въ составѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ и одного полка казаковъ при 4 тысячахъ верблюдовъ и нѣсколькихъ орудіяхъ. Весь остальной отрядъ съ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ остался въ Эмбенскомъ укрѣпленіи. Отсюда, проводивъ колонну и успокоившись немного духомъ, главноначальствующій поручилъ штабсъ-капитану Никифорову составить подробное донесеніе въ Петербургъ о происшедшихъ событіяхъ. Въ томъ же донесеніи излагалась и программа будущихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда. По словамъ генерала Перовскаго, посланная имъ отдѣльная колонна, дойдя до Чунка-Куля и выбравъ подъемъ на Усть-Уртъ, должна была немедленно дать знать объ этомъ въ Эмбенское укрѣпленіе, откуда, достаточно уже отдохнувъ и оправившись отъ болѣзней, выступить къ Чунка-Кулю всѣ, оставшіеся въ живыхъ, наличныя силы отряда и, соединившись тамъ съ первою колонной и находившимся тамъ гарнизономъ, двинутся однимъ общимъ отрядомъ далѣе на Хиву. Въ случаѣ же неудачи, т. е. при неудобствѣ, по случаю зимы, подъема на Усть-Уртъ, или при наличности на самомъ Усть-Уртѣ такого же глубокаго снѣга, всѣ должны были возвратиться обратно на Эмбу, провезти туть остатокъ зимы, пополнить людьми изъ Оренбурга составъ отряда, возобновить всѣ продовольственные запасы, нанять новыхъ верблюдовъ и,

раннею весною, идти все-таки въ Хиву. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ...

Выступленіе отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія совершилось въ болыномъ безпорядкѣ или, вѣрнѣе, въ томъ «порядкѣ», какой существовалъ въ первой колоніи генералъ-маіора Цюлковскаго во все время отъ Оренбурга до Эмбы. Люди, измученные съ вечера разными приготовленіями и походами сборами, не успѣли, какъ слѣдуетъ, выспаться; подняли ихъ ночью въ 2 часа, а въ 5, т. е. въ совершенной темнотѣ, колонна выступала уже изъ укрѣпленія... Такіе ночные марши очень хороши лѣтомъ; а тутъ они дали печальные результаты. Въ первый день колонна могла пройти всего 9 верстъ: не выспавшіеся люди и верблюды, пройдя въ потьмахъ, до разсвѣта, по глубокому снѣгу болѣе двухъ часовъ, измучились преждевременно, такъ что въ 12 часовъ дня колонна не могла уже идти далѣе и должна была остановиться... Снѣгъ за Эмбою оказался еще глубже, а его ледяная кора отъ морозовъ, бывшихъ постоянно болѣе 20°, еще толще... На первомъ же переходѣ, послѣ пройденныхъ лишь 9 верстъ, пришлось оставить 10 верблюдовъ... Снѣгъ, покрытый ледяною корой, не выдерживалъ верблюдовъ, и они ежеминутно скользили или падали; а потому, для протоптанія дороги, послать былъ впередъ казачій полкъ раздѣленный на ряды; но чрезъ нѣсколько часовъ, переднія лошади стали сбивать себѣ щиколотки до крови,

и ихъ пришлось замѣнить задними лошадьми; за ними, растянувшись «нитками» же, шли верблюды, и такимъ порядкомъ подвигалась эта колонна впередъ... Вскорѣ отъ безкормицы верблюды до того обезсиѣли, что если случалось какой-нибудь изъ нихъ не попадать ногою въ лошадиную тропу, то проваливался въ сѣбѣ и тотчасъ же падать, и поднять его на ноги не было уже никакой возможности, такъ что этотъ верблюдъ бросался совсѣмъ на произволъ судьбы: идшіе въ арьергардѣ на раненыхъ лошадяхъ казаки развьючивали такого верблюда, а продовольственные запасы разбирали—какъ оны дѣлали это п во время похода до Эмбы—по своимъ саквамъ... Затѣмъ, несчастные верблюды стали падать все болѣе и болѣе, такъ что оставались на мѣстахъ ночлеговъ цѣлыми десятками... Вновь заговорили въ колоннѣ объ отравленіи верблюдовъ, по почамъ, дельщикомъ генерала Цюлковскаго Сувчинскимъ...

Это тяжкое обвиненіе порождалось всего болѣе самымъ же начальникомъ колоннѣ, т. е. тѣми неправильными отношеніями, въ которыхъ онъ поставилъ себя, на первыхъ же дняхъ похода, къ офицерамъ и солдатамъ. На первомъ же переходѣ генералъ Цюлковскій приказалъ измѣнить даже вышній порядокъ разстановки джуламеекъ: свою кибитку онъ приказалъ ставить не только выше всѣхъ прочихъ кибитокъ, но много выше бывшей кибитки Перовскаго, въ самомъ центрѣ каре, съ длиннымъ флагишникомъ,

на которомъ укрѣплялся особый значекъ съ Польскими національными цвѣтами и гербомъ. Рядомъ съ его кибиткой поставили-было походную кибитку оберъ-квартирмейстера, но Цюлковскій приказалъ поставить ее позади, а взамѣнь ея — походную кибитку-буфетъ, въ которую и приглашалъ, изрѣдка, штабъ-офицеровъ... Словомъ, польсканъ спѣсь и тутъ выступила наружу при первомъ же удобномъ случаѣ.

Затѣмъ, Цюлковскій установилъ такую систему шпіонства въ колоннѣ, что офицеры могли говорить откровенно между собою развѣ только шепотомъ... Должность оберъ-шпіона занялъ унтеръ-офицеръ изъ семейныхъ поликовъ Антоній Закадзкій, уроженецъ Виленской губерніи, называвшій себя «юнгеромъ» и вѣрившійся въ полное довѣріе офицеровъ. Этотъ Закадзкій, равно какъ и 17 челоуѣкъ другихъ поликовъ, состоявшихъ въ колоннѣ болѣею частью въ унтеръ-офицерскомъ же званіи *), были постоянными гостями генерала Цюлковскаго, обѣдали у него, ужинали, пили чай; иногда, въ видѣ особой милости, генералъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ кого-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ, или штабъ-офицеровъ, командировъ баталіоновъ, которые и попадали, такимъ образомъ, въ довольно сносообразное общество,

*) Всѣ эти господа, произведенные въ унтеръ-офицеры Цюлковскимъ, попали въ Оренбургскіе линейные баталіоны послѣ мятежа 1831 года, изъ Польскихъ войскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ состояли офицерами — и затѣмъ были разжалованы и разосланы частію на Кавказъ, частію въ Оренбургъ.

говорившее, къ тому же, исключительно на польскомъ языкѣ. Генераль Ціолковскій, боявшійся, ранѣе, злого языка прямодушнаго штабсъ-капитана Никифорова, теперь уже не стѣснялся ничѣмъ и ничѣмъ: онъ позволялъ себѣ на этихъ обѣдахъ открыто порицать дѣйствія главноначальствующаго, обвиняя генераль-адъютанта Перовскаго «въ необдуманности похода»; онъ прямо высказывалъ мысли, что генераль Перовскій не нынче-завтра долженъ-де быть уволенъ и отозванъ въ Петербургъ и что, по всей вѣроятности, онъ самъ догадается вернуться изъ Эмбенскаго укрѣпленія обратно въ Оренбургъ... что онъ, генераль Ціолковскій, въ качествѣ старшаго генерала въ отрядѣ, долженъ будетъ принять главную команду — и постарается тогда взять Хиву... При этомъ, онъ не разъ успокоивалъ обѣданныхъ съ нимъ поляковъ унтеръ-офицеровъ, что все они, за походъ, будутъ непременно произведены въ офицеры. Такъ какъ эти и многія другія рѣчи начальника колонны сильно отдавали обычною польскою болѣзненно, политическимъ хвастовствомъ, то приглашаемые штабные стали, подъ разными предлогами, уклоняться отъ званыхъ обѣдовъ въ штабной кибиткѣ; затѣмъ, пересталъ ихъ приглашать и самъ генераль Ціолковскій.

Къ солдатамъ начальникъ колонны поставилъ себя въ отношенія еще болѣе худшія: точно онъ мстилъ имъ за то, что они, нѣсколько недѣль назадъ, когда онъ былъ уволенъ отъ должности начальника 1-й ко-

лонны, открыто радовались его увольщенію. И вотъ, теперь, на остановкахъ отряда, передъ обѣденною порою, когда люди приходили измученные и обезсиленные, генераль Ціолковскій садился на лошадь (ѣхалъ онъ дорогою въ возкѣ) и спокойно начиналъ обѣздить колонны. Имя сопровождали при этомъ нѣсколько казакъ, верхами же, съ пагайками. Рѣдкій день обходился безъ того, чтобы наказано было, и притомъ жестоко, менѣ 25-ти человѣкъ, а иногда число наказанныхъ доходило до 50 человѣкъ; достаточно было малѣйшаго повода (ружье, не поставленное въ козлы, а прислоненное къ тюку, оторванная на шнурѣ пуговица, лошадь не въ путахъ, поставленная косо джугламейка, и т. под.), чтобы началось истязаніе несчастныхъ солдатъ... Казаковъ генераль наказывалъ рѣже, солдатъ изъ полковъ, т. е. простыхъ, рядовыхъ солдатъ, никогда. Оканчивались эти истязанія, обыкновенно, въ кибиткѣ-буфетѣ, гдѣ генераль, послѣ каждаго обѣда, наказывалъ своего крѣпостнаго повара, который въ послѣдствіи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, жестоко отомстилъ своему мучителю.

Офицеры этой колонны бѣдствовали такъ же сильно, какъ и во время марша до Эмбы. Большинство строевыхъ офицеровъ въ Оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ были люди очень небогатые, жившіе тѣмъ скромнымъ жалованьемъ, которое они получали. Въ

тѣ годы не было ни «столовыхъ», ни «добавочныхъ», ни «наградныхъ», а было лишь одно жалованье, получаемое по третямъ, то-есть три раза въ годъ: прапорщикъ, напр., получалъ 18 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ, капитанъ не много болѣе 35-ти... На такое-то жалованье надо было существовать въ безлюдной, сибирской пустынѣ, продовольствуясь всемъ у маркизанта и платя за все самыя невѣроятныя цѣны. Маркизантомъ отряда былъ купецъ Михаилъ Зайчиковъ *), и вотъ какія бралъ онъ съ офицеровъ деньги: фунтъ баранокъ, стоившій въ Оренбургѣ три копѣйки, Зайчиковъ продавалъ по 50 коп., четвертка Мукомы табаку, вмѣсто 15 к., продавалась по рублю; бутылка водки стоила рубль и 1 р. 50 коп. ассигнаціями, а въ городѣ она стоила тогда 35 коп. асс. или 10 к. на серебро. Когда офицеры окончательно истратились, то Зайчиковъ, съ разрѣшенія генералъ-адъютанта

*) Этого самый купецъ Зайчиковъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, былъ судимъ въ Оренбургской Уголовной Палатѣ за продажу русскихъ мужчинъ и женщинъ въ неволю въ Хиву. Дело-лось это такъ: Зайчиковъ имѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ Оренбургскаго края и нынѣшней Уральской области нѣсколько тысячъ десятинъ земли и занимался хлѣбопашествомъ. Во время жизни, приказчики Зайчикова, каждый разъ все разные, ѣздили въ Бузулукскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи и по окраинамъ Оренбургскаго уѣзда и напимали людей, давая имъ хорошія цѣны и выдавая крупно задатки; затѣмъ, людей этихъ заставляли жить хлѣбъ, укладывая на ночь спать въ отдѣльные сараи. Въ одну изъ ночей Киргизы, по заранѣе условленному плану, одружали со всѣхъ сторонъ сарай, связывали нѣжными руками и гнали ихъ порою собою, какъ скотъ, въ Хиву, для продажи... Приказчики утюха оказывались, тоже, связанными

Перовскаго, которымъ онъ заручился еще на Эмбѣ, сталъ отпускать всѣ припасы для офицеровъ въ кредитъ, и такимъ образомъ, пріобрѣлъ, за время похода, большія деньги, да еще былъ награжденъ, потомъ, золотою медалью на шею, съ надписью «за усердіе»...

Х.

Неожиданное прибытіе Перовскаго и принятіе начальства надъ колонією.—Прекращеніе жестокостей и польскихъ сходбищъ.—Окончательная гибель верблюдовъ.—Всѣобщее умианіе.—Прібытіе въ Чунка-Куль.—Празднованіе „побѣды“ у Хивинцевъ.

На восьмой день похода отдѣльной колонны, рано утромъ, арьергардные казаки увидѣли, что по дорогѣ изъ Эмбенскаго укрѣпленія, по направленію къ отряду, быстро подвигается какая-то длинная черная полоска... Одинъ изъ казаковъ поскакалъ впередъ, нагнавъ от-

но рукахъ и ногамъ, и все дѣло сваливали на хитрниковъ-Киргизовъ. По рѣшенію палаты, купецъ Зайчиковъ и его главный приказчикъ Фиантовъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ; главными обвинителями выступили противу нихъ многіе изъ плѣнныхъ, вернувшихся лѣтомъ 1840 г. изъ Хивы въ Оренбургъ. Зайковъ, Зайчиковъ, слѣдуя въ Сибирь, обмѣнялся имениемъ съ обыкновеннымъ ссыльнымъ, приговореннымъ лишь на житье въ Сибирь, на извѣстное количество лѣтъ и, отживъ этотъ срокъ, вернувшись, ною своимъ уже новымъ именемъ, Дѣвизъ, въ Оренбургъ... Советъ не давала ему покоя: онъ выстроилъ храмъ, богадѣльню и занялся вообще дѣлами благотворительности... Но это не спасло его ни отъ народной ненависти при жизни, ни отъ всеобщихъ проклятій послѣ смерти. О богатствѣ этого Зайчикова, такъ несправедливо нажитомъ, ходятъ въ Оренбургѣ и нынѣ легенды.

рядъ и доложили объ этой полоскѣ начальнику колонны генераль-маіору Ціолковскому, сладко спавшему въ это время въ своемъ дорожномъ возкѣ... Тотъ въ началѣ разсердился было, но потомъ приказалъ остановить колонну, вышелъ изъ возка и велѣлъ подать себѣ подзорную трубу. Но какъ ни старались найти на горизонтѣ и разсмотрѣть движущійся предметъ, это не удалось, такъ какъ отрядъ только что спустился передъ этимъ съ невысокой, но довольно обширной возвышенности. Въ это время изъ арьергарда прискакалъ второй казакъ съ извѣстіемъ, что черная, быстро движущаяся полоска представляетъ собою дорожный возокъ, запряженный тройкою лошадей, руськомъ... Генераль Ціолковскій не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, обратился къ стоявшему рядомъ съ нимъ командиру казачьяго полка и сталъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать... Въ это время на возвышенности появился возокъ и сталъ быстро спускаться подъ гору. Еще десять минутъ, и экипажъ вѣхалъ въ середину колонны, остановился, и изъ него вышелъ главноначальствующій отрядомъ В. А. Перовскій, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова... Сухо поздоровавшись съ Ціолковскимъ и ни о чемъ его не спрашивая, Перовскій сталъ обходить колонну и здоровался съ каждою ротой и сотней отдѣльно. Измученные люди подбодрились и весело его приветствовали. Затѣмъ, въ отрядѣ узнали, что главноначальствующій, отправивъ въ Петербургъ все нужныя до-

песенія, а въ Оренбургѣ распоряженія, выѣхалъ, всего дня дня назадъ, изъ Эмбенскаго укрѣпленія, на тройкѣхъ артиллерійскихъ лошадей, въ сопровожденіи десяти Оренбургскихъ казаковъ о дву-конь, съ небольшимъ запасомъ сѣна, овса и провизіи; по дорогѣ счастливо избѣжалъ всякихъ опасностей, а верстахъ въ 20-ти отъ колонны бросилъ свой эскортъ и уѣхалъ впередъ одинъ, желая нагнать отрядъ какъ можно скорѣе.

Со дня прибытія къ колоннѣ главноначальствующаго тотчасъ же измѣнился всѣ порядки походнаго движенія, прекратилось бесполезное жестокое обращеніе съ несчастными солдатами, кибитка генерала Цюлковскаго опустилась значительно ниже, сходбища ссыльных поляковъ въ штабномъ буфетѣ-кибиткѣ обвалились сразу... Въ тотъ же день вечеромъ, на почлегѣ, генералъ-адъютантъ Перовскій потребовалъ къ себѣ начальника колонны и около получаса говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Бесѣда ихъ осталась тайной: о ней Перовскій не сказалъ ничего даже Никифорову. Офицерамъ колонны стало лишь извѣстно, на другой день, изъ отданнаго приказа, что главноначальствующій пожелалъ самъ вступить въ командованіе колонной; да потомъ, шепотомъ, офицеры передавали другъ другу со словъ часовыхъ у кибитки главноначальствующаго, что генералъ Цюлковскій, уходя, сказалъ что-то на непонятномъ для часовыхъ языкѣ, раздраженнымъ и угрожающимъ тономъ, а начальникъ отряда отвѣтилъ ему по-русски,

въ дверяхъ самой кибитки: — Я не боюсь пашь, генералъ: я вѣдь не пью кофе...

Съ того дня между генералами Перовскимъ и Цюлковскимъ установились довольно странныя отношенія: они не встрѣчались болѣе и не говорили между собою ни одного слова до самаго конца похода и возвращенія въ Оренбургъ. Цюлковскій совѣмъ ступенкался и сталъ всячески избѣгать встрѣчи съ главнымъ начальствующимъ: такъ, напр., если Перовскій ѣхалъ впередъ отряда, то возокъ Цюлковскаго ѣхалъ сзади, и на оборотъ. Свою войлочную кибитку бывший начальникъ колонны приказывалъ ставить не въ ряду пѣшихъ кибитокъ, а въ средѣ казачьихъ; при неизбежныхъ встрѣчахъ во фронтѣ соблюдался лишь вышній декорумъ: генералъ Цюлковскій бралъ «подъ козырекъ», а главноначальствующій отивчалъ ему тѣмъ же крѣпкимъ вышнимъ привѣтствіемъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвела на генерала Перовскаго дорога отъ Эмбенскаго укрѣпленія до колонны, которую онъ только что проѣхалъ: если бы пройденный колонною путь былъ весь занесенъ, стесненными метелями, то и тогда генералу съ его маленькимъ конвоемъ не надо было бы прибѣгать ни къ проводникамъ, ни къ компасу, ни къ солнцу и звѣздамъ для опредѣленія правильнаго направленія, а стоило бы только имѣть въ виду сотни труповъ вер-

блюдовъ, павшихъ дорогою и обгладываемыхъ теперь цѣлыми стаями голодныхъ волковъ. Какъ только снѣгъ и покрывавшая его ледяная кора вполнѣ окрѣпли, несчастные верблюды остались совсѣмъ безъ корма: никакія уже силы не могли доконаться до находящейся подъ снѣгомъ травы; надо было у каждаго верблюда поставить людей съ желѣзными мотыгами и употреблять для этого тѣ ночные часы отдыха, къ которыхъ сами солдаты нуждались не менѣе верблюдовъ; а эти животныя, къ ихъ несчастію, не обладаютъ, подобно лошадямъ, способностью разрывать снѣгъ ногами. Голодъ ихъ былъ такъ великъ, что они, во время слѣдованія, стали ѣсть тѣ рогожныя попоны, которыми Киргизы укрывали ихъ отъ холода взаимѣ конемныхъ (войлочныхъ) попонъ, бывшихъ на нихъ при выходѣ изъ Оренбурга и давно изорвавшихся: какъ только задній верблюдъ замѣчалъ на переднемъ рогожу, онъ нагонялъ его и начиналъ рвать зубами и ѣсть рогожу вмѣсто сѣна. На ночь, по приказанію уже назначнаго колоннѣ генерала Перовскаго, верблюдовъ стали класть рядами, плотно одинъ къ другому, чтобы имъ было тепло лежать, и разстилали предъ ними циновки съ насыпаннымъ овсомъ; но они лишь попяхаютъ и не станутъ ѣсть; пробовали втыпать имъ овесъ въ ротъ насильно, но они тотчасъ же его выплевывали, не проглотить ни одного зерна и гораздо охотнѣе тербели и жевали циновки, бесполезно разсыпая овесъ по снѣгу. Тогда, чтобы

спасти хотя десятую часть бывшихъ при колоніяхъ верблюдовъ, прибѣгли къ послѣднему средству: генераль Перовскій приказалъ мѣсить изъ ржаной муки колобки и класть ихъ верблюдамъ въ ротъ. Но это не помогло: колобки замѣнивались на холодной водѣ, а верблюдъ не можетъ ѣсть ничего холоднаго; а чтобы нагрѣвать воду для этого мѣсенна, нужно было топливо, котораго едва-едва хватало для варки разъ въ день горячей пищи солдатамъ, да и это топливо добывалось такимъ тяжкимъ трудомъ, что немисленно было тратить его еще и для верблюдовъ.

Тогда начался повальный падежъ верблюдовъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже шедшіе въ аріергардъ казаки, лакомые вообще до даровищники, не стали пользоваться нѣкоторыми выюками съ павшихъ животныхъ, а поступали обыкновенно такъ: муку разсыпали по вѣтру, порошокъ и соль топили въ снѣгъ, свинецъ бросали въ глубокіе овраги, а спиртъ по своимъ манерамъ. Самые главныя трудности и бѣдствія испытала колонна, встрѣтивъ на своемъ пути двѣ большія горы—Вакыръ (мѣдь) и Али: здѣсь оставили большую часть верблюдовъ, и лишь казачьи лошади и солдатскія руки втащили на эти горы артиллерію. Всего изъ четырехъ тысячъ верблюдовъ, взятыхъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія отдѣльной колонною, пало дорогою около двухъ тысячъ головъ, то-есть половина.

Выѣстъ съ верблюдами стали, наконецъ, гибнуть

и солдаты — отъ страшиныхъ, все еще продолжавшихся морозовъ, а главное, вслѣдствіе отсутствія теплаго жилья: ежедневно, цѣлыми десятками, людей отправляли въ походные лазареты, откуда они возвращались очень рѣдко. Болѣзни были различныя: преимущественно цынга, скорбутъ, дизентерія и общій упадокъ силъ. Въ колоніи пастушило всеобщее уныніе. Главнѣйшимъ начальствующій увидѣлъ, что возникли, наконецъ, непреодолимые никакими человѣческими силами препятствія... Онъ фхалъ въ своемъ возкѣ мрачный и больной и совсѣмъ пересталъ показываться людямъ...

Но все имѣетъ свой конецъ. На пятнадцатый день по выступленіи изъ Эмбы, въ одинъ изъ морозныхъ солнечныхъ дней, вдали показалась едѣланная изъ глины и занесенная снѣгомъ стѣна, а за нею какіе-то снѣжные бугры и холмики; — это и былъ Агъ-Булакъ или Чунка-Кульское укрѣпленіе, котораго достигла, уменьшившись болѣе чѣмъ на половину, несчастная «отдѣльная колонна».

Этою главою заканчивается мое повѣствованіе о скорбиномъ пути, проѣденіомъ горетью Русскихъ войскъ отъ Оренбурга до Чунка-Кульскаго укрѣпленія — на разстояніи 670 верстъ. Путь этотъ, со всеми его лишеніями и бѣдствіями, пройденъ былъ, по истинѣ, съ тѣмъ героизмомъ, которому позавидовали бы закаленные въ походахъ воины Але-

ксандра Македонскаго и столь же достославные легионы Юлія Цезаря. Еще не суждено было русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы, и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградой на пути нашего отряда...

Когда изъ двухъ-тысячнаго рекогносцировочнаго отряда отборныхъ Туркменъ-Томудовъ, высланныхъ противу нашихъ войскъ хивинскимъ ханомъ Алла-Куломъ, двѣ трети погибли отъ морозовъ и голода и въ Хиву вернулись лишь 700 человекъ и принесли извѣстіе о таковой же гибели, постигшей и русскій экспедиціонный отрядъ, то печаль хивинцевъ о погибшихъ батыряхъ была, по рассказамъ Сергѣй-Аги и нашихъ плѣнныхъ, очень небольшая. За то радость ихъ была неописанная: нѣсколько дней подрядъ шло у нихъ празднованіе «побѣды» и, въ концѣ, совершено было великое поклоненіе праху ихъ святого Подвалъ-Аты, похороненнаго подъ громаднымъ камнемъ, въ одной изъ мечетей Хивы. По ихъ понятію, этотъ святой испослалъ такой великій снѣгъ и такіе морозы, которые не допустили русскихъ до Хивы *).

*) У Хивинцевъ существуетъ преданіе, что Хива будетъ затоплена водою, а Вухара занесена пескомъ; „Урусъ“ же никогда ихъ не возьмешь. После 1873 года въ преданіе это вѣроятно, утратилось вѣра.

XI.

Что случилось съ ротой поручика Ерофеева.—Усиленіе въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи дизентеріи, цыпги и скорбута.—Общій упадокъ духа.—Исслѣдованіе подъема на Усть-Уртъ.—Приказъ объ обратномъ выступленіи.—Зимній оазисъ.—Озеро съ камышею.—Дороговизна топлива.—Тайна молодыхъ топографовъ.—Что влечетъ чай.—Врожденный киргизамъ бульонъ.—Скрытіе Чушка-Кульскаго укрѣпленія и взрывъ землянокъ.—Фейерверкъ.—Обратный походъ до Эмби.—Выпосланность Уральскихъ казаковъ.—Страшный буралъ, застигшій колонну.

Прибывшая колонна не имѣла самаго главнаго—теплаго жилья, и солдатамъ довелось жить въ войлочныхъ джуламейкахъ, такъ какъ землянки въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказались далеко не такъ удобны, какъ на Эмбѣ, гдѣ солдаты два раза въ день могли въ нихъ обогрѣваться: онѣ были и тѣсны, и темны; въ тому жъ, въ нихъ лежала масса солдатъ, больныхъ скорбутомъ... Оказалось, что поручикъ Ерофеевъ никакъ не могъ увезти больныхъ, согласно приказанію, изъ Чушка-Куля въ Эмбенское укрѣпленіе именно потому, что у него тоже не было корма для верблюдовъ, и всѣ больные непремѣнно померзли бы дорогою въ саняхъ, такъ какъ некому было бы везти эти сани. Запасъ же сѣна въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказался самый ничтожный. Крайне нездоровая вода, бывшая въ укрѣпленіи, поспособствовала тому, что когда пришла въ Чушка-Куль отдѣльная колонна, то въ ротѣ Ерофеева четвертая часть солдатъ была уже больна дизентеріей, цынгою и тѣмъ же скорбутомъ; а люди гарнизона, заболѣв-

шіе ранѣ, лежали со сведенными ногами, и лишь немногіе изъ нихъ могли кое-какъ ползать по земляному холодному полу полутемныхъ землянокъ, замѣнявшихъ теперь лазаретныя палаты... Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа... Покойниковъ хоронили ежедневно; между ними приходилось уже хоронить и офицеровъ... Голодные степные волки окружали по ночамъ укрѣпленіе цѣлыми стаями, поднимали ужаснѣйшій вой, раскапывали могилы и съѣдали похороненныхъ людей... Въ отрядѣ днемъ и ночью стали происходить частыя пропажи; похищалось исключительно то, что могло горѣть: плохо лежавшая веревка, деревянная лопата, служившая для отгребанія снѣга и забытая у джудамейки и проч.—все это тотчасъ же исчезало...

Такъ прошло восемь дней. У генерала Перовскаго къ нравственнымъ и душевнымъ страданіямъ присоединилась еще и физическая: у него открылась старая турецкая рана въ груди, и начались кромѣ того невыносимыя легочныя спазмы, послѣдствія удара, нанесеннаго ему, какъ говорили въ отрядѣ, огромнымъ полѣномъ по спинѣ, на Сенатской площади, 14 Декабря 1825 г.

Въ концѣ восьмого дня вернулся въ укрѣпленіе посланный генераломъ Перовскимъ, тотчасъ же по приходѣ въ Чушка-Куль, маленькій рекогносцировочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Гн-

зянова *), для обследованія и выбора подъема на Усть-Уртъ, въ количествѣ 150-ти казаковъ, съ однимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ при офицерѣ генеральнаго штаба Рейхенбергѣ, одномъ казачьемъ офицерѣ и двухъ топографахъ. Подъемъ на Усть-Уртъ былъ найденъ лишь въ одномъ мѣстѣ, по ущелью оврага Кынтъ-Каусъ; все остальное были отвѣсныя скалы, составлявшія когда-то, въ доисторическія времена, возвышенный берегъ моря. Сидѣть на возвышенной плоскости Усть-Урта оказался на полъ-аршина глубже, чѣмъ на пройденномъ пути. Получивъ это рѣшающее извѣстіе, главноначальствующій пригласилъ въ свою кибитку генерала Цюлковскаго и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, бывшихъ въ колоннѣ, объявилъ имъ о положеніи дѣла и приказалъ немедленно начать сборы къ выступленію изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія обратно на Эмбу.

— Сегодня же вечеромъ будетъ отданъ надлежащій приказъ по колоннѣ, — прибавилъ Перовскій, и когда всѣ стали выходить изъ кибитки, онъ попросилъ штабсъ-капитана Никифорова остаться.

— Сядьте и напишите приказъ объ отступленіи, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ приказалъ онъ.

*) Полковникъ Визяновъ въ-послѣдствіи былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и пазначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Никифоровъ сѣлъ къ походному столу, на которомъ горѣли двѣ восковыя свѣчи, и паскоро написалъ слѣдующій «Приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи»:

Февраль 1-го дня 1840 года.

«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолевая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокою зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, *люди свежи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны (?)*. Одно только намъ измѣнилось: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказать отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ

перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ уязяетъ обо всемъ».

— Дайте перо я подпишу,—попросилъ генералъ Перовскій, когда Никифоровъ прочелъ ему этотъ приказъ.

— Но вѣдь это только черновая: позвольте, ваше высокопревосходительство, я прикажу сейчасъ же перенести бумагу на-бѣло...

— Ахъ, не мучьте меня ради Бога! Дайте перо поскорѣе! Неужели вы хотите, чтобы я еще разъ читалъ этотъ горькій и непріятный для меня приказъ?!.. — раздраженно проговорилъ главноначальствующій и, взявъ перо изъ рукъ Никифорова, быстро подписалъ бумагу...

«Такъ сей приказъ и былъ приложенъ къ дѣлу экспедиціи по перебѣланнымъ», говорится въ Запискахъ Г. Н. Зеленина...

Утромъ на другой день, 2 Февраля, во всѣхъ отдѣльных частяхъ колонны былъ прочитанъ отданный генералъ-адъютантомъ Перовскимъ приказъ объ обратномъ выступленіи отряда на Эмбу... Приказъ этотъ произвелъ большое оживленіе въ колоннѣ: словно она получила разрѣшеніе выступить изъ зачумленнаго города...

Солдаты живо принялись разметывать глиняную стѣну и довольно солидный брустверъ, сдѣланный

изъ льда и снѣгу вокругъ всего укрѣпленія; затѣмъ, тщательно вынимали весь лѣсъ изъ землянокъ—рамы, дворные косяки, подпорныя и пр., словомъ самый ничтожный кусочекъ дерева былъ бережно вынутъ и отложенъ для топлива во время предстоящаго обратнаго похода... Затѣмъ разсчитали, что можно взять съ собою на 2 т. уцѣлѣвшихъ еще верблюдовъ и что слѣдуетъ уничтожить. Болѣе 1,500 четв. ржаной муки и сухарей, т. е. 6-пудѣльное продовольствіе всего отряда, было разсыпано по снѣгу и развѣяно по вѣтру; все излишнее желѣзо побросали въ Чушка-Кульское озеро. Бывшій въ плиткахъ бульонъ, болѣе 250 пудовъ, былъ частію розданъ людямъ на руки, а остальное рѣшили взять съ собою, наложить на верблюдовъ; но киргизы, при павьючкѣ и во время пути, бросали потихоньку бульонъ въ снѣгъ, такъ какъ они считали плитки эти ни къ чему негодными кирпичами, напрасно лишь отягчающими ихъ верблюдовъ, и когда впослѣдствіи хватились этого бульона, не нашли въ обозѣ и стали требовать его отъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ, то наивные сыны степей спокойно объявили, что они по прибытіи въ Оренбургъ, взаменъ этихъ маленькихъ кирпичей, обязуются доставить русскимъ войскамъ большіе, еще болѣе тяжелые, «настоящіе» глиняные кирпичи...

Вечеромъ 3 Февраля, наканунѣ выступленія, жгли всѣ сигнальныя ракеты и фальшфейеры; огонь и трескъ

отогнали далеко отъ укрѣпленія волкомъ, сбравшихся цѣлыми стаями каждый вечеръ вблизи Чушка-Куля. Киргизы видѣли такой фейерверкъ въ первый разъ, и онъ имъ очень понравился. Передъ самымъ разсвѣтомъ колонна выступила въ обратный походъ, раздѣлившись, для удобства движенія въ пути, на четыре отдѣленія и устроивъ мины въ оставляемыхъ землянкахъ; когда вся колонна отошла отъ Чушка-Куля съ версту, зажженные фитили въ минахъ догорѣли, и начались взрывы... Киргизы въ сусвѣрномъ ужасѣ попадали на землю и долго тряслись какъ въ лихорадкѣ...

Въ день выступления было 28° стужи, наканунѣ 30°, въ два послѣдующіе дня, т. е. 5 и 6 Февраля, было 27° при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Обратный походъ изъ Чушка-Кульского укрѣпленія былъ рядомъ непрерывныхъ страданій и тяжкихъ бѣдствій для отступающей колонны, таинной съ каждымъ днемъ какъ воскъ на огнѣ... Несмотря на наступившій уже Февраль, морозы продолжали держаться все время отъ 26 до 29° по Реомюру, при сильныхъ вѣтрахъ и частыхъ буранахъ. На ночлегахъ колонна останавливалась иногда безъ всякаго порядка; какъ только слѣдовалъ сигналъ «стой,» то солдаты раскидывали свои джуламейки тамъ, гдѣ кого засталъ этотъ сигналъ... Единственными людьми, не

боявшимися морозовъ, были уральцы, выносливость конхъ была изумительна. Вотъ одинъ случай, происшедшій въ колоннѣ во время обратнаго похода на Эмбу. Денщикъ генерала Цюлковскаго Евтихій Сувчинскій повелѣлъ, однажды, контъ лошадей своего барина на озеро, понависея на пути почлега; прорубая ледъ желѣзнымъ ломомъ, онъ нечаянно уронилъ его въ воду; зная, что за эту оплошность придется заплатить спиною, Сувчинскій обратился къ Уральскимъ казакамъ, съ просьбою помочь его горю, вытащить какъ-нибудь ломъ изъ воды...

— Почему не достать! — отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ: — достать можно; но только купи, братъ, полштофъ водки...

За этимъ конечно дѣло не стало: денщикъ сбѣгалъ къ маркитанту Зайчикову, купилъ водку и принесъ къ проруби. Казакъ преспокойно раздѣлся, его обвязали веревкой, онъ спустился въ воду, нащупалъ ломъ, взялъ его въ руки и выпрыгнулъ на поверхность воды, въ проруби... Морозу въ это время было 21 градусъ. Казакъ накиннулъ на себя тулунъ и надѣлъ валенки, выпилъ съ небольшою передышкой весь полштофъ, схватилъ платъ и побѣжалъ въ свою джуламейку; тамъ уже онъ одѣлся какъ слѣдуетъ. Потомъ казакъ этотъ говорилъ пѣхотнымъ офицерамъ, видѣвшимъ всю эту исторію, что они, казаки, во время багренія рыбы на Уралѣ, часто упускаютъ въ воду свои пѣшши и достаютъ ихъ такимъ именно про-

стымъ способомъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ.

На упомянутое озеро отрядъ попалъ чисто случайно, уклонившись, во время бывшего наканунѣ бурана, съ стараго пути въ сторону. Озеро это было для колонны истиннымъ оазисомъ. Во-первыхъ, не надо было оттаивать снѣгъ для воды, для питья лошадямъ и верблюдамъ; а во-вторыхъ, по краямъ озера оказалась такая масса камыша, что всѣ повеселѣли, развели огни, сварили себѣ горячую пищу и совершенно отогрѣлись. Уходя съ ночлега, всѣ очень жалѣли, что за слабостію немногихъ, оставшихся въ живыхъ верблюдовъ, нельзя было захватить этого топлива съ собою въ запасъ... И дѣйствительно, до Эмбенскаго укрѣпленія въ колоннѣ никто почти не разводилъ огня ни для варки пищи, ни для того даже, чтобы немного отогрѣть закончившіе члены и согрѣть хотя одинъ чайникъ воды... Исключенія были очень рѣдки: если кому-нибудь изъ штабныхъ или имѣющихъ болѣе средствъ офицеровъ удавалось, съ помощію добычливыхъ уральцевъ, получить нѣсколько фунтовъ топлива, въ видѣ, напр., старой веревки, куска дерева или обломка доски и т. под., за все это платилось если не на вѣсъ золота, то почти на вѣсъ серебра.

Только въ одной джудамейкѣ молодыхъ топографовъ многіе замѣчали, что нѣсколько вечеровъ подрядъ горитъ тамъ соблазнительный огонекъ... Всѣ

удивлялись, откуда это у топографовъ завелось большіи деньги на покупку топлива, и охотно пользовались радушиемъ приглашеніемъ молодыхъ людей выпить у нихъ стаканъ чаю... Тайна эта осталась иъ то время не раскрытою, и лишь спустя 51 годъ, одинъ сѣдой, какъ лушь, 75-ти-лѣтній старикъ, отставной подполковникъ, добродушно улыбаясь, передавалъ мнѣ, что они жгли въ то время футляры и лубочные короба отъ нмѣвшихся у нихъ различныхъ инструментовъ, астролябій, мензулъ, цѣпей и пр., а самые инструменты преспокойно укладывали въ холщевые мѣшки, которые были надѣты сверхъ этихъ футляровъ и коробовъ, избавляя такимъ образомъ себя отъ замерзанія, а верблюдовъ отъ лишней ноши.

Отъ замерзанія ни, по крайней мѣрѣ, отъ болѣзни, происходящей вслѣдствіе продолжительнаго озиманія тѣла, не спасали офицеровъ ни водка, ни спиртъ, ни ромъ, ни коньякъ; единственнымъ спасеніемъ былъ горячій чай. Пища у офицеровъ была немногимъ лучше, чѣмъ у солдатъ: запасы маркизанта Зайчикова были давно уже на исходѣ и продавались по баснословно дорогимъ цѣнамъ; никакихъ своихъ продовольственныхъ запасовъ у офицеровъ уже не было, и приходилось поэтому довольствоваться тѣми же сухарями, размоченными иъ снѣговой водѣ... Оттого-то всѣ и старались добыть хоть немножко топлива, чтобы имѣть возможность вскипя-

титъ чайникъ съ водой и напиться чаю. «Это неоцѣненный напитокъ зимою», говорится въ одномъ частномъ письмѣ о походѣ въ Хиву; «по выпитіи двухъ стакановъ, тотчасъ разливается необыкновенная теплота по всему тѣлу, человѣкъ дѣлается свѣжѣе и бодрѣе, а усталость совершенно пропадаетъ»... По словамъ боевыхъ, заслуженныхъ офицеровъ, проводившихъ все свои 35 лѣтъ службы въ степи, чай даже лѣтомъ, въ самый страшный жаръ, въ 2 и 3 часа дня, производитъ необыкновенно цѣлебное дѣйствіе: сначала появляется сильный потъ, а потомъ, когда тѣло обсохнетъ немного, то становится чрезвычайно легко, утомленіе проходитъ и человѣкъ дѣлается крѣпкимъ и свѣжимъ.

9-го февраля колонну застигнулъ въ пути необыкновенно жестокій, степной бурянь... Въ этотъ день, когда отрядъ выступалъ съ почлега, было прекрасное, тихое утро съ небольшимъ, всего въ 4°, морозомъ; полагали, что днемъ, когда взойдетъ и начнетъ грѣть солнце, морозъ совсѣмъ исчезнетъ, или дойдетъ до нуля; а потому, кто изъ офицеровъ имѣлъ тулупы, снялъ ихъ и велѣлъ убрать на верблюдовъ, валенки съ ногъ тоже все сняли, такъ какъ въ нихъ было очень тяжело идти по снѣгу. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ начался вѣтеръ, перемедлившій вѣкоръ въ такой порывистый, что буквально свали-

вали пѣшихъ людей въ снѣгъ, а лошадямъ и верблюдамъ совсѣмъ мѣшало идти. Морозъ сталъ крѣпчать и дошелъ до 27°; замела такая вьюга, что въ десяти шагахъ ничего не было видно, и въ степи, среди бѣлаго дня, стало вдругъ такъ темно, какъ въ сумерки; словомъ, начался страшный буранъ, случавшійся только въ здѣшнихъ необъятныхъ степяхъ, такъ прекрасно и вѣрно описанный въ «Капитанской Дочкѣ» Пушкина.

Генералъ-адъютантъ Перовскій приказалъ остановить колонну, и всѣ, конечно, стали на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ захватила метель, такъ какъ идти, въ темнотѣ, было некуда. Верблюдоны съ своими вьюками палили въ этомъ адскомъ, степномъ хаосѣ, очень немногіе; джудамейки довелось раскинуть съ большими, самыми мучительными усиліями; объ огнѣ нечего, конечно, было и думать... Всю ночь свирѣпствовала эта разыгравшаяся снѣговая стихія; многіе готовились къ смерти. Вдругъ, на счастье отряда, къ утру буранъ сталъ стихать... Но когда совсѣмъ разсвѣло, и надо было подняться съ ночлега, то прежде чѣмъ выступить въ походъ, довелось совершить печальный обрядъ нѣсколькихъ похоронъ разомъ... И лишь маленькіе снѣговые бугорки, образовавшіеся на мѣстѣ ночлега, могли повѣдать буйному вѣтру въ этой безлюдной степи о количествѣ жертвъ и о тѣхъ страданіяхъ, которые выпали въ эту припо-памятную ночь на долю геройской горети русскихъ воиновъ,

безмолвно и безропотно полагавшихъ животъ свой въ борьбѣ со стихійными силами...

XII.

Возвращеніе на Эмбу.—Сага-темирскій лагерь.—Официальными и дѣйствительными потери.—Дѣйствительныя неудачи.—Желѣзная патура генерала Перовскаго.—Новая услуга султана Айчувакова.—Отъѣздъ генераловъ Перовскаго и Молостини въ Оренбургъ.—Прибытіе въ Оренбургъ.—Поляки и Татары и ихъ ожиданія.—Ходатайство о новой экспедиціи въ Хиву.—Отказъ изъ Петербурга.—Выступленіе отряда съ Эмбы.—Варымы укрѣпленія.

Между 15 и 17 февраля всѣ четыре отдѣленія колонны стали подходить къ Эмбенскому укрѣпленію, пройдя, слѣдовательно, 170 верстъ отъ Чушка-Куля въ 12—14 дней. Для нихъ, по распоряженію Перовскаго, были уже заготовлены особыя лазаретныя мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ за Эмбой, по р. Сага-Темиру: для здоровыхъ людей поставлены новыя киргизскія кибитки, а для больныхъ просторныя камышвые балаганы; лишніе котлы передѣланы на печи, и пр.; нѣсколько десятковъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ были отогнаны въ камыши, росшіе по берегамъ Сага-Темира, для самопрокормленія. Изъ двухъ тысячъ этихъ несчастныхъ животныхъ, взятыхъ колонною изъ Чушка-Куля, пало, за время 12—14 дней, 1780 головъ, то-есть почти 90%о...

Тотчасъ же по прибытіи въ Эмбу колонны, генералъ-адъютантъ Перовскій отпривилъ второе официальное

донесеніе въ Петербургъ о неуспѣшномъ походѣ принятой экспедиціи въ Хиву. Въ сожалѣнію, это второе донесеніе также отступало отъ истины, какъ и приказъ, отданный въ Чушка-Култъ объ обратномъ выступленіи отдѣльной колонны: какъ тамъ говорилось, что «люди свѣжи и бодры, лошади сыты, а запасамъ обильны», въ то время какъ люди мерли какъ мухи, а «запасовъ», напримѣръ, корма для верблюдовъ, сѣна и топлива, не было вовсе, такъ и въ этомъ донесеніи скрыта была истинная цифра погибшихъ людей. Даже и послѣ, по возвращеніи уже въ Оренбургъ всего отряда, когда, повидимому, трудно уже было скрыть потери, ихъ все-таки тщательно скрывали—съ очевидною, впрочемъ, цѣлю избѣжать гнѣва и упрековъ тогдашняго оффиціального Петербурга и его военнаго министерства, съ несамнатиичнымъ и крайне пристрастнымъ военнымъ министромъ, гр. Чернышковымъ во главѣ. Такъ, объ умершихъ за послѣдніе три мѣсяца, т. е. со времени выступленія отряда изъ Оренбурга, показано было, что офицеровъ умерло 3, нижнихъ же чиновъ 758; а изъ Оренбурга, по возвращеніи всего отряда, донесено было, что умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ же чиновъ 1054, да еще по прибытіи уже въ Оренбургъ, «исключительно цыганотныхъ, умерло 609 человекъ». Слѣдовательно выходило, что умерло всего 5 офицеровъ и 1663 человека солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе

трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ изъ пяти-тысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

На Эмбу генераль-адъютантъ Перовскій прибылъ нѣсколькими днями ранѣе колонны, уѣхавъ впередъ послѣ бурана 10 февраля. Онъ пріѣхалъ едва живой: открывшаяся еще въ Чумка-Кулъ рана въ груди мучила его странно; ему нуженъ былъ безусловный покой, а онъ, какъ извѣстно, ѣхалъ за отрядомъ, хотя и въ возгѣ, но въ тѣ же двадцати и тридцати-градусные морозы. Плохою и изрытою дорогою его странно было и качало; онъ даже не имѣлъ, во время послѣднихъ дней на пути къ Эмбѣ, ни теплой пищи, ни горячаго чая.

По прибытіи на Эмбу, генераль узналъ двѣ печальныя вѣсти. Первая состояла въ томъ, что десять парусныхъ судовъ, отправленныхъ въ октябрѣ 1839 года, изъ Астрахани на Ново-Александровскъ и далѣе съ различными запасами и продовольствіемъ для отряда, не могли, за противными вѣтрами, дойти до этого форта и вернулись обратно въ Астрахань. Слѣдовательно, на помощь съ этой стороны рассчитывать было нечего. Вторая печальная вѣсть, ожидавшая главноначальствующаго въ Эмбѣ, заключалась въ томъ, что нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, высланныхъ по его требованію изъ Оренбурга сюда, на Эмбу, были отхвачены въ степи Кайсаками; сопровождавшій же этихъ верблюдовъ корнетъ Антокъ былъ

взять и переданъ (т. е. проданъ) тѣмъ же Кайсаками въ Хиву, въ неволю.

Но все это—и рана, и болѣзнь, и эти дѣйствительно горькія вѣсти—къ счастью, не одолѣли атлетической патуры генерала Перовскаго и его желѣзнаго здоровья, и по приходѣ въ Эмбю, десять дней спустя, онъ былъ настолько уже здоровъ, что сѣлъ на коня и отправился въ Сага-Темпрекій лагерь посмотрѣть на остатки своихъ героев-солдатъ, изъ которыхъ, по его словамъ (сказаннымъ въ послѣдствіи военному министру), «каждый заслужилъ по золотому Георгію».

Въ началѣ марта, когда вернувшіеся изъ Чушка-Кули люди немного отдохнули, начались сборы и приготовленія къ обратному отступленію въ Оренбургъ. Но чтобы подняться и двинуться въ путь съ честью, т. е. не бросая артиллеріи, нужны были верблюды. Ихъ-то и не было почти въ отрядѣ. Тѣ, которые, въ слѣдствіе крайняго изнуренія, оставались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, и тѣ, что недавно пришли съ колонной, не оправившись еще, по немнѣшью подпожпаго корма; къ тому же, всѣхъ-то ихъ осталось лишь около тысячи головъ отъ 10,450 штукъ, взятыхъ отрядомъ въ Оренбургъ. Но тутъ на помощь отряду явился все тотъ же султанъ Айчуваковъ и, по просьбѣ генерала Перовскаго, доставилъ, въ концѣ марта мѣсяца, 850 свѣжихъ и крѣпкихъ

верблюдовъ, вполне пригодныхъ для пути. Изъ этого числа четыреста штукъ были опредѣлены для Перовскаго, его конвоя и штаба, а также и для всѣхъ тѣхъ больныхъ и изнуренныхъ офицеровъ, которые, по нездоровью своему, не могли оставаться долѣе въ Эмбенскомъ укрѣпленіи и нуждались въ серьезномъ и продолжительномъ лѣченіи. Весь остатокъ отряда, равно какъ и вся артиллерія, остались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны, или вообще до дальнѣйшихъ распоряженій изъ Оренбурга. Старшимъ въ оставшемся отрядѣ былъ назначенъ ген.-м. Толмачевъ, уже оправившійся отъ своей болѣзни; на Эмбѣ же были оставлены: ген.-л. Цюлковскій и полковники Визяновъ, Кузьминскій, Геке и Мансуровъ. Отрядъ, оставленный въ укрѣпленіи, считался, по прежнему, состоящимъ изъ четырехъ колоній, и начальниками ихъ были назначены вышеназванные четыре полковника; генералъ же Толмачевъ былъ, такъ сказать, общимъ начальникомъ всего отряда, замѣнявшимъ отсутствующаго Перовскаго. Цюлковскому не было дано никакого назначенія.

1-го апрѣля 1840 года, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ сопровожденіи советъ больнаго, лежащаго въ возкѣ безъ движенія, генерала Молодцова, а также и всѣхъ больныхъ офицеровъ и юнкеровъ, выступилъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія. Половина

400 верблюдовъ была запряжена по-парно и тройками въ кос-кактъ сколоченныя сани и въ возки, гдѣ размѣщались больные офицеры, юнкера и нѣсколько десятковъ старыхъ, заслуженныхъ «кандидатовъ»; на остальныхъ двухстахъ верблюдахъ были вьюки главноначальствующаго, его штаба, докторовъ, фельдшеровъ и большихъ. Двадцать человекъ, уцѣлѣвшихъ отъ дивизіона конно-регулярнаго полка, были посажены на казачьихъ лошадей и состояли въ родѣ конвоя при генералѣ Перовскомъ; въ этомъ оригинальномъ караванѣ была лишь одна рота 2-го линейнаго баталіона—въ видѣ эскорта. Уѣзжая изъ укрѣпленія и прощаясь съ людьми, генералъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, вскорѣ онъ вернется сюда съ новыми боевыми силами изъ Оренбурга—для новаго и болѣе удачнаго похода на Хиву; въ этихъ видахъ, какъ объяснилъ онъ людямъ, и остается пока въ укрѣпленіи вся артиллерія. Перовскій говорилъ это искренно: онъ надѣялся, что ему разрѣшатъ въ Петербургѣ двинуться еще разъ на Хиву.

Караванъ этотъ, сопровождаемый тѣмъ же услужливымъ султаномъ Айчуваковымъ, дошелъ, въ 12 дней, вполне благополучно, до нашей «линии» по Уралу и остановился въ ближайшей на дорогѣ крѣпостцѣ Ильинской (нынѣ простая станица), расположенной всего въ 110 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь всѣ больные были помѣщены въ теплыя казачьи избы, которыхъ никто изъ отряда не видѣлъ болѣе 5-ти

мѣсяцевъ, и оставлены подъ наблюденіемъ сопровождавшихъ ихъ врачей и фельдшеровъ. Самъ же генералъ Перовскій и весь его штабъ, равно какъ и генералъ Молоствовъ, выѣхали въ Оренбургъ на почтовыхъ лошадяхъ, уже на колесахъ, такъ какъ санный путь пронадалъ и снѣгъ лежалъ лишь въ степи да по оврагамъ. Для Перовскаго и Молостова едва нашлись въ станицѣ два дорожныхъ плетеныхъ тарантаса: въ одномъ помѣстился Молоствовъ съ докторомъ, въ другомъ Перовскій съ штабсъ-капитаномъ Никифоровымъ. Въ ночь съ 13 на 14 апрѣля эти два тарантаса вѣхали въ Оренбургъ.

Оренбургъ встрѣтилъ генералъ-адъютанта Перовскаго еще менѣе привѣтливо, чѣмъ Парпжъ, въ 1812 году, Наполеона I. Люди—«жрецы минутнаго, поклонники успѣха»—рѣшили уже, что карьера Перовскаго погублена навсегда, что дни его сочтены... что слѣдуетъ ожидать, со дни на день, отозванія его изъ Оренбурга... Съ особеннымъ, совсѣмъ уже не скрываемымъ злорадствомъ относились къ нему проживавшіе въ Оренбургѣ, въ довольно изрядномъ количествѣ, поляки, а за ними и татары: первые враждовали противъ генерала изъ-за его походныхъ отношеній къ Цюлковскому, о чемъ, конечно, давно уже знали въ Оренбургѣ изъ нисемъ поляковъ, бывшихъ въ отрядѣ; татары же, надо пола-

гать, радовались собственно тому обстоятельству, что единственная имъ Хива осталась во всей своей неприкосновенности, и гордыня ея не была и на этотъ разъ, сломлена.

На другой же день по возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ, отправлено было къ военному министру и на имя государя третье донесеніе о результатахъ «военнаго предпріятія въ Хиву». Въѣтъ съ донесеніемъ, генераль-адъютантъ Перовскій испрашивалъ высочайшаго соизволенія на новую экспедицію противу Хивы, которую предполагалъ начать съ конца мая мѣсяца. Отвѣтъ не замедлилъ себя ждать *): военный министръ гр. Чернышовъ сообщалъ Оренбургскому военному губернатору, что осуществленіе новаго похода въ Хиву не представляется возможнымъ и даже постоянно необходимымъ... Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ Перовскаго, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался письмомъ конфиденціалнаго характера, писаннымъ какъ бы по порученію того же гр. Чернышова къ Перовскому однимъ изъ лицъ, близко въ то время стоявшихъ къ военному министру (Позеномъ). Въ письмѣ этомъ заключалась, между прочимъ, слѣдующая фраза, сказанная будто бы

*) Обыкновенная почта ходила изъ Оренбурга въ Петербургъ, въ то время, три недѣли; пакеты же, отправляемые съ фольдъ-сторями и курьерами, шли восемь дней.

княземъ Меншиковымъ въ отвѣтъ одному высокопоставленному лицу, на его вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять новый походъ въ Хиву? Князь отвѣчалъ: — Для нынѣшняго царствованія довольно и одного такого неудачнаго похода *).

Получивъ отвѣтъ военнаго министра, Перовскій немедленно отправилъ приказаніе въ Эмбенское укрѣпленіе оставленному тамъ отряду прибыть въ Оренбургъ, взорвать на воздухъ стѣны и всѣ постройки въ укрѣпленіи. Вслѣдствіе этого распоряженія, генералъ-лейтенантъ Толмачевъ выступилъ изъ Эмбы, въѣхавъ отрядомъ, 18 мая, взявъ съ собою всю артиллерию и взорвавъ на воздухъ самое укрѣпленіе. Трескъ взлетѣвшихъ на воздухъ стѣнъ былъ послѣднимъ салютомъ немногимъ Русскимъ воинамъ, участвовавшимъ въ этомъ роковомъ, многострадальномъ походѣ, и теперь столь безславно отступавшимъ предъ невидимымъ непріятелемъ, который не осмѣлился даже и подойти близко къ этому героическому, маленькому отряду...

*) Князь Меншиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А. Перовскаго, вспоминая его службу въ морскомъ вѣдомствѣ, когда этотъ честнѣйшій человекъ возставалъ противу непронзительныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ.

XIII.

Что погубило экспедицію?—Во что обошлась она русской каз-
нѣ?—Результаты этой экспедиціи.—Возвращеніе нашихъ плѣн-
ныхъ.—Обѣдъ, данный имъ въ Оренбургѣ.—Посолье хивинскаго
хана Атапіастъ-Хаджи.—Освобожденіе задержанныхъ хивин-
цевъ.—Договоръ о свободной торговлѣ съ Хивой.

Что же погубило эту экспедицію, такъ во-время задуманную и даже, для интересовъ и чести Россіи, столь необходимую? Этотъ тяжелый вопросъ напри-
мывается, въ концѣ концовъ, самъ собою... И теперь, когда со времени этой несчастной экспедиціи прошло болѣе полувѣка, мы, кажется, не только можемъ, но и должны, и обязаны отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, не боясь высказать истину.

Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, не-
сомнѣнно, генеральнаго штаба полковникъ ~~Ф.~~ фонъ-
~~Цертъ~~, который далъ «совѣтъ лукавый» относительно
пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣп-
леній; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы
оказались такіе глубокіе овраги, чрезъ которые, по
нанесенному слѣгу, довелось устраивать поперечные
мосты, и только такимъ образомъ переправлять че-
резъ эти овраги артиллерию. Изъ двухъ укрѣпленій
не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: и Чунка-
Куль вода оказалась настолько пагубною для здо-
ровья людей, что, первое время, люди подозревали,
не отрылена ли она хивинцами?.. А на второмъ пути
отъ Эмбы къ Акъ-Булакъ (или Чунка-Кулю) встрѣ-

тились двѣ высокія горы, которыхъ не зналъ даже названія и о самомъ существованіи конхъ не подозревали, и лишь кирпичи султана Айчувакова объяснили господамъ «ученымъ» отряда, вооруженнымъ топографическою картою фонъ-Верга, что въ первой горѣ масса мѣди, а потому она и называется *Бакыръ*, а вторая гора названа по имени убитаго на ней батяря *Али*...

Второю причиною неудачи экспедиціи, и самою главною, была необычайно суровая зима съ сильными морозами, частыми бурями и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самые древніе старикки-киргизы. Являлась, конечно, полная возможность избѣжать и этихъ морозовъ, и всей этой необыкновенной зимы съ ея глубокимъ снѣгомъ; но для этого надо было выступить изъ Оренбурга только мѣсяцемъ раньше, какъ, напр., выступила авангардная колонна подполковника Данилевскаго, дошедшая до Эмбы, какъ мы знаемъ, «вполнѣ благополучно». Также «благополучно» колонна эта могла бы дойти и до Хивы, если бы ей не надо было сидѣть на Эмбѣ и ожидать прибытія экспедиціоннаго отряда. Но дѣло въ томъ, что авангардъ *могъ* выйти изъ Оренбурга въ половинѣ октября, а колонна *не могла*: ея сборы не были вполнѣ окончены даже и въ половинѣ ноября, когда она выступала. Такія экспедиціи готовятся, по мнѣнію знатоковъ поеннаго дѣла, годами, а не мѣсяцами.

Во главѣ экспедиціи поставленъ былъ, какъ мы видимъ, человѣкъ даровитый, закаленный въ бояхъ, образованный и очень любимый солдатами и офицерами. Но человѣкъ этотъ имѣлъ въ Петербургѣ такую массу враговъ (главнымъ образомъ, за свою безукоризненную, чисто-рыцарскую честность, выказанную имъ во все время службы, а главное, въ бытность его директоромъ канцеляріи начальника морского штаба), что ему «бросали палки въ колеса» всякій разъ, какъ только представлялся къ тому случай. В. А. Перовскій презиралъ своихъ враговъ и не боялся ихъ, но постоянно отъ нихъ терпѣлъ и мучился. А тутъ возстали противу него не только враги, но и стихіи: суровая зима, бураны, «противные вѣтры», отогнавшіе шедшую къ нему на помощь флотилію обратно къ Астрахани... Даже такіе робкіе помады, какъ Кайсаки, и тѣ осмѣлились, на этотъ разъ, сдѣлать разбойничье нападеніе на маленький отрядъ, сопровождавшій пересылаемыхъ на Эмбу, къ отряду, верблюдовъ, забрали этихъ верблюдовъ, а также и офицера съ нѣсколькими человѣками, сопровождавшими транспортъ, и все это, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, препроводили въ Хиву.

Было и еще одно обстоятельство и очень немаловажное, способствовавшее неудачѣ экспедиціи: это было традиціонное русское «авось». Въ качествѣ безпристрастнаго лѣтописца происходившихъ событій, мы должны упомянуть и объ этомъ серьезномъ фактѣ,

выплывающѣмъ на свѣтъ божій, между прочимъ, и изъ писемъ самого генерала Перовскаго. Вотъ, напр., что писалъ онъ московскому почтъ-директору Булгакову, 6 декабря 1839 года изъ Бишъ-Тамака (или Башъ-Талыка), пройдя отъ Оренбурга всего лишь 250 верстъ, т. е. немного болѣе шестой части всего пути до Хивы:

«До сихъ поръ стоятъ холода, хотя и очень сильныя но безъ вѣтру, котораго я, безъ защитнаго мѣста и безъ дровъ, особенно боюсь, потому что тогда *уже не знаю, какія принять мѣры, чтобъ избѣгнуть гибели...*»

Въ томъ же письмѣ, далѣе, генералъ Перовскій выражаетъ полное уже отчаяніе: «Лишь съ божіею помощію, пишетъ онъ, можемъ мы надѣяться, что преодолѣмъ стихіи и непріятеля; мы чувствуемъ, что если молитва наша не будетъ теперь же услышана, то *намъ придется погибнуть*».

А вотъ нѣсколько строкъ изъ письма того же генерала Перовскаго отъ 4 января 1840 года, писаннаго тому же Булгакову, съ Эмбы:

«Понтъ скотину (верблюдовъ и лошадей) даже и самихъ себя придется растаявшимъ снѣгомъ; но будетъ ли еще чѣмъ обратить его въ воду? *Вотъ тутъ-то и бѣда*: вотъ гдѣ нужна намъ будетъ помощь свыше; человекъ тутъ безсиленъ...»

Но выступая въ походъ, да еще такой, какъ хивинскій, немислимо было разсчитывать лишь на «по-

мощь свыше», и мудрая русская пословица не даромъ гласитъ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

Хивинская экспедиція обошлась, сравнительно, очень немного, если не считать погибнувшихъ солдатъ и офицеровъ: изъ ассигнованныхъ, на «военное предпріятіе противу Хивы», 1.698,000 рублей и 12 тысячъ червонныхъ (золотомъ), бережливый генералъ издержалъ лишь немного болѣе полумилліона рублей; да башкирское войско, если перевести на деньги все, что оно доставило, потратило «болѣе милліона» рублей. Это «войско», какъ извѣстно, не платило въ то время никакихъ податей и не отбывало ни военной, никакой иной повинности; а потому, привлекая его къ участію въ расходахъ на хивинскую экспедицію, Перовскій поступалъ вполне справедливо.

Но если бы даже на эту экспедицію потрачено было не полмилліона только русскихъ денегъ, но все ассигнованное два и даже дважды-два милліона, то и тогда не слѣдовало бы объ этомъ много печаловаться. Если Англія пожертвовала болѣе 44 милліонъ металлическихъ рублей на абиссинскую войну 1867—68 гг., для освобожденія нѣсколькихъ десятковъ своихъ подданныхъ, захваченныхъ абиссинцами, то нашему государству слѣдовало принести неменьшую жертву, памятуя о томъ, что въ неводѣ у хивинцевъ

гомятся не десятки русскихъ людей, а многія сотни. По счастью, почти все наши плѣнники были освобождены хивинцами, въ томъ же 1840 году; и съ этой стороны неудачный походъ въ Хиву генерала Перовскаго далъ, совершенно неожиданно, желаемые результаты. Случилось это такъ. Едва только проживавшіе въ Гератѣ англичане узнали изъ достоверныхъ источниковъ, что экспедиціонный отрядъ назначался не для изслѣдованія Аральскаго моря, а прямо для похода въ Хиву, они отправились сами въ Хиву и сумѣли склонить хана Алла-Кула на согласіе немедленно освободить русскихъ плѣнниковъ и установить съ нами правильныя торговыя сношенія, т. е. воспретить ограбленіе русскихъ купеческихъ каравановъ. Существуетъ извѣстіе, которое, по желанію англичанъ, держалось въ началѣ въ большомъ секретѣ, что за всехъ русскихъ плѣнныхъ англичане уплатили жадному Алла-Кулу своимъ собственнымъ золотомъ и даже приняли на себя все путевыя издержки на обратное возвращеніе плѣнныхъ въ Оренбургъ: такъ велико было ихъ опасеніе новаго похода русскихъ войскъ на Хиву, въ успѣхъ коего могли сомнѣваться лишь тупой и высокохвальный правитель Хивы, гордый безводными и песчаными пустынями, окружавшими его ничтожное и безсильное государство.

И вотъ, 14-го августа 1840 года, прибылъ въ Оренбургъ корнетъ Айтовъ съ двумя русскими,

бывшими плѣнниками Хивы, взятыми нѣтъ въ путь въ видѣ прислуги; а спустя нѣсколько дней, пришли въ Оренбургъ же 416 человѣкъ обоюбого пола русскихъ плѣнныхъ, томившихся долгіе годы въ Хивѣ, въ неволѣ. Ихъ сопровождалъ посланецъ хана Атаніасъ-Хаджи. При выступленіи ихъ изъ Хивы, каждому плѣннику дали на дорогу по золотому (4 рубля), по мѣшкѣ муки и на каждаго двухъ человѣкъ по одному верблюду. Эти несчастные встрѣчены были въ Оренбургѣ очень торжественно и радушно: въ ихъ присутствіи былъ отслуженъ въ соборѣ благодарственный молебенъ и затѣмъ устроенъ былъ для нихъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выстроенъ нынѣ театръ. Посмотрѣвъ на освобожденныхъ собралось полчорода, и въ это время разыгрывались тяжелыя и полныя глубокаго трагизма сцены: въ сѣдомѣ, согбенномъ старикѣ иная женщина едва узнавала своего красавца-мужа, уведеннаго въ Хиву болѣе 25-ти лѣтъ назадъ; во взросломъ парнѣ, «уже потурчинившемся», старуха-мать узнавала, по имени или по какимъ-нибудь особымъ, вышнимъ приметамъ, своего дорогого сына, схваченнаго киргизами десятилѣтнимъ мальчикомъ и проданнаго въ Хиву...

Плѣнные разсказали тогда участникамъ бывшей экспедиціи въ Хиву все подробно о спариваніи двухъ-тысячнаго коннаго отряда туркменовъ-іомудовъ, о гибели этого отряда и о той «побѣдѣ», которая праздновалась хивинцами, когда они узнали,

что русскій отряд покинул Чушка-Кульское укрѣпленіе и отступилъ на Эмбу.

Тѣ же плѣнные явились неумолимыми обвинителями и правдивыми свидѣтелями противу купца Зайчикова, бывшаго, такъ сказать, тайнымъ комиссіонеромъ по поставкѣ въ Хиву русскихъ невольниковъ. Они рассказывали, затѣмъ, что ихъ, по доставкѣ въ Хиву, всецѣски склонили принять мусульманство, и въ случаѣ успѣха, женили на хивинкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: ихъ прямо разбирали по гаремамъ. Если же замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного повыше лямки, разрѣзъ, насыпали туда мелко наръзаннаго конскаго волоса и долго, искусственнымъ образомъ, растрепывали рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто-нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажая, въ страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умираетъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Спасеніе отъ казни, въ случаѣ поимки, было лишь одно: неходъ—принять исламъ и жениться на хивинкѣ, что и дѣлали. Возвращенные плѣнные объяснили при этомъ, что всѣхъ русскихъ людей жило въ Хивѣ въ неволѣ болѣе тысячи человекъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ и поставленныхъ Зайчиковымъ; но что во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, умерло ихъ болѣе поло-

вины; что и теперь еще осталось въ Хивѣ нѣскольکو десятковъ плѣнныхъ русскихъ — частію по доброй волѣ, особенно женщинъ, по пожеланіи бросить въ Хивѣ прижитыхъ ими дѣтей, а то и по неволѣ, оставленные самими ханомъ, особенно любимые имъ, личные его слуги, которые умолили возвращавшихся плѣшниковъ похлопотать за нихъ у оренбургскаго начальства, дабы оно настояло и на ихъ возвращеніи. Велѣдствіе этого, посланному хана, Атапасау-Хаджи, было объявлено, что онъ и задержанные ранѣе хившцы будутъ лишь тогда освобождены, когда ханъ возвратитъ всѣхъ остальныхъ русскихъ плѣшниковъ, насильно удержанныхъ имъ въ Хивѣ. Надо замѣтить, что въ Оренбургѣ содержалось подъ карауломъ тоже болѣе сотни хившцевъ: ихъ забирали въ то время, когда они являлись на мѣшовой дворъ, по торговымъ дѣламъ. Мѣра эта подѣйствовала какъ нельзя лучше: въ концѣ того же 1840 года и въ Январѣ 1841 прибыли въ Оренбургъ изъ Хивы и всѣ остальные наши плѣшныя; тамъ остались лишь три бѣглыхъ солдата, нѣскольکو десятковъ потурчившихся женщинъ и около сотни калмыковъ, которые сами не пожелали вернуться на родину, такъ какъ, будучи магометанами, поженились на туркменкахъ и хившцахъ и обзавелись семьями и своимъ хозяйствомъ.

Тотчасъ же по прибытіи нашихъ послѣднихъ плѣшныхъ, были отправлены въ Хиву всѣ забранные нами

ранѣе подданные хана Алла-Кула, надѣленные на дорогу болѣе щедро, чѣмъ надѣлены были наипи. При отъѣздѣ изъ Оренбурга Атапаса-Хаджи, съ нимъ былъ заключенъ обстоятельный торговый договоръ о безирепятственномъ проходѣ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и посланецъ хана далъ обѣщаніе, отъ имени своего правителя, воспретить отнынѣ туркменамъ-іомудамъ и хивинскимъ киргизамъ грабить въ степи наипи караваны *).

Такимъ образомъ, экспедиція, предпринимавшаяся въ Хиву, дала всѣ тѣ результаты, которые отъ нея желались и ожидались, то-есть возвращеніе плѣнныхъ и свободу торговли. Вслѣдствіе такихъ мирныхъ и покорныхъ дѣйствій хивинскаго хана, былъ отмененъ въ томъ же 1840 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ сдѣланныя генераломъ Перовскимъ, предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, распоряженія о новомъ походѣ въ Хиву. Приказъ о томъ былъ очень громкій, и воспомядовалъ онъ, главнымъ образомъ, по настоянію канцлера Нессельроде, очень желавшаго успокоить англичанъ и какъ бы извиниться предъ ними, что безъ ихъ позволенія мы рѣшились было двинуться на Востокъ...

*) Къ сожалѣнію, договоръ этотъ не былъ даже оформлять хивинцами, такъ какъ ханъ отказался, въ первое посольство наше въ Хиву, въ 1841 году, подписать его. Впоследствии, въ 1842 году, поному нашему посольству, благодаря перемѣнѣ правителя въ Хивѣ, удалось-таки добиться подписанія торговаго договора, который, впрочемъ, выполнялся хивинцами недого.

Слѣдуетъ упомянуть также и о главномъ результатѣ, который дала русскимъ военнымъ людямъ неудачная экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву: она научила—*какъ снаряжать походы въ Среднюю Азію*. Горькимъ урокомъ 1839 г. воспользовался покойный К. П. Кауфманъ, не только въ системѣ и порядкѣ снаряженія самой экспедиціи и въ пути слѣдованія ея черезъ степь, но даже и во времени года: вмѣсто поздней осени, онъ двинулся въ Хиву раннею весною.

XIV.

Извѣстіе о побѣдѣ Государя за границу. — Отъѣздъ генерала Перовскаго въ Петербургъ. — Сухой пріемъ у военного министра. — Томительныя ожиданія аудиенціи у Государя — Приглашеніе прибыть въ Михайловскій дворецъ. — Сцена съ гр. Чернышовымъ. — Свиданіе съ Государемъ. — Перѣздъ въ Петергофскій дворецъ. — Представленія къ наградамъ. — Новые мысли о Хивинскомъ походѣ. — Отъѣздъ генерала Перовскаго за границу.

Когда генералъ-адъютантъ Перовскій вернулся въ Оренбургъ, то вскорѣ изъ получаемыхъ имъ петербургскихъ писемъ онъ убѣдился окончательно, что о новомъ походѣ въ Хиву нечего было и думать; что, напротивъ, слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, въ качествѣ обвиняемаго, и оправдываться. Объ этомъ, между прочимъ, писалъ ему неизмѣнно къ нему расположенный министръ двора, графъ В. Ө. Адлербергъ. Но ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ было

немыслимо: Перовскій нуждался хотя въ небольшомъ отдыхѣ, а его открывшаяся рана—въ лѣченіи; къ тому же, наступила въ Апрѣлѣ самая распутица.

Въ концѣ Апрѣля, Перовскій получилъ конфиденціальное письмо отъ московскаго почтъ-директора Вулгакова *), извѣщавшее его, что государь собирается ѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Эмсъ. Это извѣстіе было крайне непріятно для Перовскаго, который, будучи безъ вины виноватымъ, желалъ, конечно, оправдаться какъ можно скорѣе; а для этого ему необходимо были личное свиданіе съ государемъ, который (онъ зналъ и былъ увѣренъ) терпѣливо выслушаетъ его и не обвинитъ.

Въ половинѣ Мая генералъ Перовскій выѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ безостановочно и пробылъ лишь одинъ день въ Москвѣ; тѣмъ не менѣе, онъ прибылъ въ Петербургъ лишь 3-го Іюня. За два дня передъ тѣмъ возвратился изъ-за границы государь; но графъ Адлербергъ, на содѣйствіе котораго и дружбу такъ рассчитывалъ Перовскій, не вернулся вмѣстѣ съ государемъ, а остался на нѣкоторое время въ Эмсѣ, при больной императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, лѣчившейся тамъ. Такимъ обра-

*) А. И. Вулгаковъ былъ, какъ называли его, „всеобщій одолжитель“: онъ зналъ все и всѣхъ; для аристократическаго кружка Москвы онъ закрѣпляетъ илищныя газеты и телеграфныя агентства. Этихъ и объясняютъ обстоятельныя сообщенія о походѣ въ Хиву, дѣлаемыми, нарочито, Перовскимъ въ его письмахъ къ московскому почтъ-директору.

зомъ, Перовскій лишился возможности представительства предъ государемъ и испрошенія у него аудіенціи.

На другой же день своего пріѣзда въ Петербургъ, генераль-адъютантъ Перовскій, въ силу обычной военной дисциплины и установленнаго порядка, отпирался представиться военному министру гр. Чернышову, своему завѣдомому недоброжелателю и тайному врагу. Гр. Чернышовъ принялъ его очень сухо, въ общей пріемной, ни о чемъ не спрашивалъ и на заявленіе Перовскаго, что онъ, по званію генераль-адъютанта и по должности командира отдѣльнаго корпуса, желалъ бы представиться государю, небрежно отвѣчалъ:

— Я извѣщу, когда государю благоугодно будетъ насъ видѣть...

Въ той же пріемной военного министра В. А. Перовскій могъ, лишній разъ, убѣдиться въ людскомъ ничтожествѣ, навикшемъ поклоняться лишь усиѣху: нѣсколько человекъ изъ числа представлявшихся и одинъ директоръ канцеляріи министра, бывшіе давними знакомыми генерала Перовскаго, постарались его не узнать и отвернулись отъ него.

Генераль Перовскій вернулся отъ военного министра мрачный и почти больной, и для него настали самые горькіе и тяжелые въ его славной и честной жизни дни: прошла недѣля, другая, третья—отъ военного министра нѣтъ извѣстія о днѣ представле-

нія государю... Графъ В. Ө. Адлербергъ былъ все еще за границей... Въ это время никто, кромѣ близкихъ родныхъ, даже не посѣщалъ опальнаго губернатора: все сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Постояннымъ собесѣдникомъ его былъ одинъ штабъ-капитанъ Никифоровъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ генераломъ; да еще заходили, изрѣдка, люди изъ кружка Жуковского и Плетнева, да пріятеля и друзья В. И. Дала, который лежалъ въ это время больнои въ Оренбургѣ... Дѣло въ Петербургѣ стояло удушливое и пыльное, и переносить его было для генерала Перовскаго особенно тяжело; переѣхать же куда-нибудь на дачу, за городъ, генералъ не рѣшался — въ ежечасномъ ожиданіи приглашенія къ государю, который, возвратясь изъ-за границы, жилъ то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петергофѣ, и наѣзжалъ въ душный Петербургъ изрѣдка, не болѣе какъ на нѣсколько часовъ. Наконецъ, въ концѣ 4-й недѣли томительнаго ожиданія, генералъ-адъютантъ Перовскій получилъ отъ военнаго министра «приглашеніе» пожаловать на другой день въ Михайловскій манежъ, гдѣ выѣлъ быть разводъ въ присутствіи государя, которому онъ и можетъ-де представиться.

На другой день, въ девять часовъ утра, генералъ В. А. Перовскій, одѣвшись въ полную парадную форму, былъ въ Михайловскомъ манежѣ. Оказалось, что все уже было готово, и лишь ожидали, съ ми-

пути на минуту, прибытія государя и великаго князя Михаила Павловича; военный министр графъ Чернышовъ былъ тутъ же. Войдя въ манежъ и увидя, что въ сторонѣ войскъ, недалеко отъ праваго фланга, стоитъ небольшая группа генераловъ, съ членами и атташе какого-то посольства, В. А. Перовскій, обойдя ихъ, сталъ совѣщать отдѣльно, неподалеку отъ этой группы. Военный министр, раздвоенный уже тѣмъ обстоятельствомъ, что ген.-адъютантъ Перовскій не подошелъ къ нему и окружавшей его свитѣ, послалъ тотчасъ же своего адъютанта съ порученіемъ—предложить присоединиться къ общій группѣ генераловъ, имѣющихъ представиться въ этотъ день государю.

Генералъ молча выслушалъ адъютанта и стоялъ на одномъ мѣстѣ «какъ окаменѣлый» (по словамъ имѣющагося у насъ писани); затѣмъ, медленно началъ ходить взадъ и впередъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Группа генераловъ и члены посольства съ недоумѣніемъ поглядывали на представительную фигуру молодого генерала, одѣтаго въ красный мундиръ атамана казачьихъ войскъ съ генераль-адъютантскими воззелями и аксельбантами, въ высокомъ, мерлушчатомъ киверѣ съ длиннымъ султаномъ и этникетами, съ грудью, покрытою звѣздами и орденами—русскими и иностранными, съ массою разныхъ медалей, между которыми первое мѣсто занимала почетная медаль за войну 1812 г.;

а этотъ генераль, опустивъ, по привычкѣ, на грудь свою красивую курчавую голову, медленно прохаживался назадъ и впередъ на маленькомъ, намѣченномъ имъ пространствѣ манежа, усыпаннаго пескомъ.

Въ свитѣ графа Чернышова, когда вернулся адъютантъ, произошло нѣкоторое недоумѣніе и даже волненіе; затѣмъ, военный министръ послалъ второго адъютанта съ слѣдующимъ приказаніемъ:

— Передайте ген.-адъютанту Перовскому, что военный министръ покорнѣйше проситъ его не нарушать обычнаго порядка и присоединиться къ общей группѣ лицъ, желающихъ представиться сегодня государю императору.

Адъютантъ передалъ это распоряженіе; но генераль Перовскій выслушалъ его также молча и даже не пріостановился въ своемъ медленномъ ходженіи назадъ и впередъ по песку манежа. Посланецъ, сильно озадаченный и переконфуженный, подѣхалъ къ военному министру и доложилъ ему о своей неудачѣ...

Спустя нѣсколько минутъ, все зашевелилось и подтянулось: въ дверяхъ манежа показался императоръ, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Пявловичемъ. Государь подошелъ къ фронту, принялъ рапортъ военнаго министра и поздоровался съ людьми... Въ это время взглядъ его повернулся въ бокъ: онъ увидѣлъ, что къ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ монументальная фигура генерала, съ поднятою «подъ возыреки» правую руку...

Государь нахмурился: очевидно, нарушался «обычный порядок»...

— Кто это такой?—спросил онъ недовольнымъ голосомъ у военнаго министра.

— Это ген.-лейт. Перовскій, ваше величество.

— Перовскій?!—радостно воскликнулъ государь, и быстро направился къ одиноко стоявшему генералу...

— Здравствуй, Перовскій, здравствуй!!—торопливо заговорилъ Николай Павловичъ, и крѣпко поцѣловалъ Перовскаго.—Какъ я радъ, что вижу тебя!.. Давно-ли ты пріѣхалъ?

— Почти уже мѣсяцъ, какъ я въ Петербургѣ.

— Почему же ты не явился до сихъ поръ ко мнѣ?!—удивленно спросилъ императоръ.

— Такъ угодно было господину военному министру,—отвѣчалъ Перовскій.

Лицо государя омрачилось... Онъ взялъ подъ руку Перовскаго и, обращаясь къ великому князю, проговорилъ:—Замѣни, братъ, меня на сегодня,—и, совершенно не замѣчая графа Чернышова и его растеряннаго, поблѣдѣвшаго лица, вышелъ изъ манежа, по прежнему подъ руку съ Перовскимъ, посадилъ его съ собою въ коляску и повезъ во дворецъ... Въ тотъ же день вечеромъ, Перовскій, по приглашенію государя, переѣхалъ на жительство въ Петергофъ, гдѣ былъ въ это время дворъ, и ему были отведены во дворцѣ особыя покои.

Такимъ образомъ, вознагражденъ былъ этотъ му-

жестокимъ, гордымъ и даровитымъ человѣкъ за все свои страданія и муки и за все приниженія, терпѣливо нѣтъ вынесенны. Въ лицѣ русскаго царя, на-мѣся единственныи справедливыи и милостивыи судія дѣлъ и несчастій главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, погибшаго въ неудачномъ походѣ въ Хиву *).

Нолѣе двухъ дней императоръ Николай Павловичъ не отпускалъ отъ себя генерала Перовскаго ни на шагъ, какъ говорится: онъ внимательно распрашивалъ и выслушивалъ все, что касалось несчастнаго похода и его обдствій. Государь, по разсказамъ самаго Перовскаго, былъ особенно сильно пораженъ и тронуть до слезъ, когда бывшій главный начальникъ отряда сталъ передавать ему подробно о страшнотной ночи на 10-е февраля, когда во время бурана все въ отрядѣ готовились къ смерти, и не стихии этотъ буранъ на другой день, на Эмбу не вернулса бы изъ «отдѣльной колонны» ни одинъ человекъ...

Государь самъ потребовалъ отъ Перовскаго, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ общее представленіе къ на-градамъ; при этомъ приказалъ ему представить бум-валъно всехъ офицеровъ и генераловъ «и чтобы сол-даты не были забыты»... Черезъ нѣсколько дней, представленіе это было сдѣлано и тотчасъ же утверж-

*) Въ Англіи всеиые авторитеты того времени отдавали, тоже, должную дань героизму Перовскаго въ его несчастномъ походѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ относился къ нему знаменитый Веллингтонъ, восхищавшійся, именко, мужествомъ и самоотверженіемъ Перовскаго, какъ военачальника.

дело государемъ, поручившимъ Перовскому «лично передать его графу Чернышину для исполнения».

Боже мой, какъ согнулись тогда передъ Перовскимъ все тѣ, которые такъ недавно отъ него отворачивались и старались даже советамъ не узнавать его!.. А онъ, довольный и счастливый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, скромно ходилъ по аллеямъ Петергофскаго парка, опустить на грудь свою курчавую голову и обдумывая новый походъ въ Хиву, настоятельную необходимость и неизбежность котораго онъ сознавалъ теперь болѣе, чѣмъ прежде. Но все его попытки въ этомъ направленіи были графомъ Нессельроде и Чернышовымъ отклонены. Въ началѣ августа, у Перовскаго вновь открылась дурно заживленная старая рана въ груди, и государь убѣдилъ его уѣхать лечиться за границу, пожаловавъ на эту поѣздку 20 тысячъ рублей (асс.).

XV.

Всеобщія награды.—Увольненіе отъ службы и смерть генерала Цюлковскаго.—Миссія капитана Пикифорова въ Хиву и его смерть.—Трагическая кончина генерала Данилевскаго.—Генералы Молоствовъ и Гекс.—Подполковникъ Г. Н. Зеленинъ.—Назначеніе въ Оренбургъ генерала Обручева.—Историческая служба генерала Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ.—Поканскій походъ и взятіе крѣпости Акъ-Мечети.—Возведеніе въ графское достоинство.—Смерть графа В. А. Перовскаго.

Вѣсти изъ Петербурга о ласковомъ и милостивомъ приѣмѣ, оказанномъ генералу Перовскому государемъ, дошли до Оренбурга вѣстѣ съ высочайшими прика-

запм о пожалованных за походъ наградахъ: эти вѣсти привезъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, явившійся въ Оренбургъ уже въ чиств капитана и съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ. Эти вѣсти, равно какъ и пожалованныя награды, сильно порадовали и оживили совсѣмъ-было пріунывшихъ участниковъ похода, оставшихся еще въ живыхъ. Всѣ получили или ордена, или слѣдующіе чины и по годовому не въ зачетъ оклада жалованья; всѣмъ низшимъ чинамъ были даны также денежныя награды, а юнкера и унтеръ-офицеры топографы были произведены въ прапорщики; даже генераль-маіоръ Ціолковскій получилъ Анненскую звѣзду, хотя, спусти всего недѣлю послѣ этой награды, въ Оренбургъ полученъ былъ высочайшій приказъ, коимъ Ціолковскій уволился отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Эта отставка, состоявшаяся безъ желанія и прошенія жестокосердаго полка, сильно оскорбила его самолюбіе: онъ въ слѣдующую же ночь выѣхалъ въ свое имѣніе, отстоящее 80 съ чѣмъ-то верстъ отъ Оренбурга. Тамъ онъ вновь принялся-было за прежнее, нѣзавуя уже не солдаты, а своихъ крѣпостныхъ людей; но они не въ силахъ были перенести зѣвскія жестокости этого злого человека, и спусти всего три недѣли по отѣздѣ Ціолковского изъ Оренбурга, въ этотъ городъ пришло извѣстіе, что генеральтъ убитъ своими крѣпостными. Случилось это такъ.

Тотъ самый поваръ, котораго Ціолковскій показывалъ во время экспедиціи чуть не ежедневно, рѣшился избавить крѣпостную дворню отъ злаго барина, ставшаго еще болѣе злымъ по прїѣздѣ въ деревню, вельдѣствіе своей невольной отставки. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, поваръ выбралъ темный и теплый августовскій вечеръ. Въ домѣ были отворены все окна. Ціолковскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ книгу, облокотившись головою на ладонь правой руки; пуля попала ему прямо въ високъ, такъ что онъ не пошевелился и даже не перемѣнилъ позы — какъ сидѣлъ, прислонившись къ письменному столу, такъ и остался. Поваръ, взглянувъ послѣ выстрѣла въ окно, и увидя, что баринъ не упалъ, вообразилъ, что промахнулся и бросился бѣжать; неподалеку отъ дома была картофельная яма, въ которой онъ и спрятался; тамъ онъ просидѣлъ до утра, пока мимо ямы шли на работу крестьяне и громко говорили о смерти барина. Услышавъ слово «смерть», поваръ догадался, что онъ не далъ промаха, вышелъ изъ ямы, прямо прошелъ въ домъ, гдѣ былъ уже становой приставъ, объявилъ ему о своей винѣ и спокойно отдался въ руки правосудія. Тикомъ, значить, былъ страхъ предъ генераломъ Ціолковскимъ, что предстоящее повару наказаніе чрезъ палача, на эшафотѣ, было ничто въ сравненіи съ тѣми истязаніями, которымъ могъ подвергнуться виновнаго самъ Ціолковскій, если бы поваръ промах-

пудея. «Такимъ образомъ окончилъ свою жизнь этотъ варваръ рода человѣческаго», говорится въ имѣющихся у меня запискахъ подполковника Г. Н. Зеленина.

Остается сказать еще нѣсколько словъ, о другихъ дѣйствующихъ лицахъ нашего повѣствованія.

Канитантъ Никифоровъ былъ назначенъ, по рекомендаціи генерала Перовскаго, начальникомъ миссіи въ Хиву, отправленной туда въ 1841 г. Но онъ держалъ себя съ ханомъ Алла-Куломъ съ такимъ достоинствомъ, а по словамъ хивинцевъ «такъ гордо и дерзко», что не добился у нихъ ничего и уѣхалъ изъ Хивы въ Оренбургъ съ неподписаннымъ торговымъ договоромъ. Возвращаясь, затѣмъ, съ отчетомъ о своей неудачной миссіи въ Петербургъ, онъ затѣхалъ по дорогѣ къ своей старушкѣ-матери въ ея маленькое имѣніище, находившееся близъ Сызрани, и тамъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца.

Командиръ авангардной колонны полковникъ Данилевскій отправился въ Хиву въ слѣдующемъ 1842 г., во главѣ цѣлаго посольства, добился-таки отъ хана подписанія торговаго трактата, былъ произведенъ за это въ генералъ-маіоры и перешелъ на службу въ Петербургъ. Жизнь свою онъ окончилъ трагически. Будучи замѣчательно красивъ собою и имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ страстно влюбился въ одну славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаим-

постыю; но на бракъ этотъ не согласились ея родители и рѣшили увезти ее на родину. Въ осенній сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Истербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генералъ и выстрѣлялъ себѣ въ ротъ. Лошади поднялись-было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ, и карета проѣхала по труну уже скончавшагося Даниленскаго...

Генералъ-майоръ Молоствовъ, воспротинившійся отступленію отряда съ Эмбы, былъ впоследствии наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска; а полковникъ Геке, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ былъ наказнымъ же атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Ген.-лейт. Толмачевъ, погубившій окончательно свое здоровье во время экспедиціи, получилъ орденъ Вѣлаго Орла, полную пенсію и уѣхалъ къ себѣ на родину, въ Тамбовскую губернію.

Сошли изъ могилу почти и все остальные участники героическаго зимняго похода въ Хиву въ 1839 году, и въ настоящее время, по прошествіи болѣе полутора столѣтій отъ этой экспедиціи, въ Оренбургѣ и его уѣздахъ находится въ живыхъ нѣсколько лишь члѣвъ, которые весьма охотно и съ замѣчательною скромностію разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ, выпавшихъ на ихъ долю въ Хивинскомъ походѣ.

Изъ унтеръ-офицеровъ топографовъ, бывшихъ въ отрядѣ совѣтъ юпошамъ, были живы еще (въ 1891 г.) два брата Зеленины, оба подполковники въ отставкѣ; старшій изъ нихъ, Георгій Николаевичъ, составившій краткія записки о зимнемъ походѣ въ Хиву, получаетъ шестисотъ-рублевую пенсію и настолько былъ бодръ и крѣпокъ, что служилъ безвозмездно членомъ мѣстнаго отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Выѣзго генераль-адъютанта Перовскаго, командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и воспитымъ губернаторомъ былъ вскорѣ же назначенъ генераль-лейтенантъ Обручевъ, оставившій по себѣ въ Оренбургѣ добрую память честнаго и вполне доступнаго человека.

Залѣчивъ кое-какъ свою тяжелую турецкую рану за границей, генераль-адъютантъ В. А. Перовскій вернулся въ Россію, и его вновь стало тянуть на Востокъ. Онъ горячо доказывалъ необходимость и неизбежность нашего наступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Его благосклонно выслушивали, но не соглашались съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки добился учрежденія въ Оренбургѣ особаго генераль-губернаторства и былъ первымъ генераль-губернаторомъ, назначеннымъ на этотъ постъ. Въ это время, сосѣдніе съ нами владѣтели средне-азіатскихъ ханствъ вновь подняли головы и стали чинить нашимъ торговымъ людямъ всяческія обиды и притѣсненія. Дер-

зость ихъ особенно усилилась въ то время, когда они узнали, что единовѣрная имъ Турція находится съ нами въ войнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1853 году было предпринято генераль-губернаторомъ В. А. Перовскимъ знаменитый Коканскій походъ, окончившійся для насъ полною побѣдою и взятіемъ сильной коканской крѣпости Акъ-Мечети, переименованной впоследствии въ «Фортъ-Перовскій». За этотъ собственно походъ Перовскій и возведенъ былъ, въ 1855 г., въ графское достоинство.

Оренбургскимъ краемъ В. А. Перовскій управлялъ до половины 1856 года. Въ августѣ онъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ Москву, на коронацію покойнаго Государя Александра Николаевича, и болѣе уже не возвратился въ излюбленный имъ край: годы, долгій плѣтъ, походы и раны сломили, наконецъ, желѣзный организмъ Перовскаго... Онъ, по совѣту врачей, уѣхалъ въ Крымъ, и тамъ, въ имѣніи князя Воронцова Алушкѣ, 8 декабря 1857 года, тихо скончался—одинокимъ какъ и жилъ. А такъ какъ онъ, предчувствуя свою скорую кончину, говорилъ, всего за недѣлю до смерти, окружающимъ, что радуется тому, что умираетъ вблизи Чернаго моря, постоянный шумъ и плескъ котораго ему такъ нравится, то его и похоронили въ извѣстномъ Георгіевскомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи Севастополя, на откѣсномъ берегу моря; мѣсто же для гроба графа Василя Алексѣевича Перовскаго было выѣчено въ скалѣ,

омываемой у своего подножія волпами этого вѣчно
неспокойнаго моря...

Э п и л о г ъ.

Съ времени зимняго похода въ Хиву прошло
33 года. Въ Хивѣ и въ Россіи сѣѣлились правители:
Хивую заправлялъ гордый Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ-Ханъ, въ Россіи царствовалъ императоръ Алек-
сандръ Николаевичъ. Но правы руководителей хи-
винской политики и ихъ недоброжелательныя отно-
шенія къ Россіи не измѣнились за это время къ луч-
шему; подуцаемые шовенистскими софтистками, они,
напротивъ, становились, годъ отъ году, хуже и хуже.
Хивинцы не хотѣли признавать даже тѣхъ догово-
ровъ, которые были, развѣ, ими же самими подпи-
саны. Когда мѣра русскаго долготерпѣнія, наконецъ,
истощилась, предпринять былъ знаменитый походъ
въ Хиву, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъю-
танта Г. П. Кауфмана,—и вотъ, въ саду Хивин-
скаго хана, 2-го іюня 1873 года, произошла слѣ-
дующая историческая сцена, которую мы, ради ея
глубокаго интереса, и позволимъ себѣ привести
здѣсь.

«Ханъ Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ вернулся, на-
конецъ, въ Хиву и явился къ побѣдителю.

«Генералъ Кауфманъ принялъ его подъ вязами,

предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, устланная теперь коврами, уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

«Едва разнесся по Хивѣ слухъ о пріѣздѣ хана, всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуюсь видѣть властелина, о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно вѣхалъ въ свой собственный садъ, сопровождаемый свитой человекъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и пошелъ ъшкомъ, снявъ свою высокую барыню шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему, вѣроятно, часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ... Затѣмъ, онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой, вѣроятно, его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ.

«Ханъ человекъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ... У него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая борода и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду, онъ мужчина очень брѣжливый

и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широко пропорціонально этой вышины и, на взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный ярко-синій шелковый халатъ, на головѣ была высокая хивинская шапка. Смиренно сидѣлъ онъ, полу-стоя на колыняхъ, предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства, когда онъ очутился, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, у ногъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, славнаго «ярымъ-падинаха». Два человека эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбкѣ, скользящей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ *русскаго историческаго врага*, сказывалась не малая доля самодовольства. Казалось, что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мужчинахъ. Во времена рыцарства ханъ этотъ, со своею могучею фигурой великана, былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ, весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ «Coeur de Lion»; а теперь самый послѣдній солдатъ въ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ, — говорилъ генералъ Клауфманъ, вы видите, что мы, наконецъ, и принесли вамъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщала это еще три года тому назадъ...

Ханъ. — Да, на то была воля Аллаха.

Генералъ Клауфманъ. — Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиною этому. Если бы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, если бы вы дѣлали то, что я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ. — Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико, что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Клауфманъ (смѣясь). — Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно... Но перейдемъ къ дѣлу. Что вы будете дѣлать? Что думаете предпринять?

Ханъ. — Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного — быть слугою великаго Вѣлаго Царя.

Генералъ Клауфманъ. — Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугою его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Вѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола: онъ только хочетъ доказать, что онъ достаточно могущественъ, чтобы можно было оказывать ему пренебреженіе, и въ этомъ,

надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Вѣлмй Царь слишкомъ великъ, чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество, онъ готовъ теперь простить васъ и оставить по прежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ. — Я знаю, что дѣлалъ очень дурно, не уступая справедливымъ требованіямъ русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и *мнѣ давали дурные совѣты*; впередъ я буду лучше знать, что дѣлать. Я благодарю великаго Вѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ» *).

Сцена эта вознаграждала Россію за все: за гибель отряда князя Веконича-Черкасскаго, за оскорбленія, чинимыя нашими посланцъ, за захватъ и тяжкую неволю русскихъ подданныхъ, за грабежи торговыхъ каравановъ, словомъ *за все*—даже за неудачу зимняго похода 1839 года...

*) „Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы“, сочиненіе Макъ-Гахана. Лондонъ, 1874 года („Русскій Вѣстникъ“, 1875 г.).

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

ВЪ 1842 Г.

По рассказамъ и запискамъ очевидцевъ.

Материалами для настоящей статьи послужили записки проживавшаго въ Оренбургѣ, нынѣ покойнаго, подполковника Г. Н. Зеленина, а равно и устные рассказы двухъ казаковъ, бывшихъ въ конвой, сопровождавшихъ наше посольство въ Хиву въ 1842 году. Посольство это было первую дипломатическою попыткою съ русской стороны къ сближенію съ Хивой, — и лица, составившія посольство, имѣли полную возможность приемотрѣться къ внутреннимъ порядкамъ ханства, существовавшимъ тамъ болѣе полувѣка назадъ. Ни въ официальномъ описаніи путешествія и занятій этой «миссіи» — какъ названо было это посольство на дипломатическомъ языкѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, — описаніи, составленномъ коллежскимъ регистраторомъ Григорьевымъ, ни въ

появившейся впоследствии, въ одномъ изъ специальныхъ военныхъ журналовъ, краткой статьёй объ этомъ посольствѣ иѣтъ тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ подробностей, которыми мнѣ довелось встрѣтить въ запискахъ покойнаго Зеленина и услышать устно—какъ отъ него самого, такъ равно и отъ другихъ участниковъ посольства, во время моего проживанія въ 1889 и 1890 гг. въ Оренбургѣ.

I.

Миссія въ Хиву капитана Никифорова и его біографія.—Неудача этой миссіи.—Смерть Никифорова.—Отправка изъ Хивы сановника Набіева и его поѣздка въ Петербургъ.—Отказъ Набіева вступить въ переговоры.—Состоявшіеся въ Петербургѣ рѣшеніе—отправить новое посольство въ Хиву.

Несчастный походъ въ Хиву въ 1717 году князя Бековича-Черкаскаго, погибшаго со всеѣмъ своимъ отрядомъ, и почти столь же несчастная участь отряда генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго въ 1839 году сдѣлали Хиву какъ бы заколдованною и недоступною для русскаго оружія. Въ правящихъ сферахъ Петербурга явилось убѣжденіе, что взять Хиву военною силою очень трудно и почти невозможно, именно въслѣдствіе ея отдаленности, а главное, безводности окружающихъ ее песчаныхъ пустынь... Рѣшено было, поэтому, перейти на мирную почву и начать съ этимъ ханствомъ дипломатическія сношенія, отправить въ Хиву уполномоченное и довѣренное лицо для личныхъ переговоровъ съ самимъ ханомъ Алла-Куломъ. Выборъ палъ на капитана генералъ-

паго штаба Никифорова, недавняго участника неудачнаго похода въ Хиву. Объ этомъ офицеръ будетъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ.

Капитанъ П. А. Никифоровъ, какъ я уже говорилъ въ моей первой статьѣ «Зимній походъ въ Хиву», находился за все время этого похода при генералѣ Перовскомъ, былъ его правою рукою и *de facto* начальникомъ штаба. Главное, чѣмъ дорожилъ генералъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ него, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и немножко капризному начальнику; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву. За этотъ походъ Никифоровъ былъ произведенъ (въ 1840 г.) въ капитаны и получалъ Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Наружность у Никифорова была также очень замѣчательная и характерная: онъ былъ небольшого роста, широкоплечій и чрезвычайно подвижной; при этомъ онъ такъ быстро выражалъ свои мысли, то есть такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Главное же, что поражало всѣхъ въ наружности Никифорова,—были «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію Зеленина въ его «Запискахъ»; многіе военные того времени, хорошо знав-

ние по Петербургу поэта Пермонтова, находили, что «огненные глаза» Никифорова были совершенно схожи с его глазами. Вотъ этотъ-то человекъ и былъ посланъ въ Хиву, къ гордому хану Алла-Кулу, въ качествѣ особо-уполномоченнаго лица для переговоровъ.

Съ капитаномъ Никифоровымъ было послано въ Хиву очень ограниченное количество «шутинковъ»: съ нимъ отправились двое топографовъ унтеръ-офицерскаго званія, Петровъ и Челнаповъ, для съемоковъ, если удастся пхъ сдѣлать въ-тайнѣ отъ хивинцевъ, караванъ-баша и 12 человекъ уральскихъ казаковъ при урядникѣ. Эта импровизованная «миссія» отправилась изъ Оренбурга въ Хиву въ августѣ мѣсяцѣ 1841 года. Къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ письменныхъ слѣдовъ о томъ, какъ добрались эти люди до Хивы и что тамъ сдѣлали... Дѣло въ томъ, что, окончивъ свою миссію и благополучно вернувшись въ Оренбургъ, Никифоровъ приступилъ было къ составленію отчета, но, по распоряженію военнаго министра, былъ вызванъ въ Петербургъ лично; по дорогѣ туда онъ заѣхалъ къ своей старушкѣ-матери, въ ея имѣніе близъ Сызрани, и тутъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца. Послѣ его смерти, изъ Оренбурга распорядились, конечно, сейчасъ же забрать все его бумаги и переписку, но въ нихъ не оказалось ничего толковаго и важнаго, такъ какъ ни по дорогѣ въ Хиву, ни на обратномъ пути Никифо-

ровъ, изъ опасенія, чтобы его бумаги не попали въ руки къ хивинцамъ, не велъ ни дневника, ни какихъ-либо другихъ систематическихъ путевыхъ записокъ; у него оказались лишь отрывочныя замѣтки, писанныя карандашомъ, на клочкахъ бумаги и, вдобавокъ, ни для кого не понятныя шрифтомъ, такъ что не довелось воспользоваться и этими отрывочными свѣдѣнiями. Только отъ спутниковъ Никифорова, топографовъ Петра и Челпанова, удалось узнать, что наша миссія не имѣла въ Хивѣ никакого успѣха, отчасти вельдетіе держкаго обхожденiя Никифорова съ министрами хана, къ которымъ онъ въ первое же съ ними свиданіе держалъ черезъ переводчика такую рѣчь:

«Вы должны прилпнуть къ Россіи, какъ рубанка къ тѣлу, потому что Россія такая большая держава, что если упадетъ на васъ, то раздавить совершенно—такъ же, какъ моя обувь давить мелкихъ козляковъ на дорогѣ» и т. д. въ томъ же родѣ.

Такое краснорѣчіе не могло, конечно, особенно поправиться министрамъ Хивы, тѣмъ болѣе, что они находились еще въ чаду славы отъ неудавшагося зимняго похода Перовскаго; поэтому министры, хотя и приняли предложенныя имъ подарки и вели не мало разговоровъ съ Никифоровымъ, но ни въ какія письменныя обязательства не пожелали вступитъ, и онъ вынужденъ былъ уѣхать изъ Хивы почти ни съ чѣмъ. Единственнымъ, впрочемъ, результатомъ этой миссіи

было отправленіе къ намъ изъ Хивы, вмѣстѣ съ Никифоровымъ, особаго посольства подъ начальствомъ сановника Ванева Набіева со свитою въ 16 человекъ.

О прибытіи этого посольства въ Оренбургъ было донесено министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде; на это послѣдовало высочайшее повелѣніе—отправить посла съ его свитою въ Петербургъ, для чего и было ассигновано на путевыя издержки двѣ тысячи рублей.

10-го марта посолъ Набіевъ прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ представленъ ко двору. Императоръ Николай принялъ посла довольно милостиво и обладалъ его. Почти два мѣсяца пробыло это посольство въ Петербургѣ, дивясь на невиданныя намъ дотолѣ зданія, корабли и многія другія чудеса русской столицы. Вступитъ же съ посломъ въ какіе-либо серьезные переговоры оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ ссылался на то, что, безъ предварительнаго доклада еяти переговоровъ своему повелителю, хивинскому хану, онъ не можетъ согласиться ни на что; посылать же проектъ договора въ Хиву и ждать оттуда отвѣта было, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, немыслимо; поэтому посольство это отправилось 9-го мая обратно въ Оренбургъ (и Хиву), одаренное различными подарками—часами, тонкими сукномъ, дорогимъ бархатомъ и атласомъ, и проч.

Такъ какъ посолъ Набіевъ заявлялъ все-таки, что

Хива была бы не прочь заключить желаемый Россіею формальный договоръ, то въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и рѣшено было снарядить въ Хиву особое посольство съ подробными полномочіями на предметъ заключенія съ хивинскими правителями торгового и мирнаго трактата. Посольство это положено было отправить въ Хиву вмѣстѣ съ возвращавшимся туда посломъ Набіевымъ, для чего и велѣно было удерживать послѣдняго въ Оренбургѣ нѣкоторое время, впродѣ до окончательнаго снаряженія нашего посольства.

Въ то время оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и заведывающимъ гражданскою частью былъ генералъ Обручевъ, человекъ честный и доступный, но крайне медлительный; ему потребовалось почти три мѣсяца на снаряженіе назначеннаго посольства.

II.

Составъ новаго посольства въ Хиву и его снаряженіе.—Полковникъ Данилевскій.—Инструкціи, данныя посольству.—Подарки.—Выступленіе посольства изъ Оренбурга.—Первая аудіенція у хана Аяла-Кула.—Исторія съ каретами.—Послѣщеніе министровъ и сдѣланные имъ подарки.—Второй пріемъ у хана.—Умилительное затягиваніе переговоровъ.—Смерть Аяла-Кула и поцареніе новаго хана.

Во главѣ нашего посольства въ Хиву былъ поставленъ, по рекомендаціи генерала В. А. Перовскаго, полковникъ Данилевскій, человекъ вполне до-

стойный своего высокаго назначенія и того довѣрія, которое было оказываемо ему въ данномъ случаѣ. Въ бывшемъ зимнемъ походѣ въ Хиву онъ былъ командиромъ авангарднаго отряда генерала Перовскаго и былъ однимъ изъ немногихъ начальствующихъ лицъ, не потерявшихъ энергій, мужества и распорядительности въ этомъ трагическомъ походѣ; по окончаніи его подполковникъ Данилевскій былъ произведенъ въ полковника и получилъ Владиміра 4-й степени съ мечами.

Кромѣ полковника Данилевскаго, въ составъ посольства вошли слѣдующія лица: два офицера корпуса военныхъ топографовъ, братья Зеленины, произведенные въ офицеры за хивинскій походъ, въ которомъ они участвовали, «натуральистъ» Газинеръ, писмоводитель (онъ же и личный секретарь Данилевскаго), коллежскій регистраторъ Григорьевъ, взятый изъ «пограничной комиссіи», переводчикъ, караванъ-баша и 20 казаковъ подъ начальствомъ хорунжика Киниченкова. Кромѣ того, изъ Оренбурга было взято пять человекъ киргизовъ испытанной вѣрности и ловкости, хорошо знавшихъ степь и не разъ уже побывавшихъ въ Хивѣ. При посольствѣ было 40 верблюдовъ и 35 лошадей, изъ коихъ 28 были подъ казаками и чиновниками, 5 у киргизовъ, а 2 лошади были выѣздныя—подъ барету-ландо, которую везли въ подарокъ хану. Въ этому каравану полковника Данилевскаго присоединился въ

Оренбургъ приказчикъ купца Пичугина, Вочаровъ, бывавшій ранѣе въ Хивѣ съ товарами же и поридочно говорившій по-хивински. Этотъ смѣлый русскій человѣкъ и теперь ѣхалъ въ Хиву съ нѣсколькими верблюдами, нагруженными различными товарами, принадлежащими его хозяину.

Посольству полковника Данилевскаго было ассигновано на расходы 5 тысячъ червонцевъ; въ томъ числѣ: 700 на подарки и 989 на экстраординарные расходы, то есть на взятки хивинскимъ министрамъ и чиновникамъ; остальные 3,311 червонцевъ назначались, слѣдовательно, на всеъ путевые и прочіе расходы посольства. Кромѣ денегъ полковнику Данилевскому были вручены также многіе подарки: для самого хана—вышеупомянутая карета-хандо съ откиднымъ верхомъ, пара прекрасныхъ упряжныхъ англійскихъ лошадей съ серебряною вызолоченною сбруей, дорогіе бронзовые подсвѣчники для тумбъ (бра), особаго устройства часы ^{*)}, органъ, два куса

^{*)} Часы эти были столовые, прекрасной швейцарскаго рабѣты, подъ стекломъ. Во все время хода, въ тактъ маятника, качавшагося находившагося надъ часами двѣ маленькія птички, а во время боя выскакивала изъ верхней форточки обыкновенная кукушка. Ханъ былъ, говорятъ, сильно удивленъ замысловатымъ механизмомъ часовъ, и, убѣжденный, что это выскриваетъ „шайтанъ“, боялся „спрятать подалѣе“ этотъ подозрительный русскій подарокъ. Вторые такіе же часы, но уже безъ кукушки, который изъ дорогъ разбился, были привезены для наследника хивинскаго престола, но не могли, пока, быть переданы по назначенію, такъ какъ наследникъ этотъ проживалъ въ Хазарасѣ, въ 90 верстахъ отъ Хивы.

ліонскаго бархата и два же куска атласа. Для министровъ и другихъ важныхъ чиновниковъ Хивы было взято нѣсколько золотыхъ часовъ, сукно, бархаты и атласъ и нѣсколько десятковъ головъ сахара — подарка; особенно цѣнимаго и любимаго хивинцами.

Отправляя полковника Данилевскаго въ Хиву, наше правительство поручило ему укрѣпить, прежде всего, наше нравственное вліяніе на хивинцевъ и въ то же время ослабить вліяніе Хивы на нашу киргизскую степь; затѣмъ, на Данилевскаго возлагалась обязанность передѣлать и точнѣе опредѣлить нашу южную границу съ Хивою (по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ), а также по сѣверному берегу Арала и сѣверному же склону Усть-Урта. Кромѣ того, въ глашпной инструкціи, данной полковнику Данилевскому, предлагалось выхлопотать у хана Алла-Кула право держать въ Хивѣ постоянного русскаго агента, а также добиться у хивинцевъ освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, число которыхъ доходило въ то время до 1,500 человекъ, и составить, главное, формальный торговый договоръ съ Хивою, ограждающій наши купеческіе караваны отъ нападеній туркменокъ и предоставляющій русскимъ купцамъ право свободно торговать по всей Хивѣ. На Данилевскаго было возложено въ то же время и еще одно порученіе, секретное, выраженное ему словесно въ самый день выѣзда его изъ Оренбурга: ему поручено было сдѣлать военно-топографическую съемку не только

того пути въ Хиву, по которому онъ поидетъ, по въ возможной мѣрѣ и самой Хивы, и окружающихъ ее городовъ и оазисовъ; для этого въ свиту Данилевскаго и были даны топографы, два брата Зеленины, офицеры непытанной опытности и смѣлливости.

Только 1-го августа 1842 года посольство это, соутствующее возвращающимся въ Хиву сановникомъ хана Набіевымъ и его свитою, выступило наконецъ изъ Оренбурга... Дорогою шли безъ дневовъ и продолжительныхъ раздыховъ, и въ половинѣ сентября безъ всякихъ особыхъ приключеній добрался до Хивы; шли на Эмбу, Усть-Уртъ и вдоль западнаго берега Аральскаго моря. Въ предѣлы ханства вступили послѣ сорока-трехъ-дневнаго безостановочнаго похода и были встрѣчены на самой границѣ охраннымъ коновомъ, высланнымъ изъ Хивы; 19-го же октября посольство съ своимъ караваномъ прошло чрезъ самый городъ Хиву и остановилось въ небольшомъ ханскомъ «дворцѣ», выстроенномъ въ саду на окраинѣ города и состоящемъ всего изъ нѣсколькихъ неважныхъ комнатъ; садъ былъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною.

Гордый хивинскій ханъ Алла-Куль принять полковника Данилевскаго не сразу: подъ разными благовидными предлогами онъ оттягивалъ аудіенцію... Наконецъ, 30-го октября, нашъ посолъ въ сопровожденіи переводчика и побывавшаго въ Петербургѣ сановника Набіева былъ принятъ ханомъ. Мехтеръ

(главный министр, онъ же и военный) представляли хану членовъ посольства по старшинству, называя ихъ чина и фамиліи. Пріемъ нашему послу былъ оказанъ гордый и холодный: ханъ, хотя и пригласилъ полковника Данилевскаго сѣсть, но даже не взглянулъ на преподнесенные ему подарки и не пожелалъ подойти къ окну, чтобы увидѣть стоявшую у подъѣзда карету *), запряженную прекрасными англійскими лошадьми въ блестящей сбруѣ. Черезъ переводчика ханъ сказалъ лишь Данилевскому, что онъ «сознается» вести переговоры, но не сейчасъ.

*) Съ этой каретой-ландо вышло маленькое недоразумѣніе. Полковникъ Данилевскій, огорченный холоднымъ пріемомъ хана, приказалъ своему конюху, доставившему карету къ ханскому дворцу, чтобы онъ объяснилъ и показалъ бы „италмейстеру“ хана, какъ снимается и откидывается верхъ каретъ: въ раскрытый же со всѣхъ сторонъ экипажъ ни ханъ, ни его жены не рѣшались сѣсть... Въ карету сѣли лишь дѣти хана и катились по двору; по экипажу при этомъ едва-едва двигался — по слѣдующей сѣмьшной причинѣ: когда въ дѣль представленія посольства карету привели на ханскій дворъ и остановили у крыльца, то нашъ конюхъ изъ опасенія, что лошади не будутъ спокойно стоять, взялъ и затормозилъ колесо, а потомъ, когда сѣлъ въ карету и пошелъ домой, не снявъ тормоза и ничего не сказавъ объ этомъ хивинцамъ, а они сами не догадались этого сдѣлать... Чтобы карета шла легче и быстрее, хивинскіе конюхи заирагали въ нее уже своихъ лошадей — по десяти и болѣе штукъ, но карета, тѣмъ не менѣе, не двигалась по-такимъ скорѣю... Послѣ ужко, когда хивинцы, кучеру хана, объяснили значение тормоза и показали, какъ надо откидывать верхъ, ханъ сѣлъ въ открытій, такимъ образомъ, экипажъ и торжественно проѣхалъ въ немъ по городу, при чемъ все населеніе Хивы вышло на улицы смотрѣть на пендалинный кортежъ.

а «подумаетъ»... что онъ прийдетъ къ полковнику Данилевскому своихъ уполномоченныхъ и дастъ знать ему также о времени, когда можетъ приять его вторично.

Нѣсколько дней спустя, къ полковнику Данилевскому явились дѣйствительно хивинскіе министры, въ количествѣ восьми человекъ; пріѣхали они къ Данилевскому, какъ сами заявили, «въ гости», а не по дѣламъ; это означало: преподнеси «гостыямъ» подарки... Они ѣхали верхами, имѣя каждый позади себя на той же лошади углана, мальчика лѣтъ 10—12-ти; министръ входилъ въ домъ, а мальчикъ соскакивалъ съ лошади, привязывалъ ее и затѣмъ, подавалъ своему господину калышъ и вообще прислуживалъ ему. Усѣлись всѣ на полу, на коврахъ и подушкахъ, и началось угощеніе; подали прежде всего чай, налитый въ стаканы, привезенные Данилевскимъ съ собою и незнакомые вовсе хивинцамъ, которые поэтому и не знали, какъ пить изъ нихъ, и лишь жгли себя руки... Данилевскій, впрочемъ, нашелся: онъ взялъ свой стаканъ и налилъ изъ него чай въ блюдце; глядя на него, то же самое сдѣлали и господа министры *).

*) Въ послѣдующіе пріѣзды въ наше посольство министровъ, стаканы были замѣняемы для нихъ обыкновенными чайными чашками, которыя нашлись въ продажѣ у торговца Бочарова, извѣстнаго рѣшительно все, что требовалось азіатамъ — сиды, трубки, чай и сахаръ, бусы, юбки, и проч. Мальчикамъ, со-

По окончаніи чая, поданы были фрукты и сласти; затѣмъ каждому изъ министровъ даны были подарки—по дорогому шелковому халату, по куску сукна, по книжалу въ серебряной оправѣ кавказской работы, по фунту чая и по небольшой фунтовъ въ десять, головѣ сахара. Подарки дѣлались не вдругъ, а съ антрактами, во время чаепитія и угощенія лакомствами. Последний подарокъ, то-есть сахаръ, понравился, очевидно, болѣе всего: ко всѣмъ первымъ подаркамъ министры относились съ обычною флегмою восточныхъ человѣковъ; но какъ только поставили около каждаго изъ нихъ по головѣ сахара, то они зацѣпали языками въ знакъ оообого удовольствія и поднялись съ мѣста, — что значило: мы получили, чего ожидали, и вполне довольны на этотъ разъ... Сахаръ въ то время былъ въ Хивѣ большою рѣдкостью и продавался едва ли не на вѣсъ серебра; къ тому же, изъ всѣхъ подарковъ, едѣланныхъ гостямъ, это былъ единственный, который они могли преподнести своимъ женамъ въ гаремахъ.

Спусти нѣсколько дней, полковникъ Данилевскій, въ сопровожденіи переводчика, обонхъ братьевъ Зелениныхъ, хорунжаго Киниченкова и натуралиста

проводившихъ министровъ, чай подавался сначала въ фаянсовыхъ же чашкахъ; но такъ какъ они по окончаніи чая прятали каждыиъ разъ эти чашки въ плаху, то имъ стали подавать чай въ простыхъ глиняныхъ чашкахъ мѣстнаго издѣлія, продававшихся на базарѣ въ Хивѣ.

Вазирера, отдавъ визитъ хивинскимъ министрамъ и принявъ ихъ угощеніе; впрочемъ, угощеніе это было очень скромное: чай, который подавался безъ сахара, и сушеные фрукты... сахару же дали въ самомъ концѣ, по нѣсколько кусковъ каждому гостю.

10-го ноября ханъ принялъ полковника Данилевскаго вторично и уже болѣе ласково; но, ссылаясь на свою болѣзнь, сказалъ, что разговаривать о дѣлахъ онъ пока не находитъ возможнымъ и поручаетъ это своимъ министрамъ, подъ предѣлительствомъ мехтера. Вслѣдствіе этого, гг. министры стали навѣщать полковника Данилевскаго все чаще, и каждый разъ ихъ надо было надѣлать подарками, а между тѣмъ о дѣлѣ они говорили мало и неохотно... Данилевскій сталъ тревожиться прежде всего за то, хватитъ-ли у него подарковъ для министровъ хана, если они станутъ умышленно затягивать и откладывать переговоры. Эти опасенія онъ высказалъ сопровождавшимъ его лицамъ, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было приступить въ первое же свиданіе съ министрами хана къ письменному составленію проекта договора Россіи съ Хивію. Между тѣмъ, министры прекратили свои посѣщенія, что еще болѣе встревожило наше посольство... Вдругъ, 23-го ноября, по городу Хивѣ распространился слухъ, что ханъ Алла-Куль умеръ (нѣсколько дней назадъ), и что въ Хивѣ царствуетъ уже другой ханъ...

Воцареніе это совершилось тайно, по слѣдующимъ

прицѣпнать. Какъ только ханъ Алла-Куль испустилъ духъ, то главный министръ, мехтеръ, распорядился тотчасъ же послать гонца въ Хазараспъ, къ старшему сыну хана, наслѣднику престола, чтобы онъ немедленно прибылъ въ столицу Хивы, для вступленія на престолъ; самую же смерть хана мехтеръ сохранялъ пока въ глубокой тайнѣ, о которой знало во дворцѣ лишь нѣсколько человекъ; остальные же считали хана тяжело больнымъ, но еще не умершимъ. Мехтеръ опасался, чтобы дяди наслѣдника, родные братья умершаго хана, узнавъ о его смерти, не вздумали до прибытія законнаго наслѣдника захватить престолъ въ свои руки и не начали бы изъ-за этого рѣзни, что не разъ бывало уже въ Хивѣ ранѣе, когда нѣсколько претендентовъ начинали оспаривать другъ у друга право на вакантный хивинскій престолъ. На этотъ разъ удалось предотвратить распри: наслѣднаго принца привезли въ Хиву ночью, воцарили и только на другой день, утромъ, объявили народу о смерти бывшаго хана и о воцареніи новаго. Но и послѣ этого въ теченіе цѣлаго мѣсяца стража въ двѣсти человекъ отборныхъ туркменъ-юмудовъ охраняла ворота въ крѣпость, гдѣ находился дворецъ хана; ворота этихъ было двое и караулъ раздѣлялся на двѣ половины.

III.

Ухудшеніе дѣлъ посольства и злодѣйскій умыселъ хивинцевъ. — Сергѣй-ага. — Рѣшимость посольства защищаться до послѣдняго человека. — Находчивость и мужество полковника Даниловскаго и спасеніе посольства. — Окончаніе переговоровъ и подписаніе мирнаго трактата.

При новомъ ханѣ дѣла русскаго посольства пошли еще хуже. Начать съ того, что новый ханъ долго, подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами, отказывался принять полковника Даниловскаго; наконецъ, когда принялъ, то не пригласилъ сѣсть и вообще держалъ себя во время аудіенціи еще болѣе холодно и гордо, чѣмъ его предшественникъ. Однако все преподнесенныя ему подарки принять *).

Съ тѣхъ поръ члены русскаго посольства стали замѣчать, что отношенія къ нимъ хивинцевъ круто измѣнились къ худшему: все и вездѣ, начиная отъ встрѣчавшихся иногда минпетровъ и оканчивая торговцами на базарѣ, стали поглядывать на русскихъ враждебно и косо, а иногда и прямо задирать ихъ, явно вызывая на ссору... Отношенія, такимъ образомъ, обострялись все болѣе и болѣе и положеніе посольства становилось тяжелымъ и, видимо, опаснымъ:

*) Между этими подарками были и шварцвальдскіе столовые часы съ тѣмъ же самымъ затѣйливымъ механизмомъ, съ двумя птичками и кукушкой, которые были преподнесены умершему хану (только безъ стекляннаго, разбитаго уже колпака).

что могли подѣлать эти несчастные тридцать человекъ русскихъ людей, находящіеся за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей родины, отдѣленные отъ нея едва проходимыми сыпучими песками и окруженные десятками тысячъ дикаго и крайне враждебнаго имъ племени?!..

Но Провидѣнію не угодно было допустить гибели горсти этихъ отважныхъ русскихъ людей, и они были спасены.

Однажды, вечеромъ, къ занимаемому посольствомъ «дворцу» подѣхали верхомъ, безъ мальчика, «министръ артиллеріи» хивинской, Сергѣй-ага, котораго Данилевскій видѣлъ въ ханскомъ дворцѣ во время пріема, и о которомъ говорили, что онъ будто служилъ ранѣе въ нашемъ войскѣ. Оставивъ лошадь казакъ, онъ вошелъ въ помѣщеніе, занимаемое Данилевскимъ и пожелалъ ему «здравія» на чистомъ русскомъ языкѣ... Затѣмъ, оставшись съ Данилевскимъ съ глазу на глазъ, онъ сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что какъ самому Данилевскому, такъ и всему его посольству до послѣдняго человека предстоитъ въ самомъ скоромъ времени участь отряда князя Вековича-Черкаскаго; что въ засѣданіи «военнаго совѣта», подъ предѣдательствомъ самого хана, рѣшено истребить посольство; что противъ этого рѣшенія были только два голоса: его, Сергѣй-аги, и мехтера, военнаго министра, и что только поэтому приведеніе замысла въ исполненіе отложено на нѣко-

торое время, впредь до новаго засѣданія по этому дѣлу... Ни способовъ спасенія, ни совѣтовъ Сергѣй-ага не указалъ и не далъ Данилевскому, да и не могъ дать безъ риска собственной жизнью; онъ лишь торопился уѣхать отъ Данилевскаго какъ можно скорѣе и не замѣчешнымъ... Уходя, онъ сообщилъ о томъ, что онъ дѣйствительно русскій, служилъ на Кавказѣ въ артиллеріи фейерверкеромъ, убилъ, не стерпѣвъ обиды, батарейнаго командира и успѣлъ убѣжать въ горы, къ черкесамъ; оттуда, опасаясь, что его все-таки возьмутъ когда-нибудь, ушелъ въ Персію, а затѣмъ въ Хиву *)

Получивъ отъ Сергѣй-аги такое важное сообщеніе и имѣя многія основанія ему вѣрить, полковникъ Данилевскій тотчасъ же пригласилъ всѣхъ своихъ спутниковъ на совѣтъ. Рѣшено было прежде всего изготovitъ къ возможной оборонѣ и защищаться до послѣдней капли крови, отнюдь не отдаваясь въ плѣнъ,

*) Впослѣдствіи члены посольства узнали о своемъ спасителѣ слѣдующія свѣдѣнія. Явившись въ 1830 г. въ Хиву, Сергѣй-ага привезъ хивинцамъ всѣ орудія Нековича-Черкаскаго, устроивъ къ нимъ конныя лафеты и передки, отливъ ядра и, пользуясь полученнымъ отъ ангалчанъ порохомъ, имѣлъ огромный успѣхъ и рѣшающее влеченіе въ пользу войнѣ Хивы съ Бухарою, за что и пошелъ въ особую милость къ ближнему хану Алла-Кулу, назначившему его „министромъ артиллеріи“, т. е. командиромъ той маленюкой батареи, которую онъ сформировалъ изъ оставшихъ безъ употребленія болѣе ста фунтъ пушекъ, захваченныхъ отъ нахѣннически истребленнаго отряда Черкаскаго. Сергѣй-ага женился въ Хивѣ сначала на плѣнницѣ русской дѣвушкѣ, взятой киргизами подъ Оренбургомъ; а потомъ, когда она умерла,

такъ какъ всѣ хорошо знали, что, взявъ кого-нибудь живьемъ, хивинцы все равно потомъ убьютъ плѣннаго, подвергнувъ его предварительно самымъ жесточайшимъ мученіямъ, которыя только они способны будутъ придумать. Изъ членовъ посольства не доставало лишь одного офицера-топографа Зеленина 1-го, который, переодѣвшись въ простое платье, уѣхалъ съ торговцемъ Вочаровымъ за Хиву, къ оазисамъ, для выполненія секретнѣйшаго и крайне рискованнаго порученія, возложеннаго на него Данилевскимъ, именно для топографическихъ съемокъ путей и мѣстностей, окружающихъ городъ Хиву, а также и другихъ меньшихъ городовъ ханства; за Зеленинымъ тотчасъ же былъ посланъ нарочный киргизъ изъ числа бывшихъ при посольствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Данилевскій рѣшилъ обратиться прямо къ мектеру, какъ къ главному «министру» Хивы и человеку, на сочувствіе

то ханъ въ знакъ особаго своего благоволенія, далъ ему въ жены кровную хивинку хорошей фамиліи; это была еще не видѣвшая честь въ Хивѣ, такъ какъ всѣхъ плѣнныхъ, невольниковъ и вообще цехивинцевъ, давали обыкновенно въ жены плѣнныхъ персіянковъ или русскихъ, похваченныхъ отъ оренбургскихъ киргизовъ. Въ Хивѣ Сергѣ-ага жилъ хорошо: онъ самъ устроилъ себѣ въ городѣ русскую избу (только не изъ бревенъ, а изъ камня) съ лавками, палатами и русскою ночью; въ углу у него висѣли иконы, привезенныя ему изъ Оренбурга, но его приказу, бухарскими купцами; онъ даже самъ водку гналъ изъ винограда... Этою водкой и русскими же пирогами съ начинкой онъ не разъ потомъ, взявъ въ посольство, потчевалъ „господъ офицеровъ“, а также и конвойныхъ казаковъ.

котораго, по разсказу Сергѣи-аги, можно было разсчитывать, не показывая ему однако и виду, что посольство уже предупреждено объ опасности.

На другой же день послѣ посѣщенія Сергѣи-аги, рано утромъ, Данилевскій, взявъ съ собою лишь одного казака, отправился въ домъ мехтера, который тотчасъ же принять его. Послѣ первыхъ же привѣтствій Данилевскій спросилъ министра: слѣдуетъ-ли посольству вести переговоры далѣе и ожидать ихъ окончанія и подписанія формальнаго договора, или же, въ виду явившихъ въ послѣднее время уклоненій правительства Хивы отъ веденія этихъ переговоровъ, считать ихъ неудавшимися и законченными, и въ такомъ случаѣ посольство выступить изъ Хивы на слѣдующій же день.

Мехтеръ, по обычаю восточныхъ дипломатовъ, отвѣчалъ (черезъ переводчика, конечно) уклончиво и неопредѣленно, ссылаясь на неопытность молодого хана, на разногласія, возникшія въ средѣ его новыхъ совѣтниковъ по поводу договора съ русскими, и проч. затѣмъ, предложивъ Данилевскому чай, распорядился въ то же время послать за другими министрами. Данилевскій еще разъ повторилъ ханскимъ министрамъ то, что высказалъ мехтеру и въ заключеніе прибавилъ:

— Когда мы шли къ вамъ, то умершій ханъ Алла-Куль выслалъ на границу Хивы, для нашей встрѣчи и охраны, особый конвой; теперь же, когда мы будемъ возвращаться назадъ, я попрошу васъ

передать хану мое почтительное заявленіе, что никакая охрана намъ не нужна: объявляю вамъ, имевъ великаго Ыблага царя, что если кто-нибудь въ Хивѣ позволитъ себѣ не только напасть на насъ, но даже просто оскорбить, то отъ всего вашего ханства не останется камня на камнѣ. Помните, что русскіе въ гостяхъ у васъ въ четвертый уже разъ *) и дорогу къ вамъ знаютъ, и что если они придутъ съ оружіемъ, то вамъ уже не удастся обмануть ихъ такъ, какъ едѣлали это ваши дѣды съ княземъ Черкасскимъ...

Одной этой мужественной рѣчи было вполне достаточно, чтобы ханскіе министры заговорили совѣтъ другимъ тономъ... Они стали увѣрять Данилевскаго въ миролюбіи Хивы и въ ихъ личномъ желаніи довести переговоры до конца...

Тогда Данилевскій сказалъ имъ:

— Завтра, до полудня я буду ждать васъ всѣхъ у себя для дальнѣйшаго веденія переговоровъ. Если вы не будете, то завтра же я выступаю изъ Хивы обратно въ Оренбургъ.

Вернувшись къ себѣ, полковникъ Данилевскій, передавъ членамъ посольства о своемъ свиданіи съ министрами, приказалъ готовиться на всякій случай къ

*) Т. е., считая достиженіе Хивы отрядомъ князя Беконича-Черкаскаго, безрезультатное посольство въ Хиву же въ 1819 г. полковника Муравьева, недавнюю миссію капитана Никшифорова и дѣствующую.

выступленію въ обратный путь... Но на другой день утромъ, во время самыхъ горячихъ хлопотъ и возни съ вьюками, къ квартирѣ посольства подъѣхали всѣ восемь министровъ съ мальчиками позади, наполнившаю и затѣмъ пожелали сами приступить тотчасъ же къ переговорамъ.

На слѣдующій день министры пріѣхали вновь, и такимъ образомъ переговоры, хотя и черепашьимъ шагомъ, но все же стали подвигаться впередъ. Важнѣе всего, конечно, было то, что жизнь всего состава посольства, висѣвшая на волоскѣ, была теперь, несомнѣнно, спасена.

Спустя нѣсколько дней, Данилевскому была назначена аудіенція у хана, который на этотъ разъ принялъ посла болѣе вѣжливо и внимательно, пригласивъ тотчасъ же сѣсть на особо приготовленный для него низенькій табуретъ. Во время прощеднаго разговора, ханъ тѣмъ не менѣе категорически объявилъ полковнику Данилевскому, что перенесшихъ невольниковъ онъ не можетъ освободить, и вообще удивляется, почему русскій посолъ на этомъ настаиваетъ, такъ какъ дѣло это касается не Россіи, а Персіи, которая сама могла бы хлопотать объ этомъ, если бы желала. Выѣстъ съ тѣмъ, ханъ отклонилъ и ходатайство Данилевскаго объ учрежденіи въ Хивѣ нашего постоянного политическаго агентства.

Къ 25 декабря актъ соглашенія нашего съ Хивой былъ окончательно изготовленъ. Въ немъ были вы-

говоренъ безпрелютенный проходъ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны отъ разбойничьихъ нападений туркменъ-юмудовъ и хивинскихъ киргизовъ, и также воспретить этимъномадамъ дѣлать нападенія на наши рыбныя промыслы на Каспійскомъ морѣ и забирать рабочихъ въ плѣны; русскимъ купцамъ предоставлялось право открытой торговли не въ одномъ лишь городѣ Хивѣ, но и въ Куля-Ургенчи, Ханки, Хазараспѣ и др.; равно и хивинскіе купцы могли безпрелютенно и безогранично торговать въ нашихъ предѣлахъ, а на мѣшномъ дворѣ Оренбурга и въ караванъ-сарай для нихъ должны быть отведены особыя мѣста и помѣщенія. Въ томъ же договорѣ были ясно и точно обозначены наши взаимныя границы съ Хивой—по Сырь-Дарьѣ и Усть-Урту. При составленіи окончательной редакціи договора, полковникъ Данилевскій пытался еще разъ склонить министровъ Хивы на согласіе допустить пребываніе въ ихъ столицѣ если не политическаго, то хотя бы только торговаго агента Россіи, но, несмотря на все настоянія и сдѣланные подарки, этого не удалось добиться.

Когда надо было, наконецъ, оформить составленный договоръ (писанный на двухъ языкахъ—по русски и по хивински), то вышла маленькая исторія, иллюстрирующая нравы азіатскихъ снотовыхъ лицъ того

времени и ихъ корыстолюбіе. Полковникъ Данилевскій, подписавъ договоръ (въ двухъ экземплярахъ) и приложивъ къ нему съ государственнымъ гербомъ печать, попросилъ сдѣлать то же самое и хивинскихъ министровъ; но оказалось, прежде всего, что нѣкоторые изъ нихъ — неграмотны: взаимно подписи они прикладывали обыкновенно свои печати, что должны были сдѣлать и въ этотъ разъ, но вдругъ они стали отвиливать и отнѣкиваться... Дѣло заключалось въ томъ, что за послѣднее время переговоровъ, когда писались и подробно обсуждались всѣ въ отдѣльности пункты торговаго договора, министры такъ часто ѣздили къ полковнику Данилевскому и такъ безцеремонно каждый разъ вымогали подарки, что въ посольствѣ явилось наконецъ опасеніе, что скоро нечего уже будетъ и дарить... Тогда Данилевскій сказалъ министрамъ:

— Вы очень тянете переговоры: а между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось скорѣе преподнести каждому изъ васъ самый главный и драгоценный подарокъ... Подписывайте скорѣе договоръ, и вы получите вотъ что, — и Данилевскій показалъ имъ нѣсколько золотыхъ карманныхъ часовъ съ азійскими циферблатами, ослепленныхъ драгоценными камнями, и, добавокъ, съ репетиромъ. Часы эти были изъ кабинета Его Величества, заказанныя въ Женевѣ, для преподнесенія, собственно, именитымъ восточнымъ гостямъ, пріѣзжав-

шимъ въ Петербургъ. И вотъ теперь, когда оставалось лишь приложить къ договору печати, министры стали отпѣкиваться, а между тѣмъ прямо не объявляютъ въ чемъ дѣло и почему они медлятъ... И на этотъ разъ выручилъ Сергѣй-ага, сообщившій полковнику Данилевскому, что министры потому именно не подписываютъ договора и не прикладываютъ своихъ печатей, что опасаются обмана: «Пусть,—говорить они,—онъ дастъ намъ впередъ эти часы, а то, потомъ, пожалуй, обманетъ»...

— Я-то не обману,—сказалъ Данилевскій Сергѣю-агѣ;—а я вотъ опасаюсь имъ вѣрить: ну, какъ они возьмутъ эти подарки, да опять затынутъ дѣло, а у меня, кромѣ нѣсколькихъ головъ сахара, ничего уже не осталось.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй-ага,—они побоятся обмануть, потому что вы можете пожаловаться хану,—и онъ все равно заставитъ ихъ подписать договоръ, а часы отберетъ себѣ.

Полковникъ Данилевскій рѣшилъ послушаться Сергѣя-аги и выдалъ послѣдніе подарки хивинскимъ правителямъ. Въ тотъ же день они приложили къ договору свои печати, а на другой день, 27-го декабря 1842 года, была приложена и государственная печать Хивы, т. е. печать самого хана.

IV.

Глазѣрныя съемки топографа Зеленина—Встрѣча съ русскимъ дезертиромъ.—Таинственныя знакомки въ саду посольства — Путешествіе Бочарова и Зеленина по городамъ Хивы и оазисамъ.—Оригинальныя топографическія работы.—Опасная встрѣча и поспѣшное возвращеніе въ Хиву.

Теперь слѣдуетъ сказать о дѣятельности и приключеніяхъ въ Хивѣ топографа Г. Н. Зеленина, на котораго было возложено полковникомъ Данилевскимъ секретнѣйшее и довольно опасное порученіе—составить приблизительную топографическую карту какъ самого города Хивы, такъ и его окрестностей и оазисовъ.

Малѣйшая оплошность, или просто неосторожность, въ этомъ дѣлѣ могла стоить жизни не только самому Зеленину, но, пожалуй, и всему посольству, потому что хивинцы вообще зорко наблюдали (послѣ похода Перовскаго), чтобы русскіе не могли свить Хиву на планъ; такъ какъ тогда, по ихъ мнѣнію, легко уже будетъ взять ихъ «неприступное» ханство, огражденное безводными и песчаными пустынями, окружавшими это въ дѣйствительности ничтожное и безсильное владѣніе.

Самый городъ Хиву Зеленинъ снималъ такъ: онъ покупалъ на базарѣ за двѣ мелкія хивинскія монеты («кара-теңга» — черная, т. е. мѣдная, монета), дыню, бралъ ее въ руку и шель съ нею по Хивѣ какъ

бы для прогулки; понимая немного по хивински, онъ разспрашивалъ уличныхъ торговцевъ: какъ, напр., называется такой-то арыкъ, какъ зовется вотъ эта канавка, этотъ садъ и т. д.; количество ихъ обозначалъ перочиннымъ ножомъ на корѣ дыни и затѣмъ, возвращаясь домой, переводилъ уже на бумагу свои кабалестическіе знаки и замѣтки. Главную осторожность надо было соблюдать въ томъ, чтобы не имѣть при себѣ ни бумаги, ни карандаша на случай подозрѣній, задержаній и обыска.

Однажды, гуляя такимъ образомъ по Хивѣ, Зеленинъ вдругъ слышитъ за собою голосъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Онъ такъ и обмеръ... Глядитъ — стоитъ передъ нимъ хивинецъ и привѣтливо улыбается... Оказалось, это былъ нашъ бѣглый солдатъ, изъ татаръ, оренбургскій уроженецъ; служа въ оренбургскомъ гарнизонѣ, онъ часто встрѣчалъ Зеленина на городскихъ улицахъ и запомнилъ лицо его, какъ офицера, передъ которымъ приходилось снимать шапку. Онъ имѣлъ теперь въ Хивѣ свой домъ и обзавелся уже семьей. Пригласивъ къ себѣ «земляка», онъ угостилъ его чаемъ и просилъ заходить почаще; но Зеленинъ побоялся потомъ бывать у него, такъ какъ соотѣдн хивинцы очень недружелюбно посматривали на «уруса», а самый домъ татарина былъ на краю города, въ балкѣ. Этотъ солдатъ былъ потомъ въ домѣ посольства и предлагалъ его обитателямъ, все молодымъ и

одинокимъ людямъ, довольно интимныя услуги... номѣсто такого поставщика было уже занято. Садамъ, въ которомъ расположенъ былъ запасный «дворецъ» хана (гдѣ помѣщалось посольство), завѣдывалъ особый спеціальныи садовникъ изъ плѣнныхъ персіянъ, знающій хорошо свое дѣло; и вотъ, жена его, тоже плѣнная персіянка, предлагала гг. офицерамъ свои конфиденціальныя услуги: стоило только уплатить ей полумперіалъ, и въ ханскомъ саду ночью, въ сопровожденіи этой садовницы, появлялась женская фигура въ чадрѣ, въ шелковомъ халатѣ и тиковыхъ же шаль-варахъ, закутанная въ кисею и персидскую шаль... (Смотря по требованію, въ саду появлялось иногда и нѣсколько такихъ фигуръ разомъ... Подъ большимъ секретомъ, персіянка увѣряла, что таинственныя незнакомки—бывшія жены умершаго хана, матеріальная участь которыхъ при новомъ владыкѣ была дѣйствительно не очень-то завидна... Очень возможно, что садовница преувеличивала происхожденіе и положеніе рекомендуемыхъ ею особъ, что это были просто плѣнныя рабыни персіянки, прислужницы изъ гарема бывшаго хана, но только костюмы ихъ были всегда очень роскошны, какихъ не могли бы имѣть простыя плѣнницы-рабыни.

Покончивъ съ съемкой города Хивы, Г. Н. Зеленинъ рѣшилъ, какъ уже упомянуто было выше, ѣхать для съемокъ же по другимъ городамъ ханства;

чтобы замаскировать свои дѣйствія, онъ пересѣлся приказчикомъ и отправился вмѣстѣ съ торговцемъ Бочаровымъ, ѣхавшимъ туда же съ своимъ товаромъ на нѣсколькихъ верблюдахъ... Оба они поѣхали вер-
хами на лошадяхъ, въ сопровожденіи лишь одного мальчика хивинца, нанятаго въ самой Хивѣ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ города, Зеленинъ, облачившись въ халатъ, жилъ цѣлую недѣлю въ караванъ-сараѣ, гдѣ останавливался Бочаровъ. Путешествіе ихъ было довольно благополучно: они безпрепятственно посѣтили города Ташкуіой, Ханки, Хавараспъ и Клычъ-Ніасбай; послѣдній городъ — въ Вухарѣ. Ихъ вездѣ встрѣчали съ нѣкоторымъ изумленіемъ; но, узнавъ отъ сопровождавшаго ихъ хивинца, что въ самой Хивѣ находится русское посольство, успокоились и даже, случалось, принимали, какъ гостей. Въ непродолжительномъ времени Бочаровъ распродалъ почти весь свой товаръ, а Зеленинъ тѣмъ временемъ тщательно, хотя и очень осторожно, дѣлалъ свое дѣло, которое было нелегко еще и потому, что съемку приходилось дѣлать безъ всякихъ инструментовъ, не только безъ астролябін или мензулы, но даже безъ бусоли и цѣпи, обозначая nordъ и зюдъ по солнцу, а разстояніе — шагами... Шагами же былъ вымѣренъ и главный (въ то время) арыкъ Хивы — Полванъ, названный такъ въ честь бывшаго батыря (героя) Полвана, ставшаго потомъ святымъ и похороненнаго въ самой Хивѣ, въ главной

мечети. Работы Зеленина облегчались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что спутникъ его Бочаровъ говорилъ по-хивински и былъ человѣкомъ умнымъ и свѣтлымъ: все, что только надо было разузнать Зеленину, Бочаровъ исподволь, не возбуждая подозрѣній, узнавалъ отъ самихъ же хивинцевъ и затѣмъ передавалъ полученныя имъ свѣдѣнія Зеленину. Во время этихъ глазомѣрныхъ съмокъ нельзя уже было обойтись при помощи дыни и пришлось поневолѣ наносить добываемыя свѣдѣнія на бумагу, и хотя здѣсь, вѣдь главнаго города Хивы и въ оазисахъ, хивинцы не слѣдили уже за Бочаровымъ такъ зорко, какъ слѣдили они за нашимъ посольствомъ въ самой Хивѣ, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь Зеленинъ долженъ былъ соблюдать большую осторожности: такъ, напримѣръ, маленькій карандашъ былъ вдѣланъ у него незаметно въ ключикъ отъ часовъ; вмѣсто бумаги онъ заносилъ свои замѣтки на внутреннія стороны крышекъ маленькихъ картонныхъ коробокъ, бывшихъ съ товаромъ у Бочарова.

Однако, въ самомъ концѣ путешествія по Хивѣ Бочарова и Зеленина съ ними случилось одно происшествіе, которое легко могло погубить ихъ обоихъ.

Возвращаясь въ Хиву, они заѣхали въ послѣдній по дорогѣ городъ Куня-Ургентъ *) и остановились у знакомаго Бочарову хивинца, бывшаго не разъ въ

*) Куня-Ургентъ или Куня-Ургентъ, бывшая столица Хивинскаго ханства, называвшаяся Харевъ.

Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, съ товарами. Однажды, когда Почаровъ и хивинецъ вмѣстѣ уѣхали куда-то, Зеленинъ, разложивъ на столѣ картонныя коробки съ пмѣвшимися на нихъ чертежами и замѣтками, сталъ заниматься... Вдругъ, въ комнату, которой по оплошности онъ не заперъ, входитъ какой-то, лѣтъ 14-ти, мальчикъ персiянскiй и говоритъ по-русски:

— Здравствуйте, баринъ! Я васъ знаю...

Зеленинъ съ ужасомъ взглянулъ на мальчика и сталъ убирать со стола свои картонки.

— Я жилъ два раза въ Оренбургѣ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ, — продолжалъ мальчикъ, — и мы квартировали рядомъ съ вашимъ домомъ... Прежнiй хозяинъ продалъ меня вотъ этому, у котораго вы теперь живете. Я вѣдь знаю, что вы все снимаете планы: я васъ однажды видѣлъ подъ Оренбургомъ — вы все съ цѣпью ходили и рисовали въ степи...

Зеленинъ былъ ни живъ, ни мертвъ — и ждалъ, что будетъ дальше...

— Да вы не бойтесь, баринъ!.. чортъ ихъ возьми! я вѣдь имъ ничего не скажу: я ихъ, собакъ, не люблю... Мой отецъ и мать и теперь живутъ у нихъ въ Хивѣ, плѣнные...

Когда Зеленинъ опомнился, онъ всячески обласкалъ мальчика перса, далъ ему серебряной мелочи и подарилъ свистокъ и съ фунтъ сахара. Когда къ вечеру

вернулся Бочаровъ и узналъ всю эту исторію, онъ сказалъ Зеленину:

— Ну, баринъ, надо уходить отсюда скорѣе къ своимъ! Вѣдь бѣда намъ будетъ, если мальчишка проговорится...

До Хивы было 40 верстъ, и утромъ, чуть снѣтъ, наши путешественники выѣхали изъ Куны-Ургента и благополучно въ тотъ же день, къ вечеру, добрались до Хивы, гдѣ Зеленинъ со всею своею замяткою отправился прямо въ посольство, а Бочаровъ по прежнему—въ караванъ-сарай.

V.

Прощальная аудіенція у хана. — Выступленіе посольства изъ Хивы. — Отказъ Сергѣя-аги возвратиться въ Россію. — Казнь персидскихъ плѣнниковъ. — Участь русскихъ, попавшихъ въ неволю въ Хиву. — Обратный путь посольства и вступленіе въ Оренбургъ. — Нарушеніе хивичами договора съ Россіей.

30-го декабря, полковникъ Данилевскій испросилъ у хана прощальную аудіенцію. Во время пріема ханъ пригласилъ посла, можетъ быть, только изъ вѣжливости, пожить еще въ Хивѣ и дожидаться наступленія весны; но Данилевскій поблагодарилъ за любезность и отклонилъ предлагаемую ему честь. Ханъ, прощаясь, неожиданно объявилъ Данилевскому, что назначилъ сопровождать его своего посланца, сапов-

ника Магомедъ-Эмина, назначеннаго выразить государю «безпредѣльную благодарность за подарки и милостивое расположеніе».

На другой день, 31-го декабря 1842 года, посольство выступило въ путь. На проводы явился и Сергѣй-ага... Онъ привезъ съ собою въ гостинецъ, на дорогу своимъ уѣзжавшимъ землякамъ, бурдюкъ вина и цѣлую корзину русскихъ пироговъ. Данилевскій звалъ его съ собою въ Оренбургъ, ручаясь за полное прощеніе, но онъ не согласился:

— Мнѣ тамъ надо въ богадѣльню идти,—отвѣчалъ со вздохомъ Сергѣй-ага,—а здѣсь я богатый человекъ и одинъ изъ первыхъ.

На самомъ выѣздѣ изъ города посольству было изготовленъ ужасный сюрпризъ, очевидно, умысленно, съ цѣлью устрашенія и предупрежденія: по дорогѣ сидѣли, посаженные на колья, нѣсколько персіянъ... Съ руками, привязанными параллельно къ ногамъ, въ страшныхъ мукахъ кончали свою жизнь эти несчастные люди, оглашая воздухъ громкими жалостными криками: «Су! су!! су!!..» (воды).

Сопровождавшіе посольство хивинцы сообщили, что вина этихъ несчастныхъ людей состояла въ томъ, что, будучи захвачены разбойниками туркменами (іомудами) и проданы въ Хиву, въ рабство, они сговорились и убѣжали. Хивинцы на другой же день ихъ нагнали, и вотъ, въ поученіе прочимъ персамъ невольникамъ и въ видъ назиданія уходящимъ рус-

скимъ, жестокосердый ханъ приказалъ посадить на колы всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ самый день выступления нашего посольства, по пути его слѣдованія...

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ участи плѣнныхъ, которые имѣли несчастье попадаться къ хивинцамъ. Собственно нашихъ плѣнныхъ, русскихъ, было въ Хивѣ предъ походомъ Перовскаго болѣе тысячи человекъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ, а также и схваченныхъ случайно нашими же киргизами подъ Оренбургомъ и съ хуторовъ, находящихся въ степи, во время рабочей поры, когда туда приходили работники и работницы изъ сосѣднихъ губерній, Уфимской и Самарской. Во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, болѣе половины нашихъ плѣнныхъ перемерло; остальные, въ количествѣ 419 человекъ обоего пола, были возвращены хивинцами въ Оренбургъ послѣ похода генерала Перовскаго *).

Слѣдуя изъ Хивы, посольство наше направилось въ Оренбургъ нарочно не прежнимъ уже путемъ на

*) Первые плѣнные — корпекъ Аитовъ и двое купцовъ — прибыли въ Оренбургъ 14-го августа 1840 года; остальная же партія, въ количествѣ 416 человекъ, пришла нѣсколько дней спустя. Хивинцы удержали у себя лишь нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ, оставленныхъ самимъ ханомъ, его личныхъ слугъ и различныхъ мастеровъ, но и эти были впослѣдствіи, по грозному требованію нашего правительства, возвращены.

Куши-Ургентъ, а помытъ—черезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой никто изъ русскихъ еще не видѣлъ и не зналъ. Всю дорогу топографы дѣлали тщательную съемку мѣстностей, черезъ которыя теперь доводилось проходить; Магомедъ-Эмина и его свиты они мало, повидимому, стѣснялись.

Въ Оренбургѣ посольство возвратилось на масляной недѣлѣ, во второй половинѣ февраля. Съ дороги еще, Данилевскій послалъ въ Оренбургъ нарочнаго киргиза, изъ числа бывшихъ при немъ, съ предупрежденіемъ, что онъ возвращается не одинъ и въ сопровожденіи хивинскаго посла; поэтому, когда наши вступили въ Оренбургъ, Магомедъ-Эминъ былъ встрѣченъ съ особымъ почтомъ и торжественностью, до чего азіаты вообще болѣе охотники. Тотчасъ же былъ посланъ въ Петербургъ курьеръ съ извощеніемъ распоряженія, какъ поступить съ хивинскимъ посломъ. Отвѣтъ отъ гр. Неессельроде былъ полученъ, однако, не слишкомъ-то скоро: предлагалось отпраздновать Магомедъ-Эмина въ Петербургѣ, со всевозможными, впрочемъ, удобствами и торжественностью.

22-го апрѣля (1843 г.) хивинскій посолъ со свитою въ пять человекъ былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ 13-го мая. Но его пріемъ (въ Царскомъ Селѣ), сдѣланныя ему роскошные подарки и оказанная любезность не входятъ уже въ программу настоящей статьи... Мы лишь сочли не безынтереснымъ прослѣдить тѣ добрыя

отношенія къ Хивѣ, которыя русское правительство того времени всячески старалось начать, установить и поддержать, поступаясь иногда собственными интересами. Но малѣйшая снисходительность со стороны Россіи была, къ сожалѣнію, принимаема хивинцами за слабость... Въ послѣдующіе же затѣмъ годы (въ 1844 и 1845 гг.), хивинское правительство не постѣснилось нарушить только-что заключенный имъ договоръ: оно стало явно покровительствовать извѣстному мятежнику, русскому киргизу Кенесарѣ (котораго безуспѣшно преслѣдовали наши отряды по степи) и разбойнику Кутеборову, скрывавшимся въ пограничныхъ хивинскихъ владѣніяхъ. Попрежнему, начался грабежъ русскихъ купеческихъ каравановъ; степь также стала для русскихъ опасна въ пути... Дѣло дошло до того, что въ 1852 году В. А. Перовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, въ званіи уже генераль-губернатора, вынужденъ былъ предложить хивинцамъ кунсъ въ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подиластнаго намъ султана Ирмухамеда Касимова, управлявшаго чеумекесвами *).

*) Извѣстно, что всѣ дѣлаемые въ то время настоянія и представленія генерала Перовскаго о необходимости нашего наступательнаго движенія въ Среднюю Азію и невозможности новаго похода въ Хиву были тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде отклонены, и только двадцать лѣтъ спустя; въ 1873 году, походъ этотъ былъ предпринятъ вновь и окончился полною побѣдою нашихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ генераль-адъютанта К. П. Кауфмана. Съ того

Наконецъ, въ 1858 году, хивинскіе правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву (нынѣ генераль-адъютантъ и графъ), что они содержанія акта, заключеннаго имъ въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, «не помнятъ» и даже «не знали его» въ своихъ канцеляріяхъ...

времени, минуло уже 25 лѣтъ,—и теперь представляется возможность помннуть еще разъ добрымъ словомъ этого distinguished военачальника.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Зимній похідъ въ Хиву	1
Посольство въ Хиву	167

ИЗДАНИЯ П. П. СОЙКИНА

(С.-Петербургъ, Стремянная, 12.)

— Торжеество Германекой Промышленности —

Сочин. Е. Уильямса, перев. съ англ. В. Лапидевской, съ предисл. профес. Имп. Спб. Унив. П. Н. Георгіевскаго. Изд. П. П. Сойкина. 238 стр. Цѣна 1 руб.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Уходящая слава Англии. Введеніе. Британскіе экономисты. Какъ смотрѣть на дѣло коннентентные люди. Какъ дѣло было прежде. Революція въ нѣмецкой промышленности. Made in Germany. Нѣмецъ, какъ дипломатъ. Нѣмецкая торговля съ другими государствами. Значеніе разсмотрѣнныхъ фактовъ. Какое значеніе имѣть разсматриваемый вопросъ для Англии.— II. Желѣзо и сталь. Маленькая шутка нѣмецкаго профессора. Мировые фабрики желѣза. Ichabod. Ожиданіе торговли въ настоящее время. Наши сосѣди Бельгія. Наша сѣбка Германія. Возможительное сравненіе. Дополнительныя свидѣнія. Преимущество Германіи. Обзоръ сказаннаго. III. Корабли, мѣдныя и желѣзные товары и машины. Корабли. Морское транспортированіе. Ножевой товаръ. Желѣзныя и мѣдныя издѣлія. Машинныя и инструменты. Делательныя свидѣнія.— IV. Хлопчатобумажные, шерстяные и т. п. товары (Textiles). Общія соображенія. Бумажная ткань. Ленная и джутовая ткани. Шелкъ. Шерсть и шерстяныя издѣлія. Что можно здѣсь посоветовать.— V. Химическіе препараты. Барометръ торговли. Московитыныя товары и декоративныя посярлата. Грубые химическіе препараты. Щелочи. Удобренія и т. п. Поваренная соль. Тонкіе химическіе препараты. Хлоринъ. Химическіе препараты для фотографіи. Лица, существа съ произведеніемъ химическихъ анализовъ. Англича. Эфирный мистъ. Духи. Мыло.— VI. Мелкія производства. Перуцины. Стекло. Гончарный промыселъ. Цементъ. Кожа и кожанія издѣлія. Бумага и картонъ. Музыкальныя инструменты. Книгопечатаніе.— VII. Отчего Германія побѣждаетъ насъ. Заработная плата и число рабочихъ часовъ. Ставки рабочихъ. Дешевые и плохіе товары. Занонъ о торговыхъ маркахъ. Правительственная помощь. Покровительственный системъ. Премія и субсидія. Перевозка товаровъ. Торговыя консулы. Образованіе. Самопомощь. Населенность. Принадлежность. Общія примѣны.— VIII. Что мы должны сдѣлать, чтобы спасти нашу торговлю. Необходимость перехода отъ свободной торговли къ торговлѣ равноправной. Субсидированная перевозка товаровъ. Торговыя консулы. Техническое образованіе. Индивидуальныя предпринимательности.

ДРАГУНЫ НА ТРАВѢ.

Наброски художника Э. К. Соколовскаго. Текстъ В. Свѣтлова. Изящное изданіе альбомнаго формата. Цѣна 50 коп.

О СЧАСТЬѢ.

Лухмановой Н. А.
Изящное изданіе
111 стр. Цѣна 75 к.

Съ требов. обращаться въ Им. Скл. П. П. Сойкина—Спб. Стремянная, 12.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДЪ П. П. СОЙКИНА

(С.-Петербургъ, Стремянная, 12)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) **Люди тѣмные.**—Очерки и рассказы изъ народнаго быта: «Отходниное сердце», «Дядя Гаврилычъ», «Похороны», «Огонекъ», «Деревенскій знахарь», «Дѣвъ пѣсен», «Раскольникъ», «Канканы», «Дѣтоубійца», «Василей—слабій медъ», «Подливотная клятва», «Лживая спиха», «Талы-воробья», «Смерть Пласы», «Телеграфные столбы», «Каменная баба», «Графиня-тюремница», «Что мы имѣемъ». — *Изданіе 2-ое, П. П. Сойкина. 1897 г. Сиб. Цѣна 1 руб.*

2) **Тѣни прошлаго.**—Рассказы и повѣствованія о бывшихъ дѣлахъ: «Холерный бунтъ въ Тамбовѣ, въ 1831 г.», «Арестъ и ссылка молоканина Богданова», «Эпизоды изъ эпохи освобожденія крестьянъ», «Судебныя ошибки прежнихъ лѣтъ», «Изъ архивовъ южно-русскаго края», «Воспоминанія о службѣ въ Вѣлоруссіи», и др. (статьи изъ «Русской Старины», «Древей и новой Россіи», «Вѣстника Европы», «Русскаго Архива» и «Историческаго Вѣстника»). *Изданіе 1-ое, С. С. Суворова. 1885 г., Сиб. Цѣна 1 р. 50 коп.*

3) **Грѣзы и пѣсни.**—Стихотворенія, печатавшіяся съ 1871 по 1896 г., въ различныхъ журналахъ. *Изданіе 4-ое. 1896 г., Сиб. Цѣна 50 коп.*

4) **Молодая пора.**—Повѣсть и два рассказа: «Карлъ и Эмилія» и «Любовь и долгъ» (изъ журналовъ же). *Изданіе П. Д. Сойкина и Г^о. 1891 г., Москва, Цѣна 50 коп.*

5) **Для спектаклей (любительскихъ).**—Пять пьесъ: «Отмѣнаны!» «По красному звѣрю», «Смерть Коркулло», «Съ богатою женой» и «Передъ волей». 1897 г., Сиб. Цѣна 1 р.

6) **Для народа.**—Шесть рассказовъ. *Изданіе П. П. Сойкина. 1897 г., Сиб. Цѣна 20 коп.*

Съ требов. обращаться въ Кн. Скл. П. П. Сойкина — Сиб. Стремянная, 12.
Дозв. ценз. Сиб. 5 мая 1898 г. Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

